

Международный научно-практический журнал
«СОВРЕМЕННОЕ ПРАВО»

№ 11 (ноябрь)

Учредитель и издатель — ООО Издательство «НОВЫЙ ИНДЕКС»

Периодичность выхода в свет — ежемесячно

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати,

телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

Регистрационный номер ПИ № 77-3849 от 30.06.2000

ISSN 1991-6027

eISSN 2306-7624

Москва, 2023

**Международный научно-практический журнал
«СОВРЕМЕННОЕ ПРАВО»**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Абашидзе Аслан Хусейнович — Заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, заведующий кафедрой международного права Юридического института РУДН, профессор кафедры международного права МГИМО (У) МИД России;

Алиев Тигран Тигранович — доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой гражданского и арбитражного процесса ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности», почетный адвокат РФ;

Анисимов Алексей Павлович — доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и природоресурсного права МГЮА (У), профессор;

Анорве Анорве Даниэль — доктор, профессор Отдела права, политики и правительства Департамента политических исследований Университета Гуанахуато (Мексика, Гуанахуато);

Варьгин Александр Николаевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой прокурорского надзора и криминологии ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»;

Велиев Исахан Вейсал оглы — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой права Академии Государственного Управления при Президенте Азербайджанской Республики (Азербайджанская Республика, г. Баку);

Выдрин Игорь Вячеславович — доктор юридических наук, профессор, директор МБУ «Институт муниципального управления», профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета, Почетный работник высшего профессионального образования РФ;

Герасименко Юрий Васильевич — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Уполномоченный по защите прав предпринимателей в Омской области;

Головинская Ирина Викторовна — доктор юридических наук, профессор кафедры публично-правовых дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России, профессор кафедры «Уголовно-правовые дисциплины» юридического института Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, профессор кафедры конституционного и муниципального права факультета права Владимирского филиала РАНХиГС;

Громов Владимир Геннадьевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного, экологического права и криминологии Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского;

Дедов Дмитрий Иванович — доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова;

Залужный Александр Гаврилович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры правового обеспечения национальной безопасности РАНХиГС при Президенте РФ;

Землин Александр Игоревич — доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой «Транспортное право» Российского университета транспорта (МИИТ);

Карташкин Владимир Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, заслуженный юрист РФ;

Карфикова Мария — доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой финансового права и финансовой науки Карлова университета (Чешская Республика, г. Прага);

Красинский Владислав Вячеславович — доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника управления противодействия экстремизму и терроризму ГУРБ Московской области;

Куракин Алексей Валентинович — доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента международного и публичного права Финансового университета при Правительстве РФ;

Лесников Геннадий Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России;

Максимов Сергей Николаевич — доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой правоведения Севастопольского экономико-гуманитарного института Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского;

Молчанов Александр Александрович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и гражданского процесса ФГК ОУВО «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации»;

Рыженков Анатолий Яковлевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Годовикова, заслуженный деятель науки Республики Калмыкия;

Скуратов Юрий Ильич — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, академик РАЕН, заведующий кафедрой конституционного и международного права Российского государственного университета нефти и газа имени И.М. Губкина, президент фонда «Правовые технологии XXI века»;

Турапин Владислав Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Белгородского государственного национального исследовательского университета (Россия, Белгород);

Улетова Галина Дмитриевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры правового обеспечения рыночной экономики ИГСУ РАНХиГС при Президенте РФ;

Фокина Марина Анатольевна — доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского, арбитражного, административного процессуального законодательства Российского государственного университета правосудия;

Хуан Даосю — доктор юридических наук, профессор, профессор Политико-юридического университета КНР, председатель Научно-исследовательского центра российского права в Китайской Народной Республике, кавалер Ордена Дружбы (КНР, Пекин)

Черникова Елена Вадимовна — доктор юридических наук, кандидат экономических наук, профессор, зав. кафедрой правового обеспечения экономики и финансов ИГСУ РАНХиГС при Президенте РФ, федеральный судья в отставке;

Шаронов Сергей Александрович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

Шинкарецкая Галина Георгиевна — доктор юридических наук, главный научный сотрудник Сектора международно-правовых исследований Института государства и права РАН, член Совета по международному праву при Министерстве иностранных дел РФ;

Экштайн Карл — доктор юридических наук, профессор, почетный консул Российской Федерации в Швейцарии, адвокат, директор компании «Экштайн и партнеры» (Швейцария, г. Роршах);

Этель Леонард — доктор наук, профессор, заведующий кафедрой налогового права Университета в Белостоке, Председатель Кодификационной комиссии по общему налоговому праву Республики Польша (Польша, Белосток).

Международный научно-практический журнал
«СОВРЕМЕННОЕ ПРАВО»
Содержание № 11'2023

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

- А.А. Мохов.* К вопросу о формировании семейноцентричного законодательства5
Н.В. Кагальницкова. Функциональные аспекты частной детективной деятельности в Российской Федерации10
А.Я. Рыженков. Роль источников права в формировании отраслевого деления системы права.....15

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- В.В. Руденко.* Совершенствование правовых механизмов обеспечения социальной солидарности в России20
В.А. Ревуцкая. Некоторые проблемы осуществления общественного контроля за деятельностью органов местного самоуправления25
Е.В. Красненкова. Дедолларизация как правовая мера по отношению к санкциям недружественных стран31
М.Б. Нансо. Право на достоверную информацию: информационные права индивида и обеспечение защиты интересов индивида, общества и государства34
И.Ш. Исмаилов. Цифровизация контрактной системы: перспективы и зарубежный опыт42
Д.В. Марон. Классификация сроков в государственно-служебных отношениях по их содержанию48
А.В. Куракин, А.Н. Харитонов, Н.А. Елбаева. Вопросы административной ответственности и административных наказаний по российскому праву54
В.А. Юнева. Перспективы гармонизации национального административно-деликтного законодательства стран — членов ЕАС в условиях экономической интеграции.....62

ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОГО ПРАВА

- Д.Н. Кархалёв, Н.Ф. Качур.* Восстановление нарушенных смежных прав65
К.С. Кочкурова. Об использовании иноязычных заимствований в фирменном наименовании юридического лица.....71
Т.И. Нестерова. О правовом регулировании фамилий супругов77
С.В. Колобова. Юридическая ответственность за уклонение от оформления трудового договора: проблемы правоприменения81
И.В. Воронцова, Г.Н. Ахметзянова, С.Р. Гафурова. О справедливом судебном разбирательстве в науке и процессуальном законодательстве.....87
Р.Р. Коновалов. Современные информационные технологии в арбитражном судопроизводстве и дальнейшие пути их развития92

Учредитель и издатель журнала:
ООО Издательство «НОВЫЙ ИНДЕКС»

Журнал зарегистрирован
в Министерстве РФ по делам печати,
телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций
Регистрационный номер
ПИ № 77-3849 от 30.06.2000
ISSN 1991-6027
eISSN 2306-7624

Включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук в редакции от 21.02.2023 по следующим группам специальностей:
5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки),
5.1.3. Частноправовые (цивилистические) науки (юридические науки),
5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки),
5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки)

Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)
https://elibrary.ru/title_profile.asp?id=9117

С июля 2020 года журнал выходит в свет также в электронном виде
Подписной индекс:
Агентство «Урал-Пресс» — 000746

Тел. (499) 381-1791
<https://sovpravo.press/zhurnal-sovremennoe-pravo-oficialnaya-stranica/>
<https://www.sovremennoepravo.ru/>
E-mail: info@info-pravo.com

Директор издательства
Л.А. Овсякова

Главный редактор
Н.В. Володина,
доктор юридических наук,
доктор философских наук, профессор

Редактор *Н.Б. Чунакова*
Корректор *Л.А. Павлова*

Компьютерная верстка
Г.М. Федотовская

© Издательство «Новый индекс»
Перепечатка материалов, опубликованных в журнале, допускается исключительно с письменного разрешения редакции

Международный научно-практический журнал
«СОВРЕМЕННОЕ ПРАВО»
Содержание № 11'2023

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- Е.Е. Хохлов.** Нормативно-правовое регулирование оборота одурманивающих веществ.....96
В.Н. Винокуров, Н.А. Рябинин. Проблемы квалификации незаконного завладения банковской картой101
Н.В. Волкова. Проблемы судебной практики в сфере незаконной банковской деятельности108
С.В. Супрун. Росгвардия и Следственный комитет Российской Федерации: уголовно-процессуальные полномочия в сфере деятельности войск национальной гвардии111
Н.И. Полищук. Новые направления в правовой политике государства по социализации лиц, освобождающихся из мест лишения свободы116

МЕЖДУНАРОДНОЕ И ЗАРУБЕЖНОЕ ПРАВО

- В.А. Карташкин.** Права человека в информационном обществе: соотношение информационных и цифровых прав120
Г.Г. Шинкарецкая. Прикладные виды космической деятельности: проблемы международно-правового регулирования126
Р.В. Мамедов. К вопросу о деятельности судебно-экспертных учреждений и аналогичных структур в некоторых зарубежных странах133

РЕЦЕНЗИИ

- Д.И. Дедов.** Основополагающие принципы государственного регулирования экономики России в современных условиях (*Экономическое право : учебник 2-е изд., перераб. и доп. / науч. ред. проф. Н.С. Бондарь. М. : Проспект, 2023. 352 с.*)138

Формат 60x90/8, объем 18 п.л.
Подписано в свет 30.11.2023

Требования к оформлению статей

Статья должна иметь:

1. Название на русском и английском языках.
2. Публикуемые сведения об авторе(ах) на русском и английском языках: фамилия, имя, отчество (полностью); ученая степень, ученое звание; место работы, должность; место учебы (аспирант, соискатель, докторант + наименование образовательного учреждения); электронный адрес.
3. Аннотацию (объемом не менее 100 слов) и ключевые слова (не менее 5) на русском и английском языках.
4. Библиографический аппарат, представленный ссылками по тексту в квадратных скобках (ГОСТ Р 7.0.5-2008) и списком литературы (в конце статьи). Источники указываются в алфавитном порядке.
5. Непубликуемые сведения: почтовый адрес с индексом и номер контактного телефона.

Объем статьи не должен превышать 25 000 знаков, т. е. 15 страниц (в т. ч. библиография).

Статьи представляются в электронном виде по e-mail.

Аспиранты и соискатели должны представить рецензию научного руководителя, заверенную подписью и печатью. Согласно нормам части четвертой ГК РФ (глава 70 «Авторское право»), по одобрении статьи и включении ее в план редподготовки автор должен **подписать с издательством (редакцией журнала) лицензионный договор**, размещенный на сайте в рубрике «Лицензионный договор». Подписанный автором договор должен быть направлен на электронный (в формате pdf или jpg) либо на почтовый адрес редакции.

Порядок рассмотрения и одобрения статей

1. Внутреннее рецензирование статей осуществляется на основании Положения о рецензировании в течение 2 недель со дня поступления материала в редакцию.
2. В случае одобрения статья включается в план редакционной подготовки.
3. В случае отклонения статьи автору направляется письмо с мотивированным отказом в публикации.

Подробнее см.:

<https://sovpravo.press/page/Современное-право>

DOI 10.25799/NI.2023.42.86.001

УДК 347.1

ББК 67.407

К вопросу о формировании семейноцентричного законодательства

А.А. Мохов,

доктор юридических наук, профессор Института
международного права и правосудия Московского государственного
лингвистического университета им. Мориса Тореза, профессор Института
подготовки кадров высшей квалификации и профессионального образования
Национального медицинского исследовательского центра
сердечно-сосудистой хирургии им. А.Н. Бакулева, эксперт Патриаршей комиссии
по вопросам семьи, защиты материнства и детства
ORCID: 0000-0001-8139-7932

Россия, Москва
med-farm-law@mail.ru

В статье предпринимается попытка осмысления феномена семейноцентричного законодательства в современной России. Автор определяет в качестве цели нового вектора развития законодательства (семейного, социального и др.) решение демографических, ментальных и иных проблем современного государства. Формирование семейноцентричного законодательства требует разработки новой Семейной доктрины государства, на основе которой будет создаваться семейное и иное законодательство страны второй четверти XXI века.

Ключевые слова: семейная политика, демографическая безопасность, ментальная безопасность, семейноцентричное законодательство, Семейная доктрина, новый Семейный кодекс.

Геополитическая и социально-экономическая турбулентность обострили ряд застарелых проблем российского общества. Одной из наиболее острых является проблема обеспечения приемлемого уровня демографической безопасности. Именно через призму безопасности, а не каким-либо еще образом теперь рассматриваются проблемы демографии. Об этом со всей очевидностью свидетельствуют конференции, круглые столы, совещания последних лет. Статьи появлялись также научные труды, посвященные различным аспектам обеспечения демографической безопасности [3, с. 62—67].

Нельзя не обратить внимания на документы стратегического планирования, в которых делается акцент на потребности в скорейшем решении демографической проблемы и прекращении дальнейшей деградации института семьи.

Так, в указе Президента РФ от 06.06.2019 № 254 «О Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года»¹ приводятся показатели оценки состояния национальной безопасности в сфере охраны здоровья граждан. Часть из них является демографическими показателями.

Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»² говорит об особом

внимании государства к вопросам поддержки семьи, материнства, отцовства и детства. Крепкая семья в нем отнесена к традиционным духовно-нравственным ценностям. Этот тезис находят свое дальнейшее развитие в указе Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»³. Согласно документу, внешнее идеологическое воздействие на российских граждан ведет к разрушению традиционной семьи.

Несомненный интерес для нас представляет также указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации»⁴. Сбережение народа России, развитие человеческого потенциала названо в акте одним из национальных интересов государства во внешнеполитической сфере.

Семья рассматривается как основа демографии многими современными отечественными мыслителями [5, с. 6—23]. Заслуживающим внимания представляется опыт Республики Беларусь, которая имеет Закон Республики Беларусь от 04.01.2002 № 80-З «О демографической безопасности Республики Беларусь». В этом акте среди одной из основных демографических угроз указана деградация института

¹ Собрание законодательства РФ. 2019. № 23. Ст. 2927.

² Там же. 2021. № 27 (Ч. II). Ст. 5351.

³ Там же. 2022. № 46. Ст. 7977.

⁴ Там же. 2023. № 14. Ст. 2406.

семьи. Важным для правотворчества и правоприменения является принцип приоритета национальных демографических интересов при соблюдении общепризнанных принципов международного права, прав человека и уважении религиозных, этнических ценностей и культурных устоев населения.

Решение демографической проблемы носит комплексный характер. В системном единстве, по мнению экспертов, здесь должны быть увязаны семейная, социальная, экономическая, информационная, культурная, миграционная и иная политики. Однако на первом месте находится политика семейная. Именно в семье поддерживаются и передаются будущим поколениям от предшествующих традиционные ценности, установки на многодетность, формируется индивидуальный и коллективный ментальный иммунитет. Снижение числа регистрируемых браков, рост разводов, следование части молодежи установкам на бездетность — вот основные угрозы для общества в плане обеспечения демографической безопасности государства. Крепкая и многодетная семья — основа общества и государства на ближайшую обозримую перспективу для России. Иные варианты неприемлемы, так как влекут за собой недопустимые для страны угрозы и риски — сначала в области демографической, а затем и по иным видам безопасности (биологической, военной, ментальной, общественной, экономической).

Президент РФ В.В. Путин на встрече с семьями, награжденными в 2023 году орденом «Родительская слава», заявил, что семей, «лицетворяющих истинные, а не искусственные ценности», будет больше [4, с. 1].

С учетом изложенного в центре ряда политик, реализуемых государством, должна стать семья. Об этом довольно много говорится в последние годы, что не может не радовать. Однако в правовом государстве большинство задач, решений, проектов может быть реализовано только в случае их непротиворечия действующему законодательству и сложившейся правоприменительной практике. Иными словами, отечественное законодательство, ориентированное на решение задач по обеспечению демографической, ментальной и иных видов безопасности, должно стать семейноцентричным, или семьецентричным.

Однако в сложившейся в праве и законодательстве парадигме «личность — общество — государство» семья отсутствует.

Нами указаны оба термина, так как ни один из них не является до настоящего времени устойчивым в специальной литературе. Широко

известная Научная электронная библиотека (eLIBRARY.RU) на момент подготовки настоящей работы не дала ссылок на публикации, в наименовании либо ключевых словах которых есть слова «семейноцентричный», «сьемецентричный» или производные от них. Не изобилует ими и сеть Интернет. В основном поисковая система отсылает к заявлениям отдельных политиков и общественных деятелей, а также к переводным научно-популярным и публицистическим работам. Важно заметить, что искомый термин иногда употребляется в негативной коннотации.

В буквальном смысле под термином «семейноцентричный» следует понимать такую правовую среду, в которой семья является тем адресатом, на которого направлено воздействие корпуса специальных норм (регулятивных и охранительных), а также конкретные действия, решения органов власти и должностных лиц. Если такой субъект имеется, при реализации той или иной политики (социальной, экономической и др.) он прямо учитывается. Следовательно, мы имеем семьецентричное (сьемецентричное) законодательство. Если же такого субъекта нет, то не имеем. Отдельные семьецентричные (сьемецентричные) нормы, если они и имеются, «погоды» в обществе не делают. Даже их совокупность (вне системного единства) не позволяет говорить о том, что в центре государственной политики действительно находится семья. В этих случаях более правильно вести речь об элементах такого законодательства либо о развитии семьецентричного законодательства (при условии, что имеются и реализуются соответствующая программа, план, стратегия развития законодательства).

Где же мы находимся при такой постановке исследуемой нами проблемы?

Согласно ч. 2 ст. 7 Конституции РФ в России как социальном государстве обеспечивается государственная поддержка семьи¹. В части 1 ст. 38 Основного закона говорится уже о нахождении семьи под защитой государства. Можно также упомянуть конституционную норму, согласно которой Правительство РФ обеспечивает проведение единой государственной политики по вопросам укрепления и защиты семьи (п. «в» ч. 1 ст. 114).

В силу имеющейся архитектоники отечественного законодательства можно предположить, что основной корпус норм, посредством которых реализуются конституционные положения (о защите института семьи, ее государственной поддержке), имеется в семейном законодательстве, а также законодательстве о социальном обеспечении.

¹ Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Семейный кодекс РФ от 29.12.1995 № 223-ФЗ¹ воспроизводит конституционную норму о защите семьи и фиксирует положение о том, что семейное законодательство исходит из необходимости укрепления семьи (ч. 1 ст. 1). Однако уже с ч. 3 ст. 1 СК РФ и далее нормы говорят не столько о семье, сколько о членах семьи (мужчине и женщине, несовершеннолетних и нетрудоспособных членах семьи и т. п.). Удивительно, но в стержневом акте семейного законодательства, каковым является СК РФ, нет понятия «семья». Кодекс полностью лишен понятийного аппарата. Следовательно, мы не имеем необходимого для реализации полноценной семейной политики (в отношении семьи, многодетной семьи, молодой семьи, неполной семьи) адресата. Отсюда напрашивается следующий тезис: у современной российской семьи нет и каких-либо прав и обязанностей, в отличие от отдельных ее членов. На доктринальном уровне семья учеными если и выделяется в качестве субъекта, то с определенными оговорками (как самоорганизующийся и саморегулирующийся субъект, как особый субъект, интересы которого могут не совпадать с интересами отдельных членов семьи и проч.) [1, с. 105].

Можно предположить, что в силу очевидности для общества и правоприменительной практики исследуемой дефиниции отсутствует потребность в ее закреплении. Однако это не так. Об этом свидетельствуют поправки, внесенные в Конституцию РФ в 2020 году. Согласно п. «ж».1) ч. 1 ст. 72 этого документа в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации находится защита института брака как союза мужчины и женщины.

Жилищный кодекс РФ от 29.12.2004 № 188-ФЗ², регулируя отношения граждан по осуществлению ими жилищных прав, вынужден был в ч. 1 ст. 31 анализируемого закона закрепить перечень возможных членов семьи собственника жилого помещения (проживающих совместно с собственником супруга, а также детей и родителей собственника).

Исключительно о членах семьи (наемателя, собственника, наследодателя) говорит и Гражданский кодекс РФ (статьи 672, 1088, 1127, 1183, 1273 и др.).

Попытка дать понятие «семья» была принята в Федеральном законе от 24.10.1997 № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации»³. Под семьей в этом акте

законодатель понимает лиц, связанных родством и (или) свойством, совместно проживающих и ведущих совместное хозяйство.

Следует заметить, что этот закон устанавливает правовую основу для определения прожиточного минимума в стране, установления гражданам государственных гарантий и других мер социальной защиты. Согласно предлагаемой законодателем логике семья представляет для государства и общества интерес исключительно в контексте реализуемой им социальной политики, точнее, ведущейся им перманентно борьбы с бедностью? Такой же подход практикуется и в Федеральном законе от 28.12.2017 № 418-ФЗ «О ежемесячных выплатах семьям, имеющим детей»⁴.

Действительно, бедность — довольно частый спутник молодых, неполных, многодетных семей, а также семей, попавших в трудную жизненную ситуацию. Однако, на наш взгляд, конституционные положения о нахождении института семьи под защитой государства несводимы к мерам социальной поддержки некоторых семей.

Потребность в однозначном, четком определении семьи, семейного круга периодически возникает и в правоприменительной практике. Так, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» зафиксировано: «Решая вопрос о том, относятся ли лица к обычному кругу семьи, суду необходимо учитывать родственные отношения и личные связи, периоды общения, характер взаимоотношений и другие значимые обстоятельства»⁵.

Споры об алиментных обязательствах отдельных членов семьи также до настоящего времени вызывают трудности для судов. В пункте 48 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов»⁶ был дан перечень членов семьи, имеющих право на алименты. Кроме того, в нем были даны разъяснения в отношении возникновения обязательств по содержанию перед фактическими воспитателями.

Однобокая политика государства приводит не к увеличению количества полных семей, формирующих и поддерживающих традиционные семейные ценности, стремящихся стать многодетными, а порой — к прямо противоположному результату. Быть бедной и одинокой

¹ Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

² Там же. 2005. № 1 (Ч. I). Ст. 14.

³ Там же. 1997. № 43. Ст. 4904.

⁴ Там же. 2018. № 1 (Ч. I). Ст. 2.

⁵ Российская газета. 2019. № 96.

⁶ Там же. 2017. № 297.

матерью, воспитывающей ребенка, становится выгоднее, чем матерью, живущей в браке.

С позиций обеспечения демографической и ментальной безопасности основную ценность представляют именно полные семьи (мать, отец, один ребенок и более), ориентированные на рождение трех детей и более. Следовательно, для государства и общества важны каждая семья и каждый ребенок.

Перечень извлечений из федеральных законов, иллюстрирующих внимание законодателя не к семье, а преимущественно к ее отдельным членам, а также к лицам, нуждающимся в мерах социальной поддержки, можно продолжить. Ничего принципиально нового они в уже имеющийся национальный ландшафт не привнесут.

С учетом изложенного можно дать отрицательный ответ на поставленный нами выше вопрос. В России до настоящего времени отсутствуют достаточные предпосылки для формирования семейноцентричного (семьецентричного) законодательства. Только новейшие документы стратегического планирования позволяют ставить вопрос именно в таком ракурсе.

Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»¹ регулирует отношения как в сфере целеполагания, прогнозирования, планирования и программирования в области социально-экономического развития, так и в сфере обеспечения национальной безопасности. Комплексный подход к решению взаимосвязанных проблем обеспечения безопасности (демографической, ментальной и др.) и выхода на стабильное социально-экономическое развитие страны позволяет увязать друг с другом сразу несколько политик, гармонизировать их.

Их реализация предполагает следующий рабочий план в контексте рассматриваемой проблемы: разработка и принятие Семейной доктрины Российской Федерации; подготовка новых документов стратегического планирования (в частности, Стратегии демографической безопасности Российской Федерации) и ревизия имеющихся; разработка и принятие нового Семейного кодекса РФ.

Семейная доктрина РФ — документ, представляющий собой систему официально принятых в государстве взглядов на семью как один из стрессовых институтов российского общества. В ней на основе анализа угроз в области демографической, ментальной и иных видов безопасности, а также реальных потребностей развития общества формулируются основные

положения семейной и иных политик (демографической, социальной и др.) на долгосрочный период.

Реализация Семейной доктрины РФ достигается путем интенсификации усилий всех ветвей власти и осуществляется посредством широкого комплекса мер, том числе мер правового характера (формирование и развитие семейноцентричного законодательства).

Вопрос о новом Семейном кодексе РФ в последние годы также начинает обсуждаться. Необходимость изменений и их объем видятся ученым по-разному [2, с. 6—7]. На наш взгляд, полноценная реализация Семейной доктрины РФ и иных важнейших документов стратегического характера поставит перед политиками, управленцами, учеными-юристами и законодателем наряду с уже известными также и новые задачи, комплексный подход к решению которых затруднителен либо невозможен, если мы пойдем по пути внесения многочисленных изменений и дополнений в действующий Семейный кодекс РФ и другие федеральные законы.

Список литературы

1. Ермолаева, Т.А. Семья и право // Вестник Саратовской государственной юридической академии права / Т.А. Ермолаева. 2021. № 2. С. 99—106.
2. Крашенинников, П.В. Нужен ли России новый Семейный кодекс? / П.В. Крашенинников // Семейное и жилищное право. 2017. № 1. С. 3—7.
3. Мохов, А.А. Демографическая безопасность и ее правовое обеспечение / А.А. Мохов // Юрист. 2023. № 6. С. 62—67.
4. Путин: нет ничего ценнее родительского и семейного счастья // Коммерсант. 2023. 29 авг.
5. Смирнов, М. Путь в Россию — страну семей (концептуальные подходы к становлению института семьи как субъекта развития общества) / М. Смирнов, Ю. Крупнов, И. Юмашева // Изборский клуб. 2023. № 5. С. 6—23.

References

1. Ermolaeva, T.A. Family and law / T.A. Ermolaeva // Bulletin of the Saratov State Law Academy of Law. 2021. No. 2, pp. 99-106.
2. Krasheninnikov, P.V. Does Russia need a new Family Code? / P.V. Krasheninnikov // Family and Housing Law. 2017. No. 1, pp. 3-7.
3. Mokhov, A.A. Demographic security and its legal support / A.A. Mokhov // Lawyer. 2023. No. 6, pp. 62-67.
4. Putin: there is nothing more valuable than parental and family happiness // Kommersant. 2023. 29 Aug.

¹ Собрание законодательства РФ. 2014. № 26 (Ч. 1). Ст. 3378.

5. Smirnov, M. The way to Russia – the country of families (conceptual approaches to the formation of the institution of the family as a subject of the develop-

ment of society) / M. Smirnov, Yu. Krupnov, I. Yumasheva // Izborsky Club. 2023. No. 5. pp. 6-23.

On the Issue of the Formation of Family-centric Legislation

Mokhov A.A.,

Doct. in Law, Prof. at the Institute of International Law
and Justice of Moscow State Linguistic University,
Prof. at the Institute of Highly Qualified Personnel Training
and Professional Education at Bakulev National Medical Research Center
for Cardiovascular Surgery, Expert of Patriarchal Commission
on Family Issues, Protection of Motherhood and Childhood
ORCID: 0000-0001-8139-7932
Russia, Moscow
med-farm-law@mail.ru

The article attempts to comprehend the phenomenon of family-centered legislation in modern Russia. The author defines as the goal of a new vector of development of legislation (family, social, etc.) the solution of demographic, mental and other problems of the modern state. The development of family-centric legislation requires the development of a new Family doctrine of the state, on the basis of which the family and other legislation of the country of the second quarter of the XXI century will be formed.

Keywords: family policy, demographic security, mental security, family-centered legislation, Family doctrine, new Family Code.

DOI 10.25799/NI.2023.42.61.002

УДК 347.1

ББК 67.407

Функциональные аспекты частной детективной деятельности в Российской Федерации

Н.В. Кагальницкова,

кандидат юридических наук, доцент,
зав. кафедрой «Право и социально-гуманитарные дисциплины»
ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный аграрный университет»

Россия, Волгоград

Lara7@bk.ru

В рамках научной дискуссии рассматриваются функциональные аспекты частной детективной деятельности. Устанавливается, что на действующем этапе общественного развития функции негосударственного сыска обусловлены наличием признаков и условий, благодаря которым изучаемый вид деятельности обладает правовым воздействием на общественные отношения. Обосновывается, что основным средством реализации исследуемых функций и их базовой предпосылкой является оказание детективных услуг. Дается краткая характеристика примирительной, защитной и антимошеннической функциям частной детективной деятельности. Делается вывод о том, что, несмотря на ограниченный перечень видов детективных услуг, перечень функций, напротив, имеет неограниченный характер и формируется с учетом экономических и социальных возможностей государства.

Ключевые слова: функциональные аспекты, частная детективная деятельность, признаки, условия, правовое воздействие, оказание детективных услуг.

В ходе научной дискуссии, проводимой на страницах журнала «Современное право», ученые неоднократно поднимали вопрос о признании функций (наряду с предметом, методом, источниками и принципами) одним из системообразующих элементов отраслей частного права. Так, А.Я. Рыженков отмечает, что «функции, выполняемые различными отраслями права», в тоже время представляют собой соответствующую «конфигурацию социальных ценностей, обусловленную контекстом деятельности» [8, с. 29].

В настоящее время отраслевые функции (например, гражданского и трудового права) раскрываются в тех видах деятельности, которые базируются на фундаментальных отраслевых основах. В этом контексте цивилисты отмечают, что «специфику функций» следует искать «в особенностях предмета и метода правового регулирования...» [10, с. 64] соответствующих отношений. Например, функциональная направленность трудового права, обусловленная обязанностью отдельных работодателей (собственников или законных владельцев некоторых видов имущества) по защите имущества от террористических проявлений¹, дала толчок для выявления и изучения «антитеррористической» функции [9, с. 22—23]. В научных работах отмечается взаимосвязь функций частного права с функциями тех видов деятельности, которые регулируются

этими отраслями права (например, функции гражданского права и функции частной охранной деятельности) [15, с. 47—53]. Поскольку деятельность частной охраны и частная детективная деятельность регулируются одним законом², то, применяя метод аналогии, можно сделать вывод и о наличии функций частной детективной деятельности.

Таким образом, целью настоящей публикации является выявление функциональных аспектов частной детективной деятельности как вида деятельности, подвластного частноправовому регулированию.

В контексте методологического критерия проводимого анализа следует дать толкование термину «функциональные аспекты», выявив при этом значение терминов «функция» и «аспект». При характеристике частной охранной деятельности под функциями понимаются «основные направления деятельности» [15, с. 48]. В свою очередь, толкование слова «аспект» означает «точку зрения, взгляд на что-нибудь» [7, с. 37]. Следовательно, в системе проводимого исследования «функциональный аспект» представляет собой «авторскую точку зрения, взгляд на основные направления частной детективной деятельности». В работах по правовому регулированию охранной деятельности отмечается, что сущность функций отражается не столько в самих направлениях деятельности, сколько в ее (деятельности) «право-

¹ О противодействии терроризму : Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

² О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации : Закон Российской Федерации от 11.03.1992 № 2487-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 23.04.1992. № 17.

вом воздействии» на общественные отношения, формирующиеся на определенных этапах государственного развития [14, с. 111—114]. Таким образом, в нашем понимании функциональные аспекты частной детективной деятельности — это взгляд на правовое воздействие деятельности на общественные отношения, складывающиеся на современном этапе развития гражданского оборота, обусловленное наличием соответствующих признаков и условий. Содержательные элементы сформулированного нами определения фактически предопределяют задачи настоящей публикации.

Вместе с тем решению этих задач должна предшествовать оценка функционального состояния частной детективной деятельности, определяемого на основе анализа научных исследований, выполненных в изучаемой области. В этом контексте следует отметить, что в большинстве своем диссертации, объектом которых выступали отношения рассматриваемой деятельности, были выполнены средствами публично-правовых наук, что, безусловно, и предопределило их соответствующий «функциональный аспект». Фактически исследователи делали акцент не на выявлении признаков, условий и сущности функций, а на обосновании роли и значения частной детективной деятельности в процессе реализации правоохранительных, контрольно-надзорных и иных публично-правовых функций государства. Например, определялась роль изучаемой деятельности «при расследовании преступлений» [11], «предупреждении преступлений» [4] и «борьбы» с ней [3], при осуществлении государственного контроля [6], при применении административной ответственности [5] и др. В научной литературе вместо определения системных функций частной детективной деятельности, обусловленных ее правовой природой, отмечается факт того, что она сама по себе представляет функционально-структурный элемент «реализации правоохранительной функции государства» [1].

Исследования цивилистического характера преследовали своей целью одновременное выявление сущности гражданско-правового регулирования частной детективной и частной охранной деятельности, рассматриваемых в совокупности, и не предусматривали детального изучения признаков и условий функций изучаемой деятельности [2; 13].

Таким образом, на основании анализа опыта накопленных знаний в изучаемой сфере можно заключить, что специальных исследований как признаков и условий, так и содержания функ-

ций частной детективной деятельности в должной мере не проводилось.

Сложившееся положение дает основания обратиться к научным работам, выполненным в смежных сферах правового регулирования (например, в сфере охраны) в части определения признаков и условий функций.

В доктрине частноправового регулирования охранной деятельности подчеркивается, что функциональный критерий деятельности проявляется только при наличии соответствующих признаков и условий [14, с. 112—114]. Анализ названной и других научных работ, обусловленных функциями охранной деятельности, позволяет классифицировать признаки функций по следующим основаниям: 1) устойчивое существование соответствующей области правового регулирования, в частности, определенной группы правоотношений; 2) наличие специальных средств и форм осуществления деятельности; 3) соотношение направленности деятельности с публично-правовыми функциями государства; 4) возможность применения специфических способов и средств правового регулирования [15, с. 47—53].

Рассмотрим эти основания применительно к изучаемому виду деятельности, аргументировав при этом наличие соответствующих признаков.

Во-первых, следует констатировать существование устойчивой сферы правового регулирования: отношений, складывающихся при осуществлении частной детективной деятельности. Эти отношения характеризуются наличием специфических субъектов — частных детективов, выступающих непосредственными исполнителями детективных услуг. Объектом отношений является своеобразный синтез «объектов сыска» в широком смысле, представляющий собой различные виды субъектов («без вести пропавшие граждане», «должники», «ребенок», «деловые партнеры» и др.) и объектов гражданских прав (имущество, товарные знаки и др.), в отношении которых детективом совершаются действия поискового и розыскного характера.

Во-вторых, появились детализированные формы и средства осуществления искомой деятельности — детективные услуги, при осуществлении которых допускается использование средств видео- и аудиозаписи, кино- и фотосъемки, технических и иных средств, не причиняющих вреда жизни и здоровью граждан и окружающей среде¹.

В-третьих, налицо и существование специальной системы правовых способов и средств,

¹ О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации : Закон Российской Федерации от 11.03.1992 № 2487-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 23.04.1992. № 17.

позволяющих воздействовать на отношения частной детективной деятельности.

Реализация функций будет возможной лишь тогда, когда создаются необходимые условия.

Первым условием является потребность в поиске информации с целью обеспечения защиты таких гражданско-правовых объектов, как жизнь и здоровье людей, их имущество. Наличие экономических возможностей государства можно определить как *второе условие* изучаемой деятельности. Например, в «детективном» секторе экономики на 2022 год было 820 частных детективов с действующей лицензией, создающих соответствующие социальные блага для многочисленной группы граждан¹. В качестве *третьего условия* следует отметить возросший уровень морально-нравственного, экономического, рационального, интеллектуального и образовательного компонентов деятельности человека. На современном этапе развития общества граждане в большей степени проявляют заботу о своем здоровье, имуществе, занимаются сбором различного рода сведений, необходимых для защиты своих гражданских и трудовых прав. Появляются и новые перспективные технологии осуществления этих прав, например, цифровизация. Все перечисленные и другие элементы выступают основой для выбора детективных услуг, оказание которых становится возможным лишь при наличии у исполнителя (частных детективов) профессиональных знаний, навыков и умений.

Таким образом, следует отметить, что на современном этапе развития гражданского оборота сложились устойчивые признаки и условия для появления функций частной детективной деятельности.

В настоящее время в качестве основных направлений воздействия изучаемой деятельности на общественные отношения следует отметить **функции примирительного, защитного и антимошеннического характера.**

Примирительная функция обусловлена оказанием таких видов детективных услуг, как «сбор сведений по гражданским делам», «изучение рынка, сбор информации для деловых переговоров, выявление некредитоспособных или ненадежных деловых партнеров», «установление обстоятельств неправомерного использования в предпринимательской дея-

тельности фирменных знаков и наименований, недобросовестной конкуренции»². Совершение частным детективом (исполнителем услуг) перечисленных действий позволяет заказчику услуг получить сведения и другие виды информации, которые помогут разрешить неурегулированные разногласия (споры) между участниками гражданского оборота без их участия в гражданском или арбитражном судопроизводстве.

Сущность *защитной функции* проявляется в возможности защиты нарушенных гражданских и трудовых прав заказчиков услуг посредством получения соответствующих сведений и информации, которые могут быть использованы в качестве составных элементов относимых и допустимых доказательств в гражданском процессе. Например, в учебной литературе по трудовому праву отмечается, что разрешение индивидуальных трудовых споров в судах «проводится по правилам гражданского судопроизводства» [12, с. 15, 184—185]. Помимо вышеперечисленных видов детективных услуг, содействовать сбору соответствующей доказательной базы в целях разрешения индивидуального трудового спора в суде может и оказание такого вида услуг, как «выяснение биографических и других характеризующих личность данных об отдельных гражданах...»³. В свою очередь, при защите права собственности (например, подаче виндикационного иска) истец может использовать детективную услугу в виде «поиска утраченного имущества»⁴, а для защиты семейных прав — услугу в виде «поиска ребенка по исполнительному документу»⁵.

На современном этапе развития гражданского оборота в результате технического прогресса и совершенствования информационных технологий активное развитие получили и различные виды мошенничества⁶. При этом правоохранительные органы лишь тогда принимают адекватные меры по защите от этого вида посягательств, когда мошеннические действия содержат состав уголовного преступления. Однако во многих случаях мошенников трудно привлечь к уголовной ответственности⁷. В этом контексте антимошенническая функция, реализуемая посредством оказания детективных услуг, может содействовать защите прав физических и юридических лиц от различного рода мошеннических посягательств.

¹ Статистика детективов в РФ по состоянию на 2022 год // Krioni : [сайт] — URL: <https://www.krioni.com> (дата обращения: 10.08.2023)

² См.: О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации : Закон РФ от 11.03.1992 № 2487-1.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Рекомендации по защите от мошенников // Следственный комитет РФ : [сайт] — URL: <https://chr.sledcom.ru/> (дата обращения: 03.10.2023).

⁷ Частные детективы могут взяться за мошенничество // Право.Ru : [сайт] — URL: <https://pravo.ru/> (дата обращения: 03.10.2023).

Подводя итоги исследования, можно сделать следующие выводы.

1. На современном этапе развития гражданского оборота функции частной детективной деятельности обусловлены наличием специфических признаков и условий осуществления этой деятельности и проявляются в ее правовом воздействии на общественные отношения.

2. Поскольку юридические свойства изучаемой деятельности формируются под влиянием системообразующих элементов частного права, к которым причисляются и функции, то отраслевые функциональные компоненты находят свое отражение и в функциях частной детективной деятельности.

3. Основным средством реализации исследуемых функций является оказание детективных услуг. В настоящее время эти услуги ограничены нормами закона и являются базой для реализации функций самой деятельности, перечень которых, напротив, носит неограниченный характер и зависит от экономических, социальных и иных условий развития государства.

Список литературы

1. *Балуев, Е.Н.* Частная детективная деятельность как структурно-функциональный элемент механизма реализации правоохранительной функции современного государства (сравнительно-правовой аспект) / Е.Н. Балуев // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2011. № 3. С. 10—15.
2. *Горовенко, В.В.* Гражданско-правовое регулирование частной детективной и охранной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук / В.В. Горовенко. Екатеринбург, 2001. 199 с.
3. *Евланова, О.А.* Участие частных детективных и охранных предприятий в борьбе с преступностью (криминологический аспект) : дис. ... канд. юрид. наук / О.А. Евланова. М., 1999. 180 с.
4. *Ильясов, Э.А.* Роль частных охранных и детективных предприятий в предупреждении преступности : дис. ... канд. юрид. наук / Э.А. Ильясов. Махачкала, 2006. 160 с.
5. *Каштанов, А.В.* Административная ответственность за нарушения законодательства о частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук / А.В. Каштанов. М., 2010. 180 с.
6. *Огурцов, А.Ю.* Контроль органов внутренних дел за частной детективной и охранной деятельностью : дис. ... канд. юрид. наук / А.Ю. Огурцов. М., 2006. 144 с.
7. *Ожегов, С.И.* Словарь русского языка. М. : Русский язык, 1989. 924 с.
8. *Рыженков, А.Я.* Функциональный критерий отраслевого построения системы российского права / А.Я. Рыженков // Современное право. 2023. № 1. С. 27—31.
9. *Рыженков, А.Я.* Теоретические проблемы соотношения предмета, функций и метода трудового пра-

ва / А.Я. Рыженков, С.А. Шаронов // Современное право. 2023. № 3. С. 19—24.

10. *Рыженков, А.Я.* О роли и значении функций аграрного права / А.Я. Рыженков // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 2(64). С. 64—68.

11. *Семенов, В.Г.* Правовые основания, порядок получения и использования результатов частной детективной деятельности при расследовании преступлений : дис. ... канд. юрид. наук / В.Г. Семенов. М., 2005. 174 с.

12. Трудовое право: краткий курс лекций / А.Я. Рыженков, В.М. Мелихов, С.А. Шаронов. М. : Юрайт, 2011. (Серия: Хочу все сдать!).

13. *Федорова, О.Г.* Гражданско-правовое регулирование частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук / О.Г. Федорова. Санкт-Петербург, 2002. 214 с.

14. *Шаронов, С.А.* Концепция гражданско-правового регулирования охранной деятельности в Российской Федерации : монография / С.А. Шаронов. М. : Юстицинформ. 2014. 606 с.

15. *Шаронов, С.А.* Функции охранной деятельности: понятие, признаки, условия и классификация / С.А. Шаронов // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 12. С. 47—53.

References

1. Baluyev, E.N. Private detective activity as a structural and functional element of the mechanism for implementing the law enforcement function of the modern state (comparative legal aspect) / E.N. Baluyev // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2011. No. 3, pp. 10—15.
2. Gorovenko, V.V. Civil law regulation of private detective and security activities: dis. ... cand. jurid. sciences' / V.V. Gorovenko. Yekaterinburg, 2001. 199 p.
3. Evlanova, O.A. Participation of private detective and security companies in the fight against crime (criminological aspect): dis. ... cand. jurid. sciences' / O.A. Evlanova. M., 1999. 180 p.
4. Piyasov, E.A. The role of private security and detective enterprises in crime prevention: dis. ... cand. jurid. sciences' / E.A. Piyasov. Makhachkala, 2006. 160 p.
5. Kashtanov, A.V. Administrative responsibility for violations of the legislation on private detective and security activities in the Russian Federation: dis. ... cand. jurid. sciences' / A.V. Kashtanov. M., 2010. 180 p.
6. Ogurtsov, A.Yu. Control of internal affairs bodies over private detective and security activities: dis. ... cand. jurid. sciences' / A.Yu. Ogurtsov M., 2006. 144 p.
7. Ozhegov, S.I. Dictionary of the Russian language. M.: Russkiy yazyk, 1989. 924 p.
8. Ryzhenkov, A.Ya. Functional criterion of branch construction of the system of Russian law / A.Ya. Ryzhenkov // Modern law. 2023. No. 1, pp. 27—31.
9. Ryzhenkov, A.Ya. Theoretical problems of correlation of the subject, functions and method of labor law

/ A.Ya. Ryzhenkov, S.A. Sharonov // Modern Law. 2023. No. 3, pp. 19—24.

10. Ryzhenkov, A.Ya. On the role and significance of the functions of agrarian law / A.Ya. Ryzhenkov // Bulletin of the Kaliningrad Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 2(64), pp. 64—68.

11. Semenov, V.G. Legal grounds, procedure for obtaining and using the results of private detective activity in the investigation of crimes: dis. ... cand. jurid. sciences' / V.G. Semenov. M., 2005. 174 p.

12. Labor law: a short course of lectures / A.Ya. Ryzhenkov, V.M. Melikhov, S.A. Sharonov. M.: Yurayt, 2011. (I want to pass everything!).

13. Fedorova, O.G. Civil law regulation of private detective and security activities in the Russian Federation: dis. ... cand. jurid. sciences' / O.G. Fedorova. St. Petersburg, 2002. 214 p.

14. Sharonov, S.A. The concept of civil law regulation of security activities in the Russian Federation: monograph / S.A. Sharonov. M., Justicinform. 2014. 606 p.

15. Sharonov, S.A. Functions of security activity: concept, signs, conditions and classification / S.A. Sharonov // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. No. 12, pp. 47—53.

Functional Aspects of Private Detective Activity in the Russian Federation

Kagalnitskova N.V.,

Cand. in Law, Assoc. Prof., Head of Dept.
of Law and Socio-Humanitarian Disciplines
at Volgograd State Agrarian University
Russia, Volgograd
Lara7@bk.ru

As part of the scientific discussion, the functional aspects of private detective work are considered. It is established that at the current stage of social development, the functions of private investigation are conditioned by the presence of signs and conditions due to which the type of activity under study has a legal impact on public relations. It is proved that the basic means of implementing the studied functions and their initial premise is the provision of detective services. A brief description of the conciliatory, protective and anti-fraud functions of private detective activity is given. It is concluded that, despite the limited list of types of detective services, the list of functions, on the contrary, has an unlimited character and is formed taking into account the economic and social capabilities of the state.

Keywords: functional aspects, private detective activity, signs, conditions, legal impact, provision of detective services.

DOI 10.25799/NI.2023.21.69.003

УДК 340.12

ББК 67.404

Роль источников права в формировании отраслевого деления системы права

А.Я. Рыженков,

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры гражданского права и процесса,
ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет
им. Б.Б. Городовикова»
Россия, Элиста
4077778@list.ru

Статья посвящена роли источников права в формировании отраслевого деления системы права. Отмечается, что предмет, метод и принципы правового регулирования не могут состояться как основа отрасли права без интенсивной правотворческой практики. Не будучи подкреплены конкретным нормативным материалом, они выступают лишь предпосылками или условиями бытия отрасли права, но вовсе не достаточны для ее подлинного возникновения. Отрасль права оформляется как самостоятельное целое не только на качественной, но и на количественной основе, поскольку нет реальной возможности признать ее существование, если малочисленны сами правовые нормы, ее образующие. Проведенный анализ вполне наглядно свидетельствует о том, что наличие кодифицированного акта или аналогичного ему источника права является совершенно необходимым условием для формирования самостоятельной отрасли права. Таким образом, наличие одного или нескольких самостоятельных значимых источников права с необходимостью является одновременно и фактором складывания любой отрасли права, и подтверждением ее существования.

Ключевые слова: отрасль права, источники права, система права, система законодательства, кодификация.

При анализе процессов построения системы права, в особенности отраслей права как ее основного звена, представления о предмете и методе правового регулирования, как правило, заслоняют и оставляют в тени вопрос о таком факторе, как источники права. При этом, как представляется, фактически роль источников права в структурировании системы права не только не отрицается, но и молчаливо подразумевается хотя бы потому, что о предмете и методе речь всегда идет применительно к правовому регулированию, т. е. предполагается, что оно уже состоялось, а значит, воплотилось в нормах и, соответственно, в источниках права.

Другое дело, что способ и степень влияния источников права на состояние отраслевой структуры права требует отдельного выяснения.

Наследием советской юридической науки является настойчивое различие таких понятий, как система права и система законодательства («Система права и система законодательства — разные, но взаимосвязанные категории» [2, с. 1329]). Впрочем, стоит признать, что даже в трудах ученых-юристов того периода это разграничение вовсе не обладает полной ясностью и завершенностью.

Так, О.А. Красавчиков, с одной стороны, утверждал: «Законодательство есть совокупность нормативно-правовых форм. Следовательно, и система законодательства не может быть ничем иным, как системой данных форм выражения правовых норм (а не системой самих норм). Отрасль законодательства представляет собой

не совокупность отраслевых норм права, а совокупность юридических форм (в данном случае актов), в которых указанные нормы находят свое реальное выражение и закрепление, т. е. совокупность нормативных актов» [4, с. 68].

С другой стороны, тот же автор указывал: «Что же касается отраслевой дифференциации законодательства, то здесь нормотворческие органы целиком связаны системой существующих общественных отношений, юридических отраженной в системе права. Форма права не может быть оторвана от своего содержания (права), потому и отраслевая дифференциация законодательства объективно не может быть иной, чем система самого права, — отраслей законодательства ровно столько, сколько отраслей права» [4, с. 68—69].

Возникает закономерный вопрос: если структурно они полностью совпадают, то каков прагматический смысл такого «двойничества», при котором система права и система законодательства рассматриваются как два разных явления?

На этот вопрос с качественно иной точки зрения давал ответ В.Ф. Яковлев: «Наряду с отраслями законодательства, за которыми стоят отрасли права (гражданское, уголовное и т. д.), обнаруживаются отрасли законодательства (транспортное, строительное, сельскохозяйственное и др.), не имеющие такой ориентации и обладающие, очевидно, иной основой и правовой природой» [8, с. 18].

Однако слабым местом этого подхода всегда была неясность критериев, исходя из которых

одни отрасли законодательства объявлялись одновременно отраслями права, а другим по какой-то причине было в этом отказано.

Возвращаясь в современных условиях к этому вопросу, считаем необходимым, прежде всего, признать правильность исходного тезиса О.А. Красавчикова об отсутствии принципиального онтологического расхождения между правом и законодательством. Действительно, речь здесь идет о соотношении содержания и формы. Однако момент системности касается, в первую очередь, внешнего аспекта бытия права, а не внутреннего (идейного, содержательного). Это легко доказать тем, что глубокая идеологическая трансформация правовой системы в постсоветский период оставила практически нетронутой его отраслевую структуру, только дополнив ее некоторыми новыми элементами, но не изменив сам способ их организации.

Таким образом, говорить о каком-либо существенном отличии между системой права и системой законодательства можно разве что на том основании, что набор форм (источников) российского права не сводится к законам, даже если понимать их в широком смысле, как любые нормативные правовые акты.

Однако это соображение едва ли что-то меняет в данном контексте, поскольку само многообразие источников пока, очевидно, не оказывает решающего влияния на облик российской системы права. Иначе говоря, не существует таких отраслей права, которые были бы преимущественно основаны не на законодательстве, а, например, на нормативных договорах, судебных прецедентах или правовых обычаях. Эти источники права, если и признаются в составе отдельных отраслей права, то все равно лишь сопутствуют законодательным актам и, уступая им по юридической силе, вторичны по отношению к ним содержательно.

Рассматривая вопрос о формировании системы права и законодательства Советской России в первые послереволюционные годы, Д.А. Пашенцев отмечает, в частности: «Кодификация удобна для конструирования общественных отношений посредством права. Она обеспечивает преемственность права, его стабильность, упорядоченность, системность; структурирует систему права и устанавливает четкие границы правового поведения субъектов общественных отношений, тем самым снижая уровень правовой неопределенности» [5, с. 7].

В такой трактовке обращает на себя внимание то, что одному из видов законодательных актов, а именно кодексу, приписывается способность не просто систематизировать нормативное регулирование, как принято считать, но и определять саму систему права. При этом, вероятно, такое его свойство могло бы выходить за рамки какого-либо одного исторического периода и рассматриваться в качестве универсального.

В связи с этим полагаем возможным провести краткое сравнение набора кодифицированных актов, действующих в современной России, и состояния отраслевой системы российского права.

При этом, как представляется, мы обнаружим следующие основные категории.

1. *Случаи, когда кодекс и отрасль права полностью соответствуют друг другу.*

1. Уголовное право, где имеет место максимально полное совпадение, поскольку Уголовный кодекс РФ является единственным источником одноименной отрасли.

2. Гражданское право, по отношению к которому Гражданский кодекс РФ является хотя и не единственным, но ведущим источником права, утверждающим свой приоритет перед иными актами гражданского законодательства (п. 2 ст. 3)¹.

3. Трудовое право, где аналогичную роль играет Трудовой кодекс РФ (ст. 5)².

4. Уголовно-процессуальное право, в котором Уголовно-процессуальный кодекс РФ также играет главенствующую роль, хотя редакция п. 1 ст. 1 содержит положение, что «порядок уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации устанавливается настоящим Кодексом, основанным на Конституции Российской Федерации»³, но прямо не исключает существования иных источников данной отрасли, равно как и не утверждает его высшую юридическую силу.

5. Гражданское процессуальное право, источниками которого, как следует из п. 1 ст. 1 Гражданского процессуального кодекса РФ, могут быть иные федеральные законы, принимаемые в соответствии с ним⁴.

6. Земельное право, в котором также признается преимущественная сила Земельного кодекса РФ (п. 1 ст. 2), причем в качестве источников права допускаются не только федеральные законы, но также законы субъектов Рос-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

² Трудовой кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (Ч. I). Ст. 3.

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (Ч. I). Ст. 4921.

⁴ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

сийской Федерации и акты местного самоуправления (пункты 3—4 ст. 2)¹.

7. Уголовно-исполнительное право, в котором никак не оговаривается особое значение Уголовно-исполнительного кодекса РФ, занимающего, по всей видимости, равное положение с иными федеральными законами как источниками права.

II. *Случаи, когда у отрасли права отсутствует кодекс как основной источник.*

1. Конституционное право, в котором эту функцию выполняет другой нормативный правовой акт — Конституция РФ.

2. Экологическое право, где вместо кодекса выступает Федеральный закон от 10.01.2002 №7-ФЗ «Об охране окружающей среды»².

III. *Случаи, когда в рамках одной отрасли действует более одного кодекса.*

1. Финансовое право, источниками которого являются Бюджетный кодекс РФ и Налоговый кодекс РФ.

2. Административное право с Кодексом РФ об административных правонарушениях и Кодексом административного судопроизводства РФ как источниками двух подотраслей: административно-деликтного и административно-процессуального права.

Отметим, что в обоих случаях подотрасли финансового и административного права, располагающие отдельными кодексами, претендуют на статус самостоятельных отраслей права.

IV. *Спорные случаи.*

Так, при наличии Арбитражного процессуального кодекса РФ сомнения в существовании такой отрасли, как арбитражно-процессуальное право, обусловлены, прежде всего, его функциональным сходством с гражданским процессуальным правом, особенно в связи с интеграцией соответствующих судебных органов в единую систему.

Неоднозначность статуса Жилищного кодекса РФ и Семейного кодекса РФ связана с тем, что жилищное и семейное право занимают промежуточное положение между подотраслями гражданского права и самостоятельными отраслями.

Еще менее определенным является положение в российской правовой системе таких кодексов, как Лесной, Водный и Воздушный. Примером могут служить выводы Д.О. Сивакова относительно водного права: «Сложившееся водное право всесторонне охватывает общественные отношения по изучению, использованию и охране водного фонда — совокупности

водных объектов России. Метод регулирования водного права носит смешанный характер и не является отличительным. Он предопределяет, в одних случаях, равноправие и самостоятельность субъектов отношений (договор водопользования), а в других — власть и подчинение (разрешительный характер водопользования). По этой причине водное право России оценивается как пообъектная отрасль права, или как подотрасль экологического права (природоресурсное и природоохранное право)» [7, с. 65]. В другой работе автор высказывается на сей счет уже с большей уверенностью: «Из-за отсутствия особого метода регулирования водное право России может быть оценено как подотрасль признанного юридической литературой экологического права (включающего природоресурсное и природоохранное право)» [6, с. 140].

Однако, если отсутствие собственного метода правового регулирования является единственным аргументом, то убедительность вывода может быть поставлена под сомнение, ибо, как мы уже неоднократно отмечали ранее, требование наличия у каждой отрасли права отдельного метода является крайне произвольным и излишним.

Аналогичная ситуация складывается и с лесным правом в контексте его соотношения с экологическим правом: «Существует доктринальное расхождение: в одном случае лесное право трактуется как его подотрасль, в другом — как самостоятельная отрасль права, входящая в состав экологического...» [3, с. 195].

Сложность идентификации Таможенного кодекса РФ в контексте отраслевого деления в основном проистекает из того, что действующий ТК РФ утвержден решением Межгосударственного Совета Евразийского экономического сообщества от 27.11.2009 №17, вследствие чего его следует относить, вероятно, к системе международного, а не национального права.

Примером практически состоявшегося отраслевого кодекса можно считать Градостроительный кодекс РФ, поскольку градостроительное право почти полностью оформилось как самостоятельная отрасль права с собственными функциями, предметом и принципами правового регулирования; этой отрасли недостает лишь единодушного доктринального признания.

Напротив, примерами кодексов, которые не претендуют на отраслевой уровень, являются Кодекс торгового мореплавания РФ и Кодекс внутреннего водного транспорта РФ, в отношении которых, насколько известно, не ведется

¹ Земельный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 25.10.2001 № 136-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.

² Об охране окружающей среды : Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 2. Ст. 133.

серьезных дискуссий, с тем чтобы признать их нормативное содержание достаточным для образования новых отраслей права.

Таким образом, проведенный анализ вполне наглядно свидетельствует о том, что наличие кодифицированного акта или аналогичного ему источника права является совершенно необходимым условием для формирования самостоятельной отрасли права.

В этой связи трудно согласиться с позицией Н.А. Гущиной: «При сформированной отрасли права отрасль законодательства может не сложиться (например, право социального обеспечения, предпринимательское право). Подобное положение обусловлено тем, что правовой материал отрасли права не кодифицирован, а действующие в определенной сфере нормативные правовые акты не унифицированы, рассредоточены по различным правовым источникам» [1, с. 202].

Существование такого рода явлений не подтверждается изучением действующего законодательства. Что касается, в частности, предпринимательского права, то указанный факт, прежде всего, и должен стать поводом для того, чтобы усомниться в наличии такой отрасли права.

Фактически кодексы и отрасли права могут находиться между собой в следующих вариантах соотношения:

— кодифицированный акт является основным источником какой-либо отрасли права;

— в рамках одной и той же отрасли права существуют несколько кодифицированных актов, например, относящихся к различным ее подотраслям;

— при отсутствии акта, формально являющегося кодексом, вместо него основным источником отрасли права выступает закон, аналогичный кодексу по объему и способу построения (в случае конституционного и экологического права).

При этом наличие кодексов, которые не образуют самостоятельных отраслей права, вовсе не выбивается из рассматриваемой тенденции, поскольку, согласно предлагаемой гипотезе, наличие кодекса или его аналога является хотя и необходимым, но далеко не достаточным условием образования отрасли.

С теоретической точки зрения роль источников права в формировании отраслей права, с учетом изложенного, может быть представлена следующим образом.

Предмет, метод и принципы правового регулирования не могут состояться как основа отрасли права без интенсивной правотворческой практики. Не будучи подкреплены конкретным нормативным материалом, они выступают лишь предпосылками или условиями

бытия отрасли права, но вовсе не достаточны для ее подлинного возникновения.

Отрасль права оформляется как самостоятельное целое не только на качественной, но и на количественной основе, поскольку нет реальной возможности признать ее существование, если малочисленны сами правовые нормы, ее образующие.

Однако даже при наличии обширного нормативного материала возможны два основных сценария его накопления: он может быть либо сконцентрирован в одном или нескольких достаточно крупных тематических законодательных актах, либо разбросан по множеству различных источников, где часто соседствует с нормами иной отраслевой принадлежности.

Разумеется, второй вариант не может сам по себе строго исключать возможность появления новой отрасли права. Однако такая правотворческая практика позволяет усомниться в том, что данная сфера общественных отношений и регулирующие ее нормы представляют собой предмет какой-либо осознанной законодательной стратегии; а если это не так, то отсутствуют и признаки того, что уже сложилась какая-либо самостоятельная функция или их совокупность, для выполнения которой было бы необходимо создавать новую отрасль права.

Таким образом, наличие одного или нескольких самостоятельных значимых источников права с необходимостью является одновременно и фактором складывания любой отрасли права, и подтверждением ее существования.

Список литературы

1. *Гущина, Н.А.* Система права и система законодательства: соотношение и некоторые перспективы развития / Н.А. Гущина // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2003. № 5. С. 198—204.
2. *Желдыбина, Т.А.* Проблемы и перспективы развития системы законодательства России / Т.А. Желдыбина // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 7. С. 1327—1332.
3. *Клюканова, Л.Г.* К вопросу о месте и значении лесного права в правовой системе Российской Федерации / Л.Г. Клюканова // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 4. С. 193—205.
4. *Красавчиков, О.А.* Система права и система законодательства (гражданско-правовой аспект) / О.А. Красавчиков // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1975. № 2. С. 62—71.
5. *Пашенцев, Д.А.* Кодификация как инструмент конструирования системы законодательства в начальный период Советского государства (к 100-летию первых советских кодексов) / Д.А. Пашенцев // Журнал российского права. 2018. № 11. С. 5—13.
6. *Сиваков, Д.О.* К вопросу о состоянии и перспективах развития водного права России / Д.О. Сиваков // Журнал российского права. 2018. № 5. С. 139—147.

7. Сиваков, Д.О. Тезисы о водном праве России / Д.О. Сиваков // Аграрное и земельное право. 2017. № 1. С. 65—71.

8. Яковлев, В.Ф. Отраслевая дифференциация и межотраслевая интеграция как основы системы законодательства / В.Ф. Яковлев // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1975. № 1. С. 16—23.

References

1. Gushchina, N.A. System of law and system of legislation: correlation and some development prospects / N.A. Gushchina // Izvestiya of higher educational institutions. Jurisprudence. 2003. No. 5, pp. 198-204.

2. Zheldybina, T.A. Problems and prospects for the development of the Russian legislative system / T.A. Zheldybina // Current problems of Russian law. 2014. No. 7, pp. 1327-1332.

3. Klyukanova, L.G. On the question of the place and significance of forest law in the legal system of the Russian Federation / L.G. Klyukanova // Current problems of Russian law. 2021. Vol. 16. No. 4, pp. 193-205.

4. Krasavchikov, O.A. System of law and system of legislation (civil aspect) / O.A. Krasavchikov // Izvestiya of higher educational institutions. Jurisprudence. 1975. No. 2, pp. 62-71.

5. Pashentsev, D.A. Codification as a tool for constructing a legislative system in the initial period of the Soviet state (to the 100th anniversary of the first Soviet codes) / D.A. Pashentsev // Journal of Russian Law. 2018. No. 11, pp. 5-13.

6. Sivakov, D.O. On the issue of the state and prospects for the development of water law in Russia / D.O. Sivakov // Journal of Russian Law. 2018. No. 5, pp. 139-147.

7. Sivakov, D.O. Theses on water law in Russia / D.O. Sivakov // Agrarian and land law. 2017. No. 1, pp. 65-71.

8. Yakovlev, V.F. Industry differentiation and interindustry integration as the basis of the legislative system / V.F. Yakovlev // Izvestiya of higher educational institutions. Jurisprudence. 1975. No. 1, pp. 16-23.

The Role of Sources of Law in the Formation of Branch Division of the System of Law

Ryzhenkov A.Ia.,

Prof. of Dept. of Civil Law and Procedure
at Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov,
Doct. in Law, Prof.

Russia, Elista
4077778@list.ru

The article is devoted to the role of sources of law in the formation of branch division of the system of law. It is noted that the subject, method and principles of legal regulation cannot take place as the basis of the branch of law without intensive law-making practice. Not being supported by specific normative material, they act only as prerequisites or conditions for the existence of a branch of law, but are not sufficient for its true emergence. A branch of law is formed as an independent whole not only on a qualitative, but also on a quantitative basis, since there is no real possibility to recognize its existence if the legal norms that form it are few in number. The above analysis clearly demonstrates that the presence of a codified act or a similar source of law is an absolutely necessary condition for the formation of an independent branch of law. Thus, the presence of one or more independent significant sources of law with necessity is both a factor of formation of any branch of law and confirmation of its existence.

Keywords: branch of law, sources of law, system of law, system of legislation, codification.

Совершенствование правовых механизмов обеспечения социальной солидарности в России

В.В. Руденко,

кандидат юридических наук,

старший научный сотрудник Института философии и права

Уральского отделения наук Российской академии наук

Россия, Екатеринбург

emikh.valentina@gmail.com

Целью статьи является разработка предложений по совершенствованию правовых механизмов обеспечения социальной солидарности в России. Проанализированы механизмы, закрепленные на уровне Конституции Российской Федерации, документов стратегического планирования и текущего законодательства. Сделан вывод о том, что данные механизмы будут совершенствоваться в общем тренде признания необходимости мирного сосуществования разнообразных социальных групп, представленных в российском обществе, на базе уже закрепленных в российском праве социокультурных и духовно-нравственных ценностей. В качестве перспективных выделены следующие направления: научно-образовательное воздействие на социокультурный интеграционный процесс, развитие институциональной основы обеспечения социальной солидарности; задействование интеграционного социокультурного потенциала федерализма; вопросы деятельности религиозных организаций и подготовки религиозных служителей; задействование СМИ для формирования гражданского самосознания; вопросы контроля реализации документов стратегического планирования.

Ключевые слова: солидарность, идентичность, конституционная реформа, конституционные ценности, стратегическое планирование

Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда «Социальная консолидация российского общества: механизмы ценностно-институционального обеспечения» (рук. акад. Руденко В.Н., грант № 23-18-00427).

Введение. Социальная солидарность получила нормативное закрепление в качестве конституционной ценности в ходе конституционной реформы 2020 года. Исходя из формулировки ст. 75.1 Конституции РФ эта ценность стоит в одном ряду с такими ценностями, как политическая и экономическая солидарность, защита достоинства граждан, уважение человека труда, сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство. Социальная солидарность содержательно связана с характеристикой российского государства в качестве социального в главе 1 Конституции РФ «Основы конституционного строя», а также с закрепленными в преамбуле Конституции РФ ценностями гражданского мира и согласия, государственного единства. Таким образом, конституционные положения задают новые векторы развития модели взаимоотношений государства, общества и индивида.

Для того чтобы социальная солидарность из конституционно-правовой конструкции стала морально-этическим принципом взаимодействия субъектов в обществе и государстве, требуется целенаправленное воздействие государства на общественные отношения во взаимодействии с гражданским обществом. В развитии конституционных положений на современном этапе создаются и совершенствуются правовые механизмы обеспечения консолидации российского общества. Социальная солидарность достаточно детально изучена в кон-

ституционно-правовых исследованиях [8] и, более того, даже выступает в качестве объекта диссертационных исследований [1]. Новое звучание данный принцип получил в научных работах, посвященных вопросам конституционной реформы 2020 года [7]. Вместе с тем комплексная оценка правовых механизмов обеспечения социальной консолидации общества и возможных направлений их дальнейшего развития не проводилась. Настоящая статья направлена на восполнение данного пробела.

Анализ правовых механизмов обеспечения социальной солидарности. Социальная солидарность представляет собой многогранное и многоуровневое явление. Факторы консолидации можно условно квалифицировать на следующие группы: ценностно-мировоззренческие, культурно-языковые, политико-идеологические, конфессионально-религиозные, межэтнические, региональные. Социальная солидарность проявляется в общественных отношениях как на уровне взаимодействия граждан между собой, так и на уровне взаимодействия публичной власти (в том числе муниципальной) и общества. Указанные многофакторность и многоуровневость предопределяют сложность системы обеспечения социальной консолидации, в которую в качестве составной части входят правовые средства.

Проанализируем основные правовые механизмы обеспечения социальной солидарности, разделив их на три группы: конституционные,

стратегические и закреплённые на уровне текущего законодательства.

В результате конституционной реформы 2020 года, преобразовавшей Конституцию РФ в Конституцию «ценностной модели» [7, с. 405], социальная солидарность обрела свое место в системе институтов, норм, ориентиров и направлений, имеющих конституционно-правовое ценностное наполнение. На уровне Основного закона России выделены социокультурные и духовные ценности, составляющие основу общероссийской гражданской идентичности, определены направления социальной деятельности государства как одной из основных детерминант единения граждан в рамках государственно-организованного общества, а также зафиксированы социально-политические ценности, направленные на консолидацию российского общества. Солидарность конституируют, прежде всего, общие интересы [6]. В качестве таких интересов на конституционном уровне определены социокультурные и духовные ценности, среди которых названы (по мере их упоминания в тексте Конституции РФ): дети — в контексте определения важнейших приоритетов государственной политики (ч. 1 ст. 67.1); патриотизм, гражданственность, уважение к старшим — в контексте воспитания детей (ч. 4 ст. 67.1); русский язык как язык государствообразующего народа (ч. 1 ст. 68); культура как уникальное наследие многонационального народа Российской Федерации (ч. 4 ст. 68); общественное здоровье, культура ответственного отношения к здоровью, здоровый образ жизни (п. «ж» ч. 1 ст. 72); семья, материнство, отцовство, детство, институт брака как союз мужчины и женщины, достойное воспитание детей в семье, забота о родителях (п. «ж.1» ч. 1 ст. 72) и в целом традиционные семейные ценности (п. «в» ч. 1 ст. 114).

Положения ст. 75.1 Конституции РФ, закрепляющие, в том числе, необходимость обеспечения социальной солидарности, следует рассматривать в системной взаимосвязи со ст. 7 и ч. 3 ст. 17, а также частями 5—7 ст. 75 данного документа, что нашло отражение в п. 3.2 Заключения Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-З¹. Реализация принципа социальной солидарности невозможна вне социального государства. Предоставление социальных прав по общему правилу сопряжено с социальным включением лица в жизнь обще-

ства. Логика Конституции РФ такова: в качестве конституционной ценности провозглашается благополучие граждан (ст. 75.1), государство обязуется его поддерживать; этому обязательству корреспондирует право гражданина трудиться, в том числе и на благо общества и государства, являющееся одновременно его обязанностью. Не случайно достоинство граждан, уважение человека труда, социальное партнерство поставлены в один ценностный ряд (ст. 75.1), а система пенсионного обеспечения должна формироваться на основе принципов всеобщности, справедливости и солидарности поколений (ч. 6 ст. 75). За счет выполнения социальной функции государство пытается сгладить возможные противоречия в российском обществе.

В Конституции РФ предпринята попытка поиска оптимального баланса между индивидуальной свободой и социальной солидарностью: именно этот баланс является основанием незыблемости государства и его конституционного строя [8, с. 988].

Основу обеспечения социальной солидарности закладывают также такие зафиксированные в Конституции РФ социально-политические ценности, как гражданский мир и согласие (преамбула, ч. 2 ст. 80), исторически сложившееся государственное единство (преамбула, ст. 67.1), поддержка институтов гражданского общества (п. «е1» ч. 1 ст. 114), мирное сосуществование народов (ст. 79.1).

Таким образом, конституционные механизмы обеспечения социальной солидарности образуются, по сути, из совокупности категорий, принципов, ориентиров, имеющих ценностное значение и заряжающих правовое пространство потенциалом для обеспечения социальной солидарности.

Реализация конституционных механизмов обеспечения социальной солидарности происходит, прежде всего, посредством разработки, принятия и изменения документов стратегического планирования. Осуществляется их принципиальная модификация: регуляторы ценностного и морально-нравственного, культурного характера, которые считались ранее относительно периферийными инструментами, теперь выносятся в центр политической и правовой системы России [5, с. 131]. Эта тенденция четко прослеживается в Стратегии государственной национальной политики до 2025 года (утв. указом Президента РФ от

¹ О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации : заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-З // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт] — URL: <http://pravo.gov.ru/>, 16.03.2020.

19.12.2012 № 1666)¹, Стратегии национальной безопасности (утв. указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400)² и Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (утв. указом Президента РФ от 09.11.2022 № 809)³.

В первом документе в качестве одного из приоритетов национальной политики Российской Федерации закрепляется гражданское единство; определяются понятия гражданского единства, общероссийской гражданской идентичности, этнокультурного и языкового многообразия; указываются направления национальной политики Российской Федерации. Второй из названных документов прибегает к ресурсам национальной идентичности в качестве условия сплоченности и единства перед лицом разнообразных угроз, вынося на первый план необходимость укрепления духовно-нравственных ценностей и сохранения культурного и исторического наследия народа России. Согласно третьему документу традиционные ценности необходимы, в том числе, для обеспечения гражданского единства; к их числу отнесены жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России; дается определение понятия «деструктивная идеология».

Целенаправленная политика российского государства по формированию общегражданской российской идентичности может быть оценена как эффективная: по данным официальной статистики, уровень идентичности (этот показатель определен в качестве одного из целевых показателей реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года) в 2023 году превысил 94%⁴.

На уровне текущего законодательства механизмы обеспечения социальной солидарности опосредованы значительным массивом нормативных правовых актов, текущее законодательство выступает одним из ключевых инструментов реализации документов стратегического планирования. Исходя из того, что ключевым принципом обеспечения социаль-

ной солидарности в России выступает «единство в многообразии», практически на все отрасли законодательства влияет идентитарная политика. Ключевое значение приобретают законодательство об образовании, законодательство в области культуры, миграционное законодательство, законодательство в области отношений с соотечественниками за рубежом, законодательство об общественных объединениях, в том числе религиозных, законодательство в сфере социального обеспечения, законодательство в сфере противодействия экстремизму, законодательство об информации, законодательство по вопросам научно-технологического развития.

Совершенствование механизмов обеспечения социальной солидарности. Очевидно, что дальнейшее совершенствование правовых механизмов обеспечения социальной солидарности продолжится в общем тренде признания необходимости мирного сосуществования разнообразных социальных групп, представленных в российском обществе, на базе уже выработанных и закрепленных в российском праве социокультурных и духовно-нравственных ценностей. В этой сфере представляются перспективными следующие направления: научно-образовательное воздействие на социокультурный интеграционный процесс (в том числе коррекция образовательных программ, вопросы кадрового обеспечения), дальнейшее развитие институциональной основы обеспечения социальной солидарности (включая развитие системы домов дружбы, центров национальной культуры народов России, этнопарков; выстраивание взаимодействия специализированных органов (Совет по межнациональным отношениям при Президенте РФ, Федеральное агентство по делам национальностей) с органами публичной власти и с институтами гражданского общества; задействование интеграционного социокультурного потенциала федерализма; вопросы деятельности религиозных организаций и подготовки религиозных служителей; задействование средств массовой информации для формирования гражданского самосознания; контроль и мониторинг реализации документов стратегического планирования по вопросам обеспечения социальной солидарности.

Отдельным блоком стоят вопросы консолидации гражданского общества и государства, признания взаимных обязательств гражданского общества и государства, форм взаимодей-

¹ Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт] — URL: <http://pravo.gov.ru/>, 19.12.2012.

² Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт] — URL: <http://pravo.gov.ru/>, 03.07.2021.

³ Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт] — URL: <http://pravo.gov.ru/>, 09.11.2022.

⁴ Заседание Совета по межнациональным отношениям // Президент Российской Федерации. 29.05.2023 : [сайт] — <http://www.kremlin.ru/events/president/news/71165> (дата обращения 18.10.2023).

ствия гражданского общества и государства по вопросам обеспечения социальной солидарности [3], а также вопросы доверия общества государству [2].

Предстоит также решение более глубокого ценностного конфликта, отмечаемого политологами: в условиях политики единства «альтернативный стратегический нарратив об обществе как системе, возникающей в режиме «ежедневного плебисцита» вокруг непрерывного производства ценностных дискурсов, оказывается вытеснен на периферию» [4, с. 60]. В связи с этим требуется дополнение политики единства инструментами «в отношении миноритарных ценностных дискурсов, которые объединяют ранее децентрализованные субъекты и определяют содержательную наполненность ценностного конфликта» [4, с. 60]. Решение этой проблемы может лежать в области содержательного наполнения отдельных прав и свобод граждан на уровне текущего законодательства.

Вывод. Представляется, что концепт социальной солидарности получил окончательное оформление на уровне Конституции РФ и документов стратегического планирования. В дальнейшем основным инструментом воплощения закрепленных концептуальных положений по обеспечению социальной солидарности в жизни будут весомый массив текущего законодательства и правоприменительная практика. Сегодня Россия переживает новый этап конституционного развития, новый этап развития конституционализма посредством стремления к созданию социальной системы, в которой достигнут определенный уровень признания и гарантирования прав и свобод, социальной солидарности на основе системы социокультурных и духовно-нравственных ценностей.

Список литературы

1. *Алебастрова, И.А.* Принцип социальной солидарности в конституционном праве : дис. ... д-ра юрид. наук / И.А. Алебастрова. М., 2017. 555 с.
2. *Иванов, А.В.* Социальное доверие и процесс консолидации общества: новые возможности и риски / А.В. Иванов, М.В. Ильичева, С.В. Рогачев // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2022. № 1. С. 129—140.
3. *Никовская, Л.И.* Роль гражданского общества в формировании гражданской идентичности и консолидации российского общества: политико-управленческий аспект / Л.И. Никовская // Вестник Воронежского университета. Серия : История. Политология. Социология. 2017. № 3. С. 62—67.
4. *Панкевич, Н.В.* Децентрализованные ценностно мотивированные сообщества: к обновлению и

институциональному развитию государственной политики единства / Н.В. Панкевич // Антиномии. 2023. Т. 23. Вып. 2. С. 47—76.

5. *Панкевич, Н.В.* Отдельные проблемы идентичности в документах стратегического планирования Российской Федерации / Н.В. Панкевич, В.В. Руденко // Вестник Сургутского государственного университета. 2021. № 4(34). С. 128—134.

6. *Родионова, О.В.* Солидарность общества как базовый принцип социального государства в контексте новых реалий / О.В. Родионова // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 3. С. 111—116.

7. *Хабриева, Т.Я.* Конституционная реформа в России: в поисках национальной идентичности / Т.Я. Хабриева // Вестник Российской академии наук. 2020. № 5. С. 403—414.

8. *Эбзеев, Б.С.* Государство и личность в России: социальная солидарность как парадигма отечественного конституционализма / Б.С. Эбзеев // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2013. № 6(43). С. 986—999.

References

1. *Aleastrova, I.A.* The principle of social solidarity in constitutional law: dis. ... Doctor of Law Sciences / I.A. Aleastrova. M., 2017. 555 p.
2. *Ivanov, A.V.* Social trust and the process of consolidation of society: new opportunities and risks / A.V. Ivanov, M.V. Ilyicheva, S.V. Rogachev // News of Tula State University. Humanitarian Sciences. 2022. No. 1, pp. 129-140.
3. *Nikovskaya, L.I.* The role of civil society in the formation of civil identity and consolidation of Russian society: political and managerial aspect / L.I. Nikovskaya // Bulletin of Voronezh University. Series: History. Political Science. Sociology. 2017. No. 3, pp. 62-67.
4. *Pankevich, N.V.* Decentralized value-motivated communities: towards renewal and institutional development of the state policy of unity / N.V. Pankevich // Antinomies. 2023. Vol. 23. Issue. 2, pp. 47-76.
5. *Pankevich, N.V.* Selected problems of identity in strategic planning documents of the Russian Federation / N.V. Pankevich, V.V. Rudenko // Bulletin of Surgut State University. 2021. No. 4(34), pp. 128-134.
6. *Rodionova, O.V.* Solidarity of society as a basic principle of a social state in the context of new realities / O.V. Rodionova // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 3, pp. 111-116.
7. *Khabrieva, T.Ya.* Constitutional reform in Russia: in search of national identity / T.Ya. Khabrieva // Bulletin of the Russian Academy of Sciences. 2020. No. 5, pp. 403-414.
8. *Ebzeev, B.S.* State and personality in Russia: social solidarity as a paradigm of domestic constitutionalism / B.S. Ebzeev // Journal of foreign legislation and comparative law. 2013. No. 6(43), pp. 986-999.

Improving Legal Mechanisms for Ensuring Social Solidarity in Russia

Rudenko V.V.,

Cand. in Law, Senior Researcher,
Institute of Philosophy and Law, Urals Branch of Sciences
Russian Academy of Sciences
Russia, Yekaterinburg
emikh.valentina@gmail.com

The purpose of the article is to develop proposals for improving the legal mechanisms for ensuring social solidarity in Russia. The article analyzes mechanisms enshrined at the level of the Constitution of the Russian Federation, strategic planning documents and current legislation. The author concludes that these mechanisms will be improved in the general trend of recognizing the need for peaceful coexistence of various social groups represented in Russian society, on the basis of socio-cultural, spiritual and moral values already enshrined in Russian law. The article underlines the following areas as promising: scientific and educational impact on the sociocultural integration process, development of the institutional basis for ensuring social solidarity; using the integration socio-cultural potential of federalism; issues of the activities of religious organizations and the training of religious ministers; using the media to form civic consciousness; issues of monitoring the implementation of strategic planning documents.

Keywords: *solidarity, identity, constitutional reform, constitutional values, strategic planning.*

The article was prepared with the support of the Russian Science Foundation grant "Social consolidation of Russian society: mechanisms of value-institutional support" (headed by academician V.N. Rudenko, grant No. 23-18-00427).

Некоторые проблемы осуществления общественного контроля за деятельностью органов местного самоуправления

В.А. Ревуцкая,

аспирант Сибирского института управления — филиала

Российской академии народного хозяйства

и государственной службы при Президенте РФ

Россия, Новосибирск

veracariera@mail.ru

В статье анализируется правовое регулирование организации деятельности общественного контроля на муниципальном уровне, приводятся примеры практической реализации формирования института общественного контроля на муниципальном уровне, анализируется роль органов местного самоуправления в осуществлении общественного контроля на территории муниципального образования. Системный метод позволил проанализировать осуществление общественного контроля на муниципальном уровне в соответствии с теоретико-правовым содержанием и в контексте практической реализации правовых установлений, выявить проблемы правового регулирования, сформулировать рекомендации по совершенствованию законодательства. Анализ научных работ, посвященных институциональным механизмам общественного контроля, дал возможность обосновать необходимость совершенствования законодательства об общественном контроле, предложить конкретные меры по повышению эффективности общественного контроля на муниципальном уровне, отметить направления в деятельности органов местного самоуправления, которые необходимо усилить в целях эффективного взаимодействия с субъектами общественного контроля.

Ключевые слова: общественный контроль, муниципальная публичная власть, государственное управление, общественный совет, общественная палата, органы местного самоуправления.

Введение. Поправки в Конституцию РФ, внесенные в 2020 году, на законодательном уровне установили организационно-правовую принадлежность органов местного самоуправления к единой системе публичной власти в Российской Федерации.

В соответствии с подп. 13 ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации единой системы публичной власти в субъектах Российской Федерации»¹ одним из принципов деятельности органов публичной власти в Российской Федерации является общественный контроль за деятельностью органов публичной власти и их должностных лиц. Общественный контроль в государственном управлении в нашем государстве применялся еще в период строительства социалистического режима. Автором и основоположником общественного контроля считается В.И. Ленин, который отмечал: «Необходимо, чтобы широкие беспартийные массы проверяли все государственные дела и научились сами управлять» [цит. по: 2, с. 16].

Местное самоуправление, являясь наиболее приближенным к нуждам населения уровнем власти, невозможно представить без народного участия и управления. Значимая роль общественного контроля в системе публичной вла-

сти обусловлена ее генеральной целью, обозначенной в ч. 3 ст. 132 Конституции РФ: реализация интересов населения². Российская Федерация на конституционном уровне провозгласила себя правовым социальным государством, главными приоритетами которого являются защита прав и свобод человека и гражданина, повышение уровня благосостояния населения.

Развитие общественного контроля на муниципальном уровне. В последние несколько лет в законодательстве наметилась тенденция по расширению форм участия населения в решении вопросов местного значения, что подтверждает тезис о том, что общественный контроль — не только важнейший институт, обеспечивающий соблюдение прав и свобод человека и гражданина, но и механизм, способствующий повышению эффективности деятельности органов публичной власти и участию населения в государственном управлении. Органы местного самоуправления реализуют публичный интерес местного населения.

Принятие Федерального закона от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»³ (далее — Федеральный закон № 212-ФЗ) стало отправной точкой развития общественного контроля в Российской Федерации.

¹ Об общих принципах организации единой системы публичной власти в субъектах Российской Федерации : Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2021. № 52 (ч. 1). Ст. 8973.

² Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

³ Об основах общественного контроля в Российской Федерации : Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. Ст. 4213.

Согласно положениям Федерального закона № 212-ФЗ основными целями общественного контроля являются: 1) обеспечение реализации и защиты прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций; 2) обеспечение учета общественного мнения, предложений и рекомендаций граждан, общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций при принятии решений органами государственной власти, органами местного самоуправления, государственными и муниципальными организациями, иными органами и организациями, осуществляющими в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия; 3) общественная оценка деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия.

По мнению В.С. Мокрого, «благодаря общественному контролю достигается как соблюдение всеми субъектами управления законодательства, так и обеспечение широкого участия общественности в процессах управления, учета интересов общественности при принятии решений, которые дальше будут реализовываться» [4, с. 193].

Применительно к местному уровню публичной власти институт общественного контроля выполняет следующие важные функции: 1) является инструментом мониторинга за соблюдением органами местного самоуправления прав и свобод человека и гражданина, 2) призван предотвращать принятие органами местного самоуправления неправомерных и неэффективных решений, 3) обеспечивает участие населения в муниципальном управлении, 4) способствует профилактике коррупционных правонарушений.

В соответствии со ст. 9 Федерального закона № 212-ФЗ субъектами общественного контроля на муниципальном уровне являются муниципальные общественные палаты и муниципальные общественные советы муниципального образования. Согласно ст. 13 этого закона общественные советы могут создаваться при органах местного самоуправления.

Таким образом, на муниципальном уровне можно выделить три субъекта общественного контроля: общественные палаты, общественные советы муниципального образования,

общественные советы при органах местного самоуправления.

Организационно-правовые проблемы реализации общественного контроля на муниципальном уровне. Ряд исследователей (Т.Н. Михеева, Д.С. Михеев, Е.С. Шугрина [3; 5]) и практиков отмечают недостаточную эффективность общественного контроля на муниципальном уровне.

По нашему мнению, одной из главных причин этой неэффективности является несовершенство отдельных положений законодательного регулирования общественного контроля, затрудняющее полноценное раскрытие концептуального потенциала этого института.

Среди основных недостатков правового регулирования обозначим следующие.

В Федеральном законе № 212-ФЗ отсутствует дефиниция субъектов общественного контроля, образуемых на муниципальном уровне.

Применяя метод аналогии, обратимся к содержанию ст. 1 Федерального закона от 04.04.2005 № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации», согласно которой Общественная палата Российской Федерации «обеспечивает взаимодействие граждан Российской Федерации, общественных объединений, профессиональных союзов, творческих союзов, объединений работодателей и их ассоциаций, профессиональных объединений, а также иных некоммерческих организаций, созданных для представления и защиты интересов профессиональных и социальных групп, с федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления в целях учета потребностей и интересов граждан Российской Федерации, защиты прав и свобод граждан Российской Федерации и прав общественных объединений и иных некоммерческих организаций при формировании и реализации государственной политики в целях осуществления общественного контроля за деятельностью федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления...»¹.

Таким образом, общественная палата на муниципальном уровне — это организационная структура, обеспечивающая взаимодействие местного населения с органами местного самоуправления, иными органами публичной власти, организациями.

Исходя из определения общественного совета, приведенного в документе ненормативно-

¹ Об Общественной палате Российской Федерации : Федеральный закон от 04.04.2005 № 32-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2005. № 15. Ст.1277.

правового характера, назначение общественно-го совета несколько иное. В Стандарте деятельности общественного совета при федеральном органе исполнительной власти (согласован протоколом заочного заседания совета Общественной палаты Российской Федерации от 28.05.2015 № 46-с, одобрен протоколом заочного заседания Правительственной комиссии по координации деятельности открытого Правительства от 24.06.2015 № 3)¹ общественные советы определены как консультативные и совещательные органы при министерствах и ведомствах. Целью деятельности общественных советов является учет потребностей и интересов граждан России при осуществлении государственной политики федеральными органами исполнительной власти, а также реализация функции общественного контроля за деятельностью соответствующего федерального органа исполнительной власти.

Анализ практики организации общественного контроля на муниципальном уровне показал, что в субъектах Российской Федерации общественные советы создаются как на уровне муниципального образования, так и на уровне органов местного самоуправления.

В городе Краснодар образован один общий для всех органов местного самоуправления общественный совет при городской Думе города Краснодара, деятельность которого носит межведомственный характер². К задачам общественного совета отнесены: повышение уровня доверия граждан к деятельности государства, формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению, реализация гражданских инициатив, обеспечение прозрачности и открытости деятельности органов местного самоуправления, муниципальных организаций и т. д.

К задачам общественного совета при муниципальном образовании Котельничский муниципальный район Кировской области отнесены: выработка рекомендаций органам местного самоуправления по вопросам экономического, социального и культурного развития, обеспечения законности, правопорядка; содей-

ствие органам местного самоуправления в определении приоритетов социальной политики; изучение общественного мнения о деятельности органов местного самоуправления³.

Общественный Совет Богородского муниципального района Кировской области призван оказывать содействие органам местного самоуправления в реализации их полномочий, создавать условия для обеспечения участия представителей общества в решении наиболее важных вопросов экономического, социального, культурного развития муниципального образования, содействовать развитию институтов общественного самоуправления в муниципальном образовании⁴.

Таким образом, модель деятельности общественных советов, образованных в муниципальных образованиях, сводится к выработке предложений по развитию муниципального образования. Общественные советы, образованные при органах местного самоуправления, в большей степени ориентированы на мониторинг деятельности органов местного самоуправления.

В числе следующих причин низкой эффективности общественного контроля на муниципальном уровне можно выделить отсутствие в законодательстве об общественном контроле нормы, обязывающей создавать общественные палаты и общественные советы на муниципальном уровне, что приводит на практике к недостаточной укомплектованности в муниципальных образованиях данных структур или полному их отсутствию.

Практика организации деятельности отдельных субъектов общественного контроля на примере Сибирского федерального округа представлена в таблице на с. 28.

На территории Новосибирской области общественные палаты образованы только в двух крупных муниципальных образованиях: городах Новосибирск и Бердск. В 164 муниципальных образованиях Новосибирской области из 489 образованы общественные советы. Ввиду отсутствия правовых норм, устанавливающих организационно-функциональную принадлеж-

¹ Стандарт деятельности общественного совета при федеральном органе исполнительной власти (согласован протоколом заочного заседания совета Общественной палаты Российской Федерации от 28.05.2015 № 46-с, одобрен протоколом заочного заседания Правительственной комиссии по координации деятельности открытого Правительства от 24.06.2015 № 3) // Доступ СПС «Консультант Плюс».

² Об утверждении Положения об общественных Советах при городской Думе Краснодара и об отдельных вопросах осуществления общественного контроля : решение городской Думы г. Краснодара от 25.02.2021 № 8 // Кодекс : [Электронный ресурс] — URL: <https://docs.cntd.ru/document/574638793> Суда РФ от 29.05.2014 № 1033-О (дата обращения: 20.08.2023).

³ Об утверждении положения об общественном совете муниципального образования Котельничского муниципального района Кировской области : постановление администрации Котельничского района Кировской области от 24.11.2017 № 573 // Муниципальное образование городской округ город Котельнич Кировской области : [сайт] — URL: <https://kotelnichomv.ru/postanovleniaglavu> (дата обращения: 20.08.2023).

⁴ Об утверждении положения об общественном совете муниципального образования Богородского муниципального района Кировской области : постановление администрации Богородского муниципального района Кировской области от 11.03.2016 № 456 // Муниципальное образование Богородский муниципальный округ Кировской области: [сайт] — URL: <https://munbog.gosuslugi.ru/> (дата обращения: 20.08.2023).

ность общественного совета к органу местного самоуправления или высшему должностному лицу муниципального образования, зачастую общественные советы создаются по отдельным вопросам деятельности органов местного самоуправления (например, общественный совет по инвестициям, общественный совет по культуре и спорту, общественный совет при управлении образования) или при главе муниципального образования. В то же время на региональном уровне государственной власти общественные советы образуются при каждом органе государственной власти и рассматривают все вопросы, входящие в компетенцию органа государственной власти.

На сегодняшний день органы местного самоуправления не только решают в рамках своих полномочий вопросы местного значения, но и являются участниками 8 национальных проектов из 12. По данным Министерства финансов и налоговой политики Российской Федерации в 2022 году общий объем расходов местных бюджетов на реализацию национальных проектов составляет 686,3 млрд рублей. Это почти треть региональных проектов, которая реализуется органами местного самоуправления. Наибольший удельный вес расходов местных бюджетов в региональных проектах складывается в рамках национальных проектов «Жилье и городская среда» — 47,5%, «Образование» — 18,1%, «Безопасные качественные дороги» — 13,6%¹. Реализация национальных проектов затрагивает не только интересы населения, но и касается вопросов эффективности использования бюджетных средств, в том числе выделенных из местного бюджета.

Таким образом, в целях эффективного осуществления общественного контроля в рамках реализации национальных проектов представляется необходимым образование при контрольно-счетном органе муниципального образования, а также при исполнительно-распорядительном органе муниципального образования общественных советов по реализации национальных проектов.

Еще одним фактором, влияющим на результативность общественного контроля, является отсутствие в законодательстве нормы, обязывающей органы местного самоуправления взаимодействовать с субъектами общественного контроля.

Общественный контроль, являясь инструментом, обеспечивающим обратную связь общества и органов власти, при внедрении в систему государственного управления способ-

Таблица

Организация деятельности общественного контроля в Сибирском федеральном округе

Субъекты Российской Федерации	Субъекты общественного контроля в муниципальных образованиях	
	Общественные палаты	Общественные советы
Алтайский край	2 общественные палаты в 2 городских округах	456 общественных советов при органах местного самоуправления
Иркутская область	21 общественная палата	41 общественный совет
Кемеровская область — Кузбасс	Не созданы	91 общественный совет
Красноярский край	15 общественных палат в муниципальных районах, 9 — в городских округах	Не созданы
Омская область	Не созданы	28 общественных советов
Республика Алтай	Не созданы	11 общественных советов
Республика Тыва	18 общественных советов при администрациях муниципалитетов	Не созданы
Республика Хакасия	9 общественных палат	1 общественный совет
Томская область	4 общественных палаты	11 общественных советов при органах местного самоуправления

ствует ее транспарентности, ориентированности на учет гражданских инициатив и подотчетность обществу. Идеальным результатом взаимодействия органов местного самоуправления с субъектами общественного контроля будет являться обязательный учет в деятельно-

¹ Исполнение расходов федерального бюджета на реализацию национальных проектов // Минфин России : [сайт] — URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center?id_4=38346_munitsipalitetey_bez_podderzhki_gosudarstva_ne_ostanutsy (дата обращения 01.07.2023).

сти органов местного самоуправления выводов и рекомендаций, предложенных в документах субъектов общественного контроля, в том числе при оценке эффективности деятельности муниципальных организаций.

Представляется обоснованным в целях стимулирования работы органов местного самоуправления по взаимодействию с субъектами общественного контроля на муниципальном уровне предусмотреть в Перечне показателей для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления муниципальных районов и городских округов (далее — перечень показателей для оценки эффективности), утвержденном указом Президента РФ № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления муниципальных районов, городских округов и муниципальных районов»¹, показатели, связанные с организацией общественного контроля в муниципальном образовании и результатом учета рекомендаций, данных по итогам осуществления общественного контроля. Представляется необходимым также дополнить положения Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»² нормой, устанавливающей обязательную функцию органов местного самоуправления по организации общественного контроля на территории соответствующего муниципального образования.

Для эффективности осуществления общественного контроля на муниципальном уровне важное значение имеет информационная открытость деятельности органов местного самоуправления. Особенно актуальным является вопрос об информационной доступности для местного населения годового отчета главы муниципального образования о его деятельности и о деятельности местной администрации. В некоторых субъектах Российской Федерации (Архангельская область, Брянская область) сложилась положительная практика представления отчета должностных лиц органов местного самоуправления перед населением города.

Заключение. Таким образом, подводя итог вышеизложенному, отметим, что общественный контроль на муниципальном уровне является действенным инструментом обратной связи органов местного самоуправления с местным населением, который способствует совершенствованию деятельности органов местного самоуправления. Важной задачей в процессе

развития общественного контроля на муниципальном уровне является налаживание содержательного взаимодействия между институтами гражданского общества и органами местной власти на основе усовершенствованной нормативной правовой базы об общественном контроле.

Список литературы

1. Бердникова, Е.В. Общественный контроль в конституционно-правовом взаимодействии публичной власти и институтов гражданского общества в Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.02 / Е.В. Бердникова. Саратов, 2022. 52 с.
2. Государственный и общественный контроль в СССР / [Туровцев В.И., Шорина Е.В., Дорохова Г.А., Салищева Н.Г., Лазарев Б.М.] ; под ред. В.И. Туровцева. М. : Наука, 1970. 332 с.
3. Михеева, Т.Н. Повышение гражданского участия в общественном контроле на муниципальном уровне / Т.Н. Михеева, Д.С. Михеев // Правоприменение. 2023. № 7(1). С. 52—61.
4. Мокрый, В.С. Местное самоуправление в Российской Федерации как институт публичной власти в гражданском обществе / В.С. Мокрый. Самара, 2003. 252 с.
5. Шугрина, Е.С. Возможные направления повышения эффективности деятельности субъектов общественного контроля в Российской Федерации / Е.С. Шугрина // Государственная власть и местное самоуправление. 2016. № 3. С. 14—22.

References

1. Berdnikova, E.V. Public control in the constitutional and legal interaction of public authorities and civil society institutions in the Russian Federation: author's abstract. dis. ... dr. legal sciences : 12.00.02 / E.V. Berdnikova. Saratov, 2022. 52 p.
2. State and public control in the USSR / [Turovtsev V.I., Shorina E.V., Dorokhova G.A., Salishcheva N.G., Lazarev B.M.]; edited by V.I. Turovtseva. M.: Nauka, 1970. 332 p.
3. Mikheeva, T.N. Increasing civic participation in public control at the municipal level / T.N. Mikheeva, D.S. Mikheev // Law enforcement. 2023. No. 7(1), pp. 52-61.
4. Mokry, V.S. Local self-government in the Russian Federation as an institution of public power in civil society / V.S. Mokry. Samara, 2003. 252 p.
5. Shugrina, E.S. Possible directions for increasing the efficiency of activities of subjects of public control in the Russian Federation / E.S. Shugrina // State power and local self-government. 2016. No. 3, pp. 14-22.

¹ Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов : указ Президента РФ от 28.04.2008 № 607 // Собрание законодательства РФ. 2008. № 18. Ст. 2003.

² Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

Some Problems of Public Control over the Activities of Local Self-government Bodies

Revutskaya V.A.,

Post-graduate Student of Siberian Institute of Management —
Branch at Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration of Russian Federation
Russia, Novosibirsk
veracariera@mail.ru

The article analyzes the legal regulation of the organization of public control activities at the municipal level, provides examples of the practical implementation of the formation of the institution of public control at the municipal level, and analyzes the role of local governments in the implementation of public control on the territory of the municipality. The systematic method made it possible to analyze the implementation of public control at the municipal level in accordance with the theoretical and legal content and in the context of the practical implementation of legal provisions, identify problems of legal regulation, and formulate recommendations for improving legislation. An analysis of scientific works devoted to institutional mechanisms of public control made it possible to substantiate the need to improve legislation on public control, to propose specific measures to increase the effectiveness of public control at the municipal level, to note areas in the activities of local governments that need to be strengthened in order to effectively interact with public entities. control.

Keywords: public control, municipal public authority, public administration, public council, public chamber, local self-government bodies.

DOI 10.25799/NI.2023.67.62.006

УДК 342.9:347.73

Деолларизация как правовая мера по отношению к санкциям недружественных стран

Е.В. Красненкова,кандидат юридических наук, доцент,
доцент Департамента международного и публичного права
юридического факультета Финансового университета

при Правительстве РФ

Россия, Москва

e9199109@yandex.ru

Из-за недружественной политики со стороны США, западных и прозападных стран процесс деолларизации на мировом уровне неизбежен и запущен он не только теми странами, в отношении которых были выдвинуты санкции. Санкции просто ускорили этот необратимый процесс. Возможно, без введенных санкций процесс деолларизации наступил значительно позже. Но, бесспорно, основным двигателем деолларизации является Россия. На современном этапе необходимо правовое регулирование отказа от доллара и евро во внешней торговле и др. сферах деятельности.

Ключевые слова: деолларизация, девовизация, финансовые расчеты, рубль, макроэкономика, санкции, правовой инструментарий.

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве РФ за 2023 год

Процесс деолларизации возник на международной арене сравнительно недавно, около двадцати лет назад. Активность, направленная на отказ от использования в мировой финансовой системе доллара США, растет с каждым днем. Развитие технологий в разных секторах экономики только способствует деолларизации. Ведущие финансовые организации мира (кроме США и европейских стран) стремятся проводить прямые расчеты друг с другом, используя свои национальные валюты.

Одним из критериев финансовой самостоятельности разных стран является внедрение и использование цифровых денежных средств, национальных платежных систем, которые дают возможность осуществлять международные транзакции без перевода и пересчетов в евро и доллары, таким образом снижая экономические издержки участников финансовых отношений. Это законный инструмент для стабилизации экономики стран, перед которыми стоит первоочередная задача — прервать зависимость от доллара. Этот процесс пока не носит постоянный характер и происходит медленно, поскольку период становления таких финансовых расчетов непродолжителен: страны только договариваются о способах расчетов в национальной валюте.

Европейские и прозападные страны противостоят деолларизации, так как рискуют потерять статус «финансового магната или гегемона». Национальные экономики многих стран самостоятельно осознали, что не должно быть их зависимости от евро или доллара: это нарушает экономическую стабильность и не

дает развиваться экономическим отраслям. Ранее активы любой страны были привязаны к доллару, он же был универсальным платежным средством при товарообмене между странами, и до определенного времени это всех устраивало и было очень удобно. Но в конечном счете доллар превратился в политическое оружие и средство давления на финансовые организации стран.

В отношении Российской Федерации были приняты и введены многочисленные санкции, которые возымели обратный эффект: большое количество секторов национальной экономики стало бурно развиваться. Санкционное давление посредством отключения нескольких ведущих российских банков от системы SWIFT не стало критичным, поскольку российским финансовым организациям удалось минимизировать ущерб, а где-то вовсе его избежать благодаря наличию национальных платежных систем, которыми мы успешно пользуемся.

Деолларизация, т. е. отказ от доллара, — это не только экономическое, но и политическое решение, потому как и выдвинутые санкции в основе своей использовали доллар. Лишить страну возможности экономического роста, отбросить ее назад, в «средневековье» — такая задача ставилась нашими недоброжелателями, и опиралась она на доллар. Однополярный мир заканчивает свое существование. Экономическое благополучие всех стран мира не должно зависеть от одной страны или группы стран. Многополярность мира не предполагает наличие одного-единственного и безусловного по своей мощи и влиянию участника, а

декларирует независимость каждой отдельно взятой страны, справедливость и соблюдение прав всех народов мира.

В.В. Путин на Петербургском международном форуме 2022 года заявил, что «многополярная система международных отношений активно формируется. Этот процесс необратим, он происходит на наших глазах и носит объективный характер»¹. Страны — участники международного форума поддержали это мнение Президента РФ.

Деолларизация — это не только отказ от доллара как денежной единицы, но и, самое главное, подтверждение политической, экономической независимости и финансового суверенитета каждого отдельно взятого государства по отношению к доллару в том числе. Доверие к доллару утрачено с того момента, как он стал политическим инструментом, а санкции недружественных стран пытались уничтожить финансовые и банковские сферы.

Деолларизация (деевровизация) необратима; многие государства разрабатывают эффективные механизмы финансовых расчетов и правовой контроль для регулирования таких отношений.

Количество взаиморасчеты в американской валюте заметно снижается, но не все страны одновременно могут отказаться от подобных расчетов. Между странами постепенно развиваются новые договорные отношения, формируются финансовые инфраструктуры и др. Российская Федерация не только снижает использование доллара при расчетах, но и, по словам В.В. Путина, «взяла курс на отказ от американской валюты»².

Последствия долларизации приводит к диктаторскому поведению со стороны США. Так, 14 ноября 2022 г. в Пакистане была осуществлена террористическая атака на китайских инженеров, работающих над энергетическим проектом. Специальный антитеррористический суд Пакистана приговорил двух террористов к смертной казни. После этого факта Д. Трамп осудил руководство Пакистана³, а на следующие сутки Пакистан отказался использовать в международных транзакциях доллар США и перешел на китайский юань.

Еще ранее указанного события Россия и Китай перешли на использование своих нацио-

нальных валют при взаиморасчетах. Такие примеры не единичны, что говорит о медленной, постепенной и последовательной деолларизации (деевровизации).

Учитывая, что государственный долг США составил 31,12 трлн долл. в 2022 году, и печатный денежный станок работает не переставая, деолларизация стран, стремящихся к развитию своих экономик, видится необходимым и необратимым процессом⁴. Ослабление стабильности экономики Америки тянет за собой другие страны, которые зависят от доллара. Дефицит бюджета США покрывается выпуском государственных облигаций; чтобы выкупить эти облигации, печатаются денежные средства (доллары) и, как следствие, возникает постоянная рецессия, т. е. Америка живет в кредит у Федерального резервного фонда. В ноябре текущего года «рейтинговое агентство Moody's понизило американскую экономику по своей шкале до негативного уровня. Это неприятный сигнал для наших бывших партнеров»⁵.

Долларизация (евровизация) и санкции против России, направленные на экономическое ослабление нашей страны, не дали желаемого результата, а наоборот, негативным образом повлияли на экономику США, западных и прозападных стран. В то же время санкции недружественных стран стали импульсом к развитию российской экономики, способствовали экономическому росту большинства отраслей и сфер промышленности.

Расчеты, производимые Россией за экспорт и импорт товаров и услуг, на сегодняшний день приближаются к 50% в рублях или других иностранных валютах мира (кроме евро и долларов США). Данный факт удивляет при учете ввода более 11 000 санкции против Российской Федерации от западных и прозападных стран.

Таким образом, Россия успешно справляется с санкциями и вполне сможет существовать без Запада, хотя некоторые западные экономисты провозглашали невозможность такого существования России. А сможет ли Запад без России, без российского газа, без ее природных ресурсов, продовольствия и т. д.? Многие санкции в отношении России бумерангом ударили по странам Евросоюза, снижается их экономический рост, население страдает от роста инфляции.

¹ Обращение к участникам X Петербургского международного юридического форума 30.06.2022 // Президент Российской Федерации : [сайт] — URL: <http://www.kremlin> (дата обращения 01.09.2023).

² Обращение Путина к лидерам стран и организаций на БРИКС от 24.08.2023 // РБК.ру [сайт] — URL: <https://www.rbc.ru/politics/24/08/2023/64e474c49a794713be7aa48e?ysclid=lmbzz6p0yu941986022> (дата обращения 01.09.2023).

³ «Безумная схватка»: как твит Трампа о Пакистане ошеломил американских чиновников. — URL: <https://www.yahoo.com/lifestyle/mad-scrabble-trump-tweet-pakistan-blindsided-u-officials-221433810.html> (дата обращения 01.09.2023).

⁴ Соотношение государственного долга к ВВП в списке стран. — URL: tradingeconomics.com (дата обращения 01.09.2023).

⁵ «Байденомика» начала пугать даже "ручные" рейтинговые агентства // Российская газета. 14.11.2023.

Росту платежей в рублевом эквиваленте способствовали административные механизмы, инициированные Правительством РФ, оперативно решающим поставленные Президентом РФ задачи. Например, Россия подняла таможенные пошлины на некоторые импортируемые товары, для того чтобы отсутствовала выгода на его реализацию внутри территории Российской Федерации: стоимость этого товара становится высокой, и спрос на данную продукцию снижается.

Кроме того, принимаются соглашения на международном уровне «по вопросам дедолларизации расчетов при осуществлении взаимной торговли в рамках Союза» (распоряжение Совета Евразийской экономической комиссии от 14.09.2021 № 16 «О перечне мероприятий по реализации основных ориентиров макроэкономической политики государств — членов Евразийского экономического союза на 2021—2022 годы»). Принимаются соответствующие решения Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ. Например, Советом Евразийской экономической комиссии принят документ «О сравнительно-правовом анализе инструментария антикризисного регулирования», где определяется угроза кризисов как политика отдельных государств и представлен правовой инструментарий по регулированию кризисных ситуаций и обеспечению равноправия¹.

Многие страны поддерживают российскую политику дедолларизации (деевровизации) и также не желают производить расчеты в долларах США и евро. Россия активно взяла курс на взаимодействие со странами Азии и Африки, за счет чего увеличились платежи в рублях. Так, в 2023 году 40% внешнеторговых сделок между нашей страной и странами АСЕАН (ассоциация государств Юго-Восточной Азии) производилось в рублях, 27% — в валютах дружественных стран.

Межгосударственное неформальное объединение наиболее динамично развивающихся крупных стран БРИКС приобрело статус международно значимого объединения в мировом сообществе. Расширение данного объединения будет способствовать увеличению рублевых расчетов во внешней торговле, что приведет к укреплению рубля, снижению финансовых рисков и др.

По большому счету противостояние санкциям — это и есть дедолларизация (деевровизация), т. е. отказ страны от того, что не дает ей развиваться, останавливает рост экономики.

Дедолларизация в макроэкономике, многополярность политических отношений изменяют глобальную динамику денежного обращения. Такая тенденция уже прослеживается, и остановить ее невозможно, поэтому Западу и прозападным странам придется подстраиваться под новые жизненные реалии.

De-Dollarization as a Legal Measure in Relation to the Sanctions of Unfriendly Countries

Krasnenkova E.V.,

Cand. in Law, Assoc. Prof.,

Assoc. Prof. of Dept. of International and Public Law
at Financial University under the Government
of Russian Federation

Russia, Moscow

e9199109@yandex.ru

Due to the unfriendly policy of the United States, Western and pro-Western countries, the process of de-dollarization at the global level is inevitable and it was launched not only by those countries against which sanctions were imposed. Sanctions have simply accelerated this irreversible process. Perhaps, without the imposed sanctions, the process of de-dollarization came much later. But, undoubtedly, the main engine of de-dollarization is Russia. At the present stage, it is necessary to legally regulate the rejection of the dollar and the euro in foreign trade and other spheres of activity.

Keywords: de-dollarization, de-improvisation, financial calculations, ruble, macroeconomics, sanctions, legal tools.

The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budget funds under the state assignment of the Financial University under the Government of the Russian Federation for 2023

¹ Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ от 20.11.2020 № 51-17 «О сравнительно-правовом анализе инструментария антикризисного регулирования»: принято в г. Санкт-Петербурге 27.11.2020. — URL: <http://cis.minsk.by/> (дата обращения 01.09.2023).

DOI 10.25799/NI.2023.80.97.007

УДК 342.7:004.6

Право на достоверную информацию: информационные права индивида и обеспечение защиты интересов индивида, общества и государства

М.Б. Напсо,

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры гражданского права и процесса
Северо-Кавказской государственной академии
Россия, Черкесск
napso.maryana@mail.ru

Статья посвящена вопросу реализации права индивида на достоверную информацию. Проблема имеет несомненную актуальность в силу все большего распространения недостоверной информации, в том числе и конструируемой, искажаемой, модифицируемой. Реальность рисков глобальной недостоверности, целенаправленного создания информационных продуктов фейкового содержания, использования для их продвижения всей системы коммуникативных технологий требуют адекватного реагирования системного характера — социального, идеологического, нравственного, правового. Автор убежден, что в современных условиях право индивида на достоверную информацию и право индивида на удаление приобретают характер основных среди информационных прав и имеет самое непосредственное отношение к проблеме обеспечения информационной безопасности, противодействия информационному воздействию на индивидуальное и общественное сознание. Реализация этого права должна обеспечиваться путем его включения в право на распространение информации. Негативный, деформирующий характер массовой недостоверности делает необходимым постановку вопроса об уточнении понятия массовой информации, правовом определении понятия достоверности. По мнению автора, оно должно толковаться расширительно как полноценность, неложность, реальность существования, объективность отражения и отрицать элемент искусственности, подделки, модификации. Автор убежден, что действие принципа достоверности не должно ограничиваться сферой взаимодействий индивида и государства, общества, СМИ — он должен быть распространен применительно к иным информационным средам.

Ключевые слова: информационное общество, цифровое измерение, информация, информационные права, достоверность информации, информационная безопасность, безопасность от информации, право на удаление информации, благоприятная информационная среда, массовая информация, официальная информация, базы данных.

Глобализация, придавшая информации характер стратегического ресурса, коммуникационная революция, переход личной, деловой, общественной жизни в цифровое пространство и цифровое измерение, появление «нового способа производства» — «информационной экономики, специфическое звено которой — процесс создания и обработки» [3, с. 34], наполняют основные информационные права — право на информацию и право на доступ к информации — новыми смыслами.

Право на информацию получило развитие в рамках права на свободу мнения и эволюционировало от 1) свободы сообщать объективные факты и распространять информацию без злого умысла (резолюция Генеральной ассамблеи ООН, 65-ое пленарное заседание 1946 года), дополненной 2) свободным выражением своих убеждений, свободой искать, получать, распространять информацию, идеи независимо от государственных границ (Всеобщая декларация прав человека, 1948 г.) 3) устно, письменно, посредством печати, художественных форм выражения и иным способом по выбору (Международный пакт «О гражданских и политических правах», 1966 г.) — до полноценного права на информацию официального и массового характера.

Право на доступ к информации как таковой и к конкретным ее видам — результат процессов демократизации в отношениях между индивидом и государством. Начавшись с права на получение доступа к официальной правительственной, правовой, судебной информации, затем — к информации о деятельности органов государственной власти и местного самоуправления в сфере реализации прав граждан, оно превратилось в право знать, иметь доступ к самому широкому кругу информации о деятельности государства.

Отличительными свойствами правового регламентирования права на доступ к такого рода информации являются действие принципа транспарентности, введение обязанности соответствующих органов предоставлять информацию, установление требования о ее достоверности и развитие специального законодательства, основанного на соответствующих конституционных нормах. В Конституции РФ право на информацию подразумевает в качестве одного из правомочий и право на доступ к информации (ст. 29). В части 1 ст. 34 Конституции Республики Беларусь под правом на информацию понимается право на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной информации о деятельно-

сти государственных органов, общественных объединений, о политической, экономической, культурной и международной жизни, состоянии окружающей среды¹.

И все же очевидно, что речь не идет о любой информации, информации во всем ее содержательном многообразии, генерируемой множеством субъектов, которая больше подпадает под действие права на свободу мнения. Об этом свидетельствует определение содержания права на информацию, данное в частности Е.В. Перепелицей: «Право человека на информацию следует расценивать как юридическую гарантию возможностей свободно искать, получать, передавать, производить и распространять любым законным способом *информацию общественно значимого характера* (Выделено нами — М.Н.) о любых процессах и явлениях объективной действительности, а право доступ к информации — как необходимый канал, через который реализуются фактически все правомочия, входящие в содержание права на информацию» [9, с. 50—56].

Следовательно, у права на информацию как такового есть два измерения: право как признак индивидуальной свободы (право на свободу мнений) и как принцип, регулирующий деятельность государства, органов государственной власти, должностных лиц, предполагающий доступность для граждан широкого круга информации общественно значимого характера.

Реализация права на информацию и права на доступ к информации, имея в современных условиях системообразующий характер, не только расширяет возможности осуществления и гарантирования иных прав и свобод, но и несет вполне определенные риски. Один из них является ширящееся пространство недоверия. Не встречая должного противодействия, поступь недоверия сродни вирусу: она поражает все информационное пространство, делая его токсичным, снижая степень социального доверия, подрывая систему взаимоотношений, хаотизируя ее. Причина в том числе и в том, что характер правового регулирования индивидуальной свободы в сфере информации и принципов открытости, транспарентности информации, предоставляемой гражданам, разнятся. Конституционные нормы о полноте, достоверности, объективности информации, своевременности ее предоставления касаются именно второго. Хотя концепции национальной и информационной безопасности подразумевают достоверность информации применительно ко всему информационному

массиву. Можно констатировать, что в части требования о достоверности право на информацию входит в определенное противоречие с правом на свободу мнения, в ходе реализации которого генерируются куда больший объем и разнообразие информации. Теория и практика ее правового регулирования крайне сложны в том числе и в силу доступности, скорости распространения, роста информационных продуктов и потребностей, совершенствования технологий, а главное — массовости: массовости мнений, массовости откликов и ответных суждений, репостов и интерпретаций, массовости комментариев. Наличие развитых компетенций и продвинутость в области технологий многократно усиливают эти возможности. Таким образом, в орбиту взаимодействий и противодействий втягивается большое количество людей, происходит их мобилизация вокруг какой-то идеи, превращение ее в тренд, субкультуру, обеспечивается массовое признание или, наоборот, отторжение, истерия, травля. Так, следующие одно за другим признания кинодив в харассменте породили движение «Me Too». За предложением любимца интернет-сообществ И. Маска своего варианта урегулирования ситуации вокруг Украины следуют беспрецедентная атака на его аккаунт в соцсети, травля, что вынуждает его давать пояснения и оправдываться.

Для эффективной реализации прав индивида в информационном пространстве меняются и традиционные подходы в вопросах содержания и практики защиты основных информационных прав, в частности права на неприкосновенность частной жизни и права на свободу мнения. Во-первых, становится все более очевидной необходимость рассмотрения права индивида в контексте прав иных лиц и интересов государства и в условиях конкуренции самих прав. Во-вторых, требуется актуализация содержания самого права сообразно реалиям и рискам цифрового пространства. В-третьих, этой же причиной обусловлено появление новых механизмов защиты и новых прав. Для убедительности выдвинутых тезисов приведем несколько примеров.

В целях защиты общественных, национальных и государственных интересов вводится все больше правовых норм, регламентирующих право индивида на «безопасность от информации» противоправного, запрещенного, антигуманного характера, что входит в противоречие с правом индивида на информацию. Право на свободу мнений и право на информацию (в части ее распространения) входит в противоре-

¹ Конституция Республики Беларусь от 30.03.1994 (с изменениями, принятыми на референдумах 1996, 2004 и 2022 гг.) // Президент Республики Беларусь : [сайт] — URL: <https://president.gov.by/ru/gosudarstvo/constitution> (дата обращения: 28.10.2022).

чие с требованием о блокировке сайтов при отсутствии на то достаточных оснований. Введение ограничений на доступ к интернету для лиц, совершивших противоправное деяние с использованием интернета, отбывающих наказание в тюрьмах, входит в противоречие с их правом использовать интернет в образовательных целях, целях самозащиты. Согласно всем современным резолюциям, право на информацию, прежде всего, подразумевает право использования сети Интернет для получения знаний, образования. Растущее число фактов отключений от интернета, замедления трафика (в том числе в случае несанкционированных, массовых протестов, проявлений экстремизма и терроризма), запретов на пользование интернетом для определенных лиц (что нарушает их право на его использование в образовательных целях) способствовали становлению нового права — права на доступ к интернету. Другим примером актуальности этого нового права является цифровое неравенство, цифровые разрывы, лишаящие возможности получения образования для миллионов детей, что особенно ярко проявилось в период пандемии при переходе на дистанционный формат обучения.

Наличие многочисленных баз данных, систем цифрового мониторинга, удаленного контроля и отслеживания, создания цифрового профиля индивида на базе постоянного сбора данных, их анализа и использования (о чем мы уже говорили) — современные формы получения информации об индивиде. Поэтому в настоящее время происходит теоретическое осмысление новых видов посягательств на неприкосновенность частной жизни. В условиях неконтролируемого сбора информации, особенно в режиме мониторинга, охраняемая правом на неприкосновенность частная жизнь индивида становится все более прозрачной. Индивидуальность, независимость от вмешательств и посягательств подвергаются угрозам клипирования сознания и стереотипизации поведения. В этой связи следует ожидать, что сначала будет пересмотрено понятие частной жизни, а затем — название и формулировка самого права: акцент будет сделан на праве быть самим собой, что сродни праву на самобытность для этнических общностей.

Много вопросов возникает по поводу реализации права на свободу мнений в случае репоста, рерайта информации, дословного воспроизведения опубликованной иным лицом информации, участия в распространении интернет-посредников, т. е. мнения иного лица. И особенно актуальна эта проблема в случае распространения недостоверной, клеветнической, запрещенной и иной «токсичной» инфор-

мации. Речь идет об «ответственности за чужое мнение», или своего рода праве лица на свободу воспроизводить мнение иного лица. Такое право у лица есть, но оно признается за индивидом при соблюдении им определенных условий, в частности, при условиях проверки законности получения информации, ее достоверности, при наличии сведений об источнике информации, при выдержанном тоне комментария, исключающем клевету, угрозы, нападки, оскорбления и т. п. Что касается ответственности, то она предполагается при несоблюдении настоящих условий и более строгая в силу использования возможностей интернета для распространения непроверенного мнения неустановленного лица во вред иному лицу. В том же случае, когда лицо располагало данными о неправомерном характере информации, вполне правомерна постановка вопроса об умышленном распространении заведомо недостоверной и иной информации, причиняющей вред.

В условиях, когда в разных формах и разными субъектами осуществляется (с волеизъявления лица или без него) сбор данных о нем, что приобретает массовый характер, возникает вполне закономерный вопрос о наличии у него права требовать удаления такой информации. Механизмы реализации этого права и его объем будут различаться в зависимости от характера информации, целей ее сбора, способов хранения и т. д. Если говорить о сборе, обработке, хранении и предоставлении информации, в том числе и для ведения баз данных, установленных законом, то у лица должно быть право на ознакомление с этой информацией на предмет достоверности, на истребование удаления недостоверной информации и на информирование в случае ее запрашивания или предоставления иным лицам. В частности, если речь идет о государственной информационной системе (ГИС), «любое лицо вправе обратиться с требованием об исключении из ГИС недостоверной (неактуальной) информации, испарившая законность действий государственного органа, выразившихся во внесении в ГИС недостоверной информации (или его бездействия, выразившегося в непринятии мер по актуализации устаревшей информации)» [1].

Некоторые специалисты именуют это право правом на забвение (право быть забытым) или правом на удаление. Право на удаление в Российской Федерации появилось с введением в 2015 году статьи 10.3 в Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее — Закон № 149-ФЗ). Она закрепила обязанность «оператора поисковой системы, распространяющий в сети “Интер-

нет” рекламу... по требованию гражданина... прекратить выдачу сведений об указателе страницы сайта в сети “Интернет”..., позволяющих получить доступ к информации о заявителе, распространяемой с нарушением законодательства Российской Федерации, являющейся недостоверной, а также неактуальной, утратившей значение для заявителя...»¹. Таким образом, речь идет о праве на удаление недостоверной, неактуальной информации либо незаконно распространяемой.

В Европейском союзе правом на удаление защищаются персональные данные, что позволяет «субъекту персональных данных требовать от контролера их удаления». Кроме того, «в судебной практике право на забвение получает защиту как элемент права на уважение частной жизни»: лицо может «требовать, чтобы поисковые системы удалили все следы (неправомерного) комментария» [2].

Но дойдет ли право на забвение в своем развитии до полноценного права индивида по собственному усмотрению требовать удаления иной информации о себе, — вопрос времени.

Реальность угроз, исходящих от низкого качества и содержания самой информации, огромных объемов негативной, антисоциальной информации, и недостаточность правового регулирования информационного пространства в интересах защиты нравственности, социального самочувствия, прав и интересов граждан уже давно стала поводом для введения понятия негативного информационного воздействия и включения информационной среды в состав понятия окружающей среды. Речь идет о расширительном толковании понятия «благоприятная окружающая среда», право на которую закреплено ст. 42 Конституции РФ. Аргументация в пользу такого подхода не лишена здравого смысла. Так, К.Н. Евдокимов пишет: «Воздействующие на людей потоки информации, существующие вокруг... информационные базы данных, телекоммуникационные и компьютерные системы, Интернет, социальные информационные сети, информационные правоотношения — это тоже окружающая человека среда» [5, с. 108]. В век информационных технологий «человек нуждается в здоровой информации так же, как в чистом воздухе, воде или пище, поэтому он «имеет право на благоприятную информационную среду, на возмещение ущерба от информационных преступлений, от причиненного ему физического и морального вреда, на защиту от ежедневного воздействия на его психику и сознание. В силу этого предлагается расши-

рить перечень конституционных прав в сфере информации (ст. 29 Конституции РФ) положениями о «праве каждого на получение здоровой и достоверной информации; праве каждого на возмещение морального и материального вреда, причиненного его чести, достоинству, репутации, здоровью или имуществу информационным правонарушением» и ввести правовые понятия «здоровой и достоверной информации», «информационного правонарушения» в Закон № 149-ФЗ [5, с. 108].

Как бы то ни было, но речь все же идет о безопасности информации или безопасности от информации, о защищенности информационного пространства и информационных интересов индивида, общества, государства. Поэтому именно в ракурсе безопасности правовое регулирование благоприятной информационной среды представляется наиболее плодотворным. Это означает полноценное включение в систему правового обеспечения информационной безопасности категорий «информационная безопасность индивида» (по аналогии с существующей информационной безопасностью детей), «безопасность информации», «защита от информации», «защита информационной среды», «безопасность информационной среды», определения рисков ее безопасности и мер по преодолению их влияния. Определение защиты информации в Законе № 149 содержит отдельные элементы, имеющие отношение к рискам: неправомерное модифицирование информации (фейки вполне подпадают под это понятие). Как правило, давая понятие безопасности информации, специалисты уже включают туда перечень основных рисков, придающих ей опасный характер. В целом речь идет: 1) о защите самой информации (от искажений, модификаций, манипулирования) и защите индивида от воздействия социально вредной информации, не соответствующей действительности, неадекватной реалиям; 2) о безопасности содержательной части информации, точного ее смысла или смысловой нагрузки; 3) о предотвращении использования информации для «побуждения человека к негативным действиям, применения умышленно заложенных механизмов негативного воздействия на человеческую психику или на иной блок информации» [7].

Кроме того, уже давно предпринимается не одна попытка определения видов информации (путем прямого перечисления), представляющей опасность, в зависимости от ее содержательного и побуждающего контента. На законодательном уровне такой подход реализован в

¹ О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 13.07.2015 № 264-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2015. № 1. Ст. 84.

частности в Уголовном кодексе РФ, Кодексе РФ об административных правонарушениях, федеральных законах «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», «О средствах массовой информации». Некоторые специалисты предлагают для такой информации ввести понятие «вредоносной информации» [8], другие характеризуют ее как «негативный контент» [11], третьи говорят о наличии у информации такого качества, как «поражающее свойство» [10]. При этом практически во всех приводимых перечнях такой информации речь идет о ложной информации, заведомо ложной информации, недостоверной информации, включающей посягательство на честь, доброе имя и деловую репутацию и диффамацию. Кроме того, вредоносной, негативной информация становится именно в силу ее признания таковой и законодательного урегулирования ее распространения, чему предшествует осмысление характера и последствий информационного воздействия.

Что касается нас, то мы предпочитаем два термина: «опасная информация» и «небезопасная информация»: первая имеет очевидные, представляющие прямую угрозу и перманентные опасности, вторая несет в себе угрозы, а также опасности потенциальные, нарождающиеся, имеющие тенденцию к росту и распространению.

В контексте нашей проблематики следует согласиться с постановкой вопроса о праве индивида получать безопасную информацию. Однако она будет конкурировать с правом распространять информацию, которое, на наш взгляд, является ядром права на информацию. Очевидно, что реализация права на получение достоверной информации напрямую зависит от качества регламентации права на распространение информации: поиск, получение, передача информации, высказывание мнения предполагают наличие факта распространения, доведение информации, в том числе и в качестве конечной цели. В случае с распространением информации многое имеет значение: субъект или множество субъектов, их правомочия, содержание информации, способ и цель распространения, каналы распространения, адресат или целевая аудитория. Однако, по справедливому замечанию Н.Е. Колобаевой, «акцент здесь надо делать на содержании информации, а не на способе ее распространения, от которого должны зависеть лишь способы воздействия на нарушителя, способы пресечения нарушения и меры ответственности» [6].

Действительно, у каждого времени свои технологии и гаджеты, но содержательно информация всегда определяется как достоверная, объективная, научная, незапрещенная или нет. Установить требования к субъектам (регистрация, лицензирование, возрастной и образовательный ценз и т. д.), заблокировать, отключить ресурсы или ограничить их использование легче, чем обеспечить качество информации, которое определяется не только особенностями индивида, ее генерирующего, но и целями ее продвижения.

В этом смысле весьма плодотворным может оказаться подход, основанный на определении правового режима той или иной разновидности информации, чему должно предшествовать теоретическое осмысление содержания категории, раскрывающей сущность, основные признаки, цели и т. д. С очевидностью назрела необходимость точного определения массовой информации, официальной информации, информации баз данных, блогерской информации как в целом, так и применительно к действию принципа достоверности: первой — в силу сложности и многообразия процессов массовой коммуникации, второй — вследствие особого характера взаимодействий индивида и государства, третьей — по причине массовости, бесконтрольности создания и функционирования вне правового поля, четвертой — из-за все учащающихся фактов сообщения заведомо недостоверной информации в разных целях, в том числе продвижения товаров, услуг.

Еще в 1991 году Законом РФ «О средствах массовой информации»¹ было введено понятие «массовая информация» как информация, предназначенная для неограниченного круга лиц. Следовательно, основной акцент сделан именно на реализации права на распространение массовой информации. До сих пор ст. 2 указанного закона (в ред. от 29.12.2022) под массовой информацией понимает «предназначенные для неограниченного круга лиц печатные, аудио-, аудиовизуальные и иные сообщения и материалы». Значимость такого подхода на тот момент трудно переоценить. Однако в современных условиях становится понятным, что сводить проблематику массовой информации только к правовому регулированию ее распространения и в контексте деятельности СМИ означает игнорирование очевидного факта: массовой следует считать не только информацию, предназначенную для массовой аудитории, но и массово ее генерируемую. Таким образом, эффективность правового регулирования напрямую будет зависеть от того, насколько оперативно на законодательном

¹ О средствах массовой информации : Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 // Российская газета. 1992. 8 февр.

уровне получают закрепление еще два признака массовой информации: 1) генерируемой неограниченным кругом лиц на постоянной основе без ограничений и 2) распространяемой для неограниченного круга лиц.

Если говорить об обеспечении достоверности информации, то было бы неверно считать, что эта проблема имеет наиболее острый характер применительно к массовой информации, блоггерству. Актуальность должна определяться не только количественными показателями фактов недостоверности. Так, использование недостоверной информации в сфере государственного и муниципального управления, в отношениях индивида и власти влечет за собой не только снижение уровня социального доверия, но и неправомочность юридически значимых действий, нарушение прав, причинение вреда законным интересам. Информация, будучи отнесенной к официальной, должна отвечать требованиям актуальности, полноты и достоверности.

Следует согласиться с Р.В. Амелиным в том, что «оформление и развитие в законодательстве категории “официальная информация” должно идти по пути признания презумпции достоверности такой информации», из которой «вытекает не только обязанность государства обеспечить достоверность официальной информации, но и соответствующие гарантии ее пользователям». Придание информации статуса официальной означает наличие следующих прав: «а) полагаться на такую информацию как на достоверную; б) ожидать от других лиц законных действий и решений, основанных на презумпции достоверности данной информации; в) требовать возмещения вреда, полученного в результате использования недостоверной официальной информации», а также «признания добросовестности поведения, опирающегося на использование официальной информации» и «признания незаконным решения государственного органа, в соответствии с которым недостоверная информация получает статус официальной». В том случае, если официальная информация содержится в государственных информационных системах (ГИС), государственные органы обязаны обеспечить достоверность и актуальность такой информации, а «любое лицо вправе обратиться с требованием об исключении из ГИС недостоверной (неактуальной) информации». Учитывая важность функций, возложенных на систему ГИС как источники официальной информации, действительно имеет смысл выделить их в особую группу «публичные информационные системы» с особыми требованиями к ним [1].

Следовательно, в информационных отношениях праву на достоверную информацию всегда корреспондирует обязанность проверять информацию на достоверность, чтобы в дальнейшем вносить достоверную информацию, располагать достоверной информацией, предоставлять и распространять достоверную информацию. Информационное общество в корне изменило статус и значение информации, значительно расширило ее возможности, придав ей характер стратегического ресурса и важнейшего фактора влияния. В качестве последнего она имеет, несомненно, сильное воздействие на общественное, массовое и индивидуальное сознание, на формирование личного и общественного мнения во всех его аспектах — знания и ценности, оценки и суждения, чувства и эмоции, установки и ориентиры, воля и действие.

В современных условиях общественное и индивидуальное сознание имеет не только социальное измерение как система воззрений, знаний, ценностей, но цифровое — как объект воздействия посредством информации, массовых коммуникаций, технологий. Реальность рисков глобальной недостоверности, целенаправленного создания информационных продуктов воздействия на индивидов и общество, использования для их продвижения всей системы коммуникативных технологий придает проблематике информационной безопасности, безопасности от информации актуальный характер. Бурное развитие нового вида отношений — информационных — оказывает системное воздействие: трансформирующее, деформирующее, модернизирующее — на все уровни общественного сознания, формируя новые доминанты. В вопросах безопасности ключевым является именно характер влияния как для всей системы, так и для ее составляющих. Для определения содержания, направленности, механизмов воздействия важное значение имеет именно исходный постулат. «Такой отправной точкой или ориентиром могут служить характеристики социальной информации: актуальность, оперативность, объективность, полнота, доступность, содержательность, систематичность, дифференцированность, достоверность» [4]. При этом достоверность следует понимать расширительно, т. е. как полноценность, неложность, реальность существования, объективность отражения всего того, что отрицает элемент искусственности, подделки, модификации. Право должно предложить именно такое всеобъемлющее понимание достоверности, чтобы адекватно реагировать на вызовы и угрозы информационного общества эпохи цифры.

Список литературы

1. Амелин, А.В. Презумпция достоверности информации в государственных информационных системах / А.В. Амелин // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Экономика. Управление. Право. 2017. Т. 17. Вып. 4. С. 458—464.
2. Антопольский, А.А. Права человека и Интернет: практика Европейского суда по правам человека / А.А. Антопольский // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2019. № 2.
3. Бехманн, Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний : монография / Г. Бехманн ; [пер. с нем. А.Ю. Антоновского [и др.]]. М : Логос, 2010. 247 с.
4. Довнар, Н.Н. Достоверность информации как фактор обеспечения информационной безопасности / Н.Н. Довнар // Вестник Южно-уральского государственного университета. Серия : Право. 2015. Т. 15. № 1. С. 57—62.
5. Евдокимов, К.Н. О конституционно-правовых гарантиях информационных прав и свобод человека и гражданина / К.Н. Евдокимов // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2013. № 3. С. 106—109.
6. Колобаева, Н.Е. Особенности реализации права на распространение информации при использовании сети Интернет / Н.Е. Колобаева // Российское право: образование, практика, наука. 2019. № 4. С. 4—10.
7. Кузнецов, П.У. Информация как объект правоотношений в области обеспечения информационной безопасности / П.У. Кузнецов // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2017. № 6. С. 39—43.
8. Лукина, Е.И. Вредоносная информация: сущность и содержание понятия / Е.И. Лукина // Пробелы в законодательстве. Юридический журнал. 2016. № 4. С. 256—259.
9. Перепелица, Е.В. Основные информационные права и свободы человека: развитие в сетевом обществе / Е.В. Перепелица // Международное гуманитарное право глазами белорусской общественности : мат-лы Междунар. науч. форума, Минск, 30 окт. 2020 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Е. Ф. Довгань (гл. ред.) [и др.]. — Минск : БГУ, 2020. С. 50—56.
10. Рыдченко, К.Д. Административно-правовое обеспечение информационно-психологической безопасности органами внутренних дел Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / К.Д. Рыдченко. Воронеж, 2011.
11. Смирнов, А.А. Негативный контент: проблемы идентификации в контексте правового регулирования / А.А. Смирнов // Информационное право. 2015. № 2. С. 18—25.

References

1. Amelin, A.V. Presumption of reliability of information in state information systems / A.V. Amelin // News of Saratov University. New episode. Series: Economics. Control. Right. 2017. Vol. 17. Issue. 4, pp. 458-464.
2. Antopolsky, A.A. Human rights and the Internet: practice of the European Court of Human Rights / A.A. Antopolsky // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2019. No. 2.
3. Bechmann, G. Modern society: risk society, information society, knowledge society: monograph / G. Bechmann; [transl. with him. A.Yu. Antonovsky [and others]]. Mu: Logos, 2010. 247 p.
4. Dovnar, N.N. Reliability of information as a factor in ensuring information security / N.N. Dovnar // Bulletin of the South Ural State University. Series: Law. 2015. Vol. 15. No. 1, pp. 57-62.
5. Evdokimov, K.N. On constitutional and legal guarantees of information rights and freedoms of man and citizen / K.N. Evdokimov // News of the Irkutsk State Economic Academy. 2013. No. 3. P. 106-109.
6. Kolobaeva, N.E. Features of the implementation of the right to disseminate information when using the Internet / N.E. Kolobaeva // Russian law: education, practice, science. 2019. No. 4, pp. 4-10.
7. Kuznetsov, P.U. Information as an object of legal relations in the field of information security / P.U. Kuznetsov // Electronic supplement to the Russian Legal Journal. 2017. No. 6, pp. 39-43.
8. Lukina, E.I. Malicious information: essence and content of the concept / E.I. Lukina // Gaps in legislation. Legal journal. 2016. No. 4, pp. 256-259.
9. Perepelitsa, E.V. Basic information rights and human freedoms: development in a network society / E.V. Perepelitsa // International humanitarian law through the eyes of the Belarusian public: materials of the International scientific forum, Minsk, October 30. 2020 / Belarus. state University; Editorial Board: E.F. Dovgan (chief editor) [and others]. Minsk: BSU, 2020, pp. 50-56.
10. Rydchenko, K.D. Administrative and legal support of information and psychological security by internal affairs bodies of the Russian Federation: abstract of thesis. dis. ...cand. legal sciences / K.D. Rydchenko. Voronezh, 2011.
11. Smirnov, A.A. Negative content: problems of identification in the context of legal regulation / A.A. Smirnov // Information law. 2015. No. 2, pp. 18-25.

**The Right to Trustworthy Information:
the Information Rights of the Individual and Maintenance of Protection
of Interests of the Individual, the Society and the State**

Napso M.B.,

Doct. in Law, Assoc. Prof.,
Prof. of Dept. of Civil Law and Procedure
at North Caucasus State Academy
Russia, Cherkessk
napso.maryana@mail.ru

Article is devoted a question of realisation of the right of the individual on trustworthy information. The problem has a doubtless urgency owing to the increasing distribution of unreliable information, including designed, deformed, modified. The reality of risks of global inauthenticity, creating information products with fake content, use for their advancement of all system of communicative technologies demand adequate reaction of system character - social, ideological, moral, legal. The author is convinced that in modern conditions the right of the individual to trustworthy information and the right of the individual to removal get character of the cores among the information rights and has the most direct relation to a problem of maintenance of information security, counteraction to information influence on individual and public consciousness. Realisation of this right should be provided by its inclusion in the right to information distribution. Negative, deforming character of mass unauthentic city does necessary statement of a question on specification of concept of the mass information, legal definition of concept of reliability. According to the author, it should be interpreted broad as full value, an existence reality, objectivity of reflexion and to deny element of artificiality, fake, updating. The author is convinced that action of a principle of reliability should not be limited to sphere of interactions of the individual and the state, a society, mass-media - it should be extended with reference to other information environments.

Keywords: *an information society, digital measurement, the information, the information rights, reliability of the information, information security, safety from the information, the right to the information removal, the favorable information environment, the mass information, the official information, databases*

DOI 10.25799/NI.2023.12.93.008

УДК 342.951:004.6

Цифровизация контрактной системы: перспективы и зарубежный опыт

И.Ш. Исмаилов,

кандидат юридических наук, доцент
Департамента международного и публичного права
юридического факультета Финансового университета
при Правительстве РФ
Россия, Москва
ishismailov@fa.ru

Статья посвящена исследованию процессов цифровизации закупочной деятельности в отечественной и зарубежной практике. Анализируются наилучшие практики внедрения различных технологических инноваций, в том числе технологий искусственного интеллекта и распределенного реестра, в контрактные системы зарубежных государств, и перспективы рецепции наиболее полезного опыта в России. Рассматриваются особенности отечественной контрактной системы. Представлен краткий обзор некоторых ключевых достижений в области цифровизации системы государственных закупок.

Ключевые слова: цифровизация, контрактная система, система электронных закупок, блокчейн, искусственный интеллект, электронные торги.

Система государственных закупок — важная составляющая функционирования экономики: государство, обладая значительными ресурсами, а также достаточно большим кругом различных функций и обязательств, является одним из ключевых участников экономических отношений, выступая как в качестве покупателя и заказчика, так и производителя и продавца.

Безусловно, для эффективного осуществления своих публичных функций государство должно настроить работу механизма закупки товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Более того, именно государство должно выступать в качестве «двигателя» прогресса и обеспечивать стабильное функционирование общественно значимых сфер жизнедеятельности (образование, здравоохранение, пенсионное обеспечение и др.), а также развитие предпринимательской деятельности и модернизацию сектора государственных услуг.

Одним из наиболее актуальных направлений совершенствования экономических отношений является цифровизация, которая сейчас затрагивает абсолютно все экономические и социальные процессы. Сфера государственного управления также является объектом цифровизации.

В литературе выделяются три стадии развития системы закупок для государственных и муниципальных нужд в зависимости от уровня внедрения цифровых технологий для осуществления публичных закупок:

— **Закупки 1.0** — традиционная система государственных закупок без использования или с минимальным использованием цифро-

вых технологий и решений для проведения закупок. Такая система характерна для раннего этапа становления контрактной системы, когда государство только переходит на контрактную модель обеспечения государственных и муниципальных нужд, а также в случае с ограниченным доступом организаций к участию в процедурах осуществления закупок товаров, работ или услуг для государственных или муниципальных нужд;

— **Закупки 2.0** — закупки на базе специализированных публичных цифровых платформ, функционирующих относительно изолированно от других платформ проведения закупок, публичных цифровых ресурсов и баз данных. Для данной системы свойственно наличие нескольких отдельных площадок для проведения открытых форм осуществления закупок со сложной системой доступа и аутентификации для участия в торгах, а также с ограниченной функциональностью;

— **Закупки 3.0** — система, при которой закупки осуществляются на базе интегрированных специализированных государственных цифровых платформ или групп платформ, взаимодействующих с ресурсами и источниками данных и использующих отдельные достижения технологий обработки и анализа больших данных, искусственного интеллекта для целей продвинутого поиска и анализа информации о реализованных или проводимых закупках, а также для эффективного контроля действий сторон закупок и выявления нарушений или злоупотреблений с их стороны [11].

Основной целью такой цифровой трансформации продолжает быть обеспечение бюджетной эффективности закупок (наилучший

результат при наименьших затратах на его достижение), а также обеспечение доступа наибольшего числа лиц к участию в процедурах государственных и муниципальных закупок, при этом преследуются и иные цели, связанные со снижением издержек на выполнение закупочных процедур, сокращением сроков их проведения, а также с автоматизацией рутинных процессов взаимодействия между заказчиками и потенциальными поставщиками.

По мнению некоторых экспертов, полная цифровая трансформация в дальнейшем может привести к переходу уже к следующей стадии развития системы закупок, условно именуемой Закупки 4.0, для которой будет характерно массовое использование технологий распределенного реестра и искусственного интеллекта [10, с. 52]. Преимущества хранения информации в блокчейне для сферы закупок для государственных и муниципальных нужд вполне очевидны, поэтому такой опыт в зарубежной практике уже сформировался.

Например, одним из наиболее рациональных технических решений по хранению информации является регистрационная платформа для поставщиков в Канаде: в ней аккумулируется вся информация об участниках закупок, в том числе основные документы и отчетность об итогах их деятельности, которые проверяются органом закупок Канады (Public Services and Procurement Canada) каждый раз при проведении торгов, что позволяет не прибегать к постоянным запросам соответствующих документов. Учетные данные участников закупок хранятся в «бизнес-кошельке» на блокчейне, а дальнейшее развитие системы предполагает создание схожих баз данных в других ведомствах, что позволит организовать сквозные базы данных для представителей бизнеса и государственных структур.

При этом можно предположить, что ключевыми направлениями внедрения технологии искусственного интеллекта и их интеграции в системы организации государственных закупок и конкурсных процедур станут анализ стоимостных характеристик и ценоопределения по проводимым закупкам, а также автоматизация и алгоритмизация оценки поданных заявок; расширение количества критериев оценки заявки и возможность отойти от исключительно количественных показателей, а также учитывать при определении поставщика товара, работы или услуги различные факторы, в том числе предыдущий опыт участия в государственных контрактах, суммы ранее исполненных контрактов, а также общую репутацию поставщика. Очевидно, что полноценное функционирование таких систем на основе использования технологии искусствен-

ного интеллекта возможно лишь при активном применении технологий обработки и анализа больших данных, а также постепенном внедрении элементов технологии «интернета вещей», которая позволит более точно отслеживать необходимость проведения закупочных процедур, определять ключевые критериикупаемых товаров, работ и услуг, а также оптимизировать расходы. В ряде государств, в том числе в Европейском союзе, внедрение технологических инноваций уже является приоритетным направлением развития контрактной системы [4, с. 22—31]. Данные процессы позволяют повысить эффективность и результативность как самих процедур закупки, так и реализации тех целей и задач государственного и муниципального управления, для достижения которых были организованы и проведены соответствующие мероприятия.

Одним из передовых государств в вопросах перевода закупок на «цифровые рельсы» является Южная Корея, которая еще в начале века запустила сквозную систему электронных закупок KONEPS, позволившую связать работу всех систем электронных закупок, обобщить сведения об участниках закупок, а также всех реализованных контрактах. Во-первых, система является по-настоящему сквозной, предоставляя площадку для проведения закупок 45 тысячам поставщиков и 244 тысячам заказчиков, интегрировав 140 внешних систем. Во-вторых, система охватывает весь процесс проведения закупки, вплоть до оплаты контракта, а высокий уровень защиты данных участников закупок обеспечивается использованием цифровых сертификатов и отпечатков пальцев [1, с. 79—80]. Также в Public Procurement Service Южной Кореи уже используются технологии искусственного интеллекта и машинного обучения для совершенствования системы государственных закупок путем прогнозирования годового государственного спроса на товары, работы и услуги. Такое планирование может лечь в основу составления годового плана закупок, а также позволит бизнесу адаптировать свою предпринимательскую стратегию или настроить свои производственные мощности под нужды крупнейшего заказчика – государства.

В Соединенных Штатах Америки электронная система проведения закупочных мероприятий FPDS (Federal Procurement Data System, а с 2003 года FPDS-NG — Federal Procurement Data System «Next Generation») была разработана крупной IT-компанией IBM и появилась еще в 1979 году (однако с октября 2020 года модуль отчетов FPDS больше не используется: все механизмы были перенесены на новую платформу The System for Award Management).

В Австралии благодаря применению технологии Categorisation Artificial Intelligence Technology (CAITY) удалось перейти от ручной обработки данных о проведенных государственных закупках к автоматизированной обработке с использованием технологии искусственного интеллекта. По оценкам, данное новшество позволит сократить время обработки данных на 160 рабочих дней, а также повысить точность категоризации проведенных закупок с 70% до 90%¹. Стоимость внедрения данной технологии оценивается примерно в 300 тыс. австралийских долларов (185 тыс. евро), а ее полноценная имплементация заняла порядка двух лет — от тестирования в августе 2017 года до полного отказа от ручной обработки данных в апреле 2019 года.

Использование электронных систем проведения закупок является также одним из условий реализации принципов публичности и прозрачности, которые нашли свое отражение в законодательстве большинства зарубежных государств (США, Великобритания, Южная Корея и др.), а также в директивах Европейского союза, Многостороннем соглашении о государственных закупках в рамках Всемирной торговой организации и многих других международных соглашениях и договорах. Например, в 1994 и 2011 годах Комиссией Организации Объединенных Наций по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ) были разработаны типовые законы, устанавливающие основные принципы реализации закупок. Так, Типовой закон 1994 года определял в качестве основного метода всей системы государственных закупок открытые конкурсные процедуры, а Типовой закон 2011 года закрепил электронные формы проведения торгов; также в нем аккумулированы последствия таких революционных изменений, как широкое распространение интернета, развитие электронных форм торговли и автоматизированных электронных торговых процедур². Все эти процессы нацелены на формирование «интеллектуальной» контрактной системы, отвечающей требованиям прозрачности, простоты, а главное — технической, процедурной и экономической эффективности [6, с. 152—153].

Принцип прозрачности ложится в основу всей цифровой трансформации системы государственных закупок, что нашло свое отражение и в директивах на уровне Европейского союза. Так, Директива 2014/24/ЕС предусматривает обязательное проведение тендера в

электронной форме, а также охватывает ряд ключевых вопросов и проблем функционирования системы государственных закупок в Европе: противодействие коррупции и конфликту интересов на всех уровнях и всех стадиях осуществления закупок, обеспечение благоприятных условий для развития малого и среднего предпринимательства в части их допуска к участию в закупочных процедурах. Стоит при этом отметить, что во многих странах ЕС система государственных закупок не является централизованной, не существует единых правил реализации конкурсов процедур; информация о проводимых торгах и конкурсах публикуется на государственных порталах, а в случае с региональными властями и вовсе не размещается в сети. Всего выделяется три модели организации системы государственных закупок: централизованная, децентрализованная и гибридная. Централизация в данном случае вытекает из единства или разветвленности системы администрирования (полномочного закупочного органа) и наличия или отсутствия единой цифровой платформы для проведения закупочных процедур. Гибридная форма объединяет в себе признаки централизованной и децентрализованной системы, что позволяет учесть разнообразие потребностей и географических особенностей при унификации процедур и форм документов.

Безусловно, у каждой модели есть преимущества и недостатки, однако на практике чаще всего модели встречаются не в чистом виде. Поэтому, по мнению некоторых ученых, для более четкого разделения моделей можно избрать ключевой критерий классификации — наличие или отсутствие центрального закупочного органа (Central Purchasing Body, далее — CPB), т. е. единого публичного субъекта, обладающего полномочиями по управлению системой государственных закупок в стране [2, с. 28]. В частности, в докладе Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) 2017 года подчеркивалось отсутствие такого единого органа в Российской Федерации. Тем не менее, определенные шаги с точки зрения консолидации информационных ресурсов были предприняты еще с принятием Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». С момента принятия закон претерпел множество изменений (более 40 редакций), вызванных как недо-

¹ Categorisation Artificial Intelligence Technology (CAITY) — Emerging technologies in public procurement — case study // European Commission : [Электронный ресурс]. — URL: <https://ec.europa.eu/docsroom/documents/39905/attachments/1/translations/en/renditions/native> (дата обращения: 30.08.2023).

² Типовой закон ЮНСИТРАЛ о публичных закупках // Организация Объединенных Наций. 27 июня-15 июля 2011 г. : [Электронный ресурс] — URL: <https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/2011-model-law-on-public-procurement-r.pdf> (дата обращения 04.09.2023).

статками изначальной юридической техники, так и необходимостью совершенствования процедур проведения закупок в рамках цифровой трансформации, однако множество изменений, а также расширение базы подзаконных актов в сфере закупок привели к казуистичности, бессистемности и сложности понимания законодательства о контрактной системе, что, в свою очередь, усложняет процессы участия в торгах и диссимилирует бизнес участвовать в них [7, с. 9].

Федеральным законом от 31.12.2017 № 504-ФЗ в законодательство были внесены поправки, направленные на интеграцию различных площадок в единую систему, переход на электронную форму проведения торгов и формализацию процедуры закупок для обеспечения ее большей определенности. В дальнейшем ряд положений закона был конкретизирован в постановлении Правительства РФ от 27.01.2022 № 60, регламентировавшем порядок и сроки регистрации участников торгов в единой информационной системе. Изменения в законодательстве были направлены как на централизацию закупочной деятельности, так и на создание инфраструктуры и предпосылок для перевода контрактной системы на «цифровые рельсы», что должно способствовать повышению конкурентоспособности и предотвращению незаконных деяний в сфере государственных закупок, а также и повышению экономической эффективности закупок [9, с. 29—30]. Изменения в законодательстве в совокупности с заметным расширением подзаконного регулирования и актов толкования, как уже ранее отмечалось, привели к нарушению внутренней целостности законодательства о контрактной системе, противоречиям между нормами, а также усложнению понимания порядка проведения закупочных процедур со стороны бизнеса и самих заказчиков. Эти проблемы постепенно решались путем внесения изменений и продолжения практики централизации информационного и нормативного сопровождения закупочных процедур.

Бесспорно, модель организации системы закупок играет важную роль в определении особенностей закупочной деятельности в конкретном государстве, однако процессы цифровизации могут и должны успешно реализовываться при любой архитектуре контрактной системы.

Резюмируя вышеперечисленные факты о цифровой трансформации контрактной системы, можно сделать однозначный вывод об утилитарном применении технологических новшеств в сфере закупок и возможности выделения ряда ключевых целей и задач, для достижения которых и внедряются в систему закупок различные технологические решения.

Большинство электронных систем или их конкретных инструментов выполняет ключевые прикладные функции, упрощая функционирование системы закупок (использование технологий искусственного интеллекта для формирования годового плана закупок) и осуществление рутинных задач (категоризация, сбор и хранение), повышая уровень автономности и доступности интерфейса платформы (чат-боты), углубляя аналитическую составляющую при формировании конкретных заявок (технологии аккумулирования данных о предыдущих закупках для расчета стоимости контракта), а также формируя инфраструктуру для эффективного функционирования системы закупок (информационные хранилища на основе технологии распределенного реестра).

Такая классификация представленных технологий, используемых для совершенствования системы прокьюременты, отражает основные мировые тенденции развития закупок для публичных нужд. Однако для проведения полноценного анализа необходимо также оценить перспективы внедрения данных технологий в Российской Федерации. Отечественное законодательство о закупках подвергается критике. В частности, в числе его противоречий выделяют отсутствие подробной регламентации в законе каждого этапа проведения закупки, приводящее к некоторой бюрократизации, а также к замедлению многих процедур, а значит и к финансовым потерям каждой из сторон [5, с. 42—43]. Как ранее отмечалось, ряд сложностей вызывает также разветвленность нормативного регулирования и отсутствие единого органа регулирования и проведения закупок. Поэтому одной из целей внедрения инноваций должно стать преодоление вышеперечисленных проблем путем повышения прозрачности, четкости и конкретности реализуемых процедур.

В России, как и во многих странах, применяют систему электронного документооборота, являющуюся базой для общих сведений, связанных с госзакупками на разных этапах. Однако использование электронных площадок и механизмов проведения государственных закупок имеет разные цели и мотивы, которые зависят от конкретного государства.

По мнению некоторых экспертов, ключевой целью цифровизации системы государственных закупок в России является обеспечение прозрачности проведения процедур закупки, а также ускорение самого процесса выбора поставщика и заключения контракта, а в странах Европейского союза лейтмотивом любых технических инициатив в сфере государственных закупок является снижение расходов на содержание самой системы государственных закупок, а также упрощение процедуры уча-

ствия в закупках и интерфейса электронных платформ¹. При этом в некоторых судебных актах подчеркивается и другая цель. Так, в одном из своих постановлений Высший Арбитражный Суд РФ указал целью проведения открытых торгов «привлечение максимально широкого круга участников и получение организатором торгов, в настоящем случае, наибольшей цены за реализуемое право»². В связи с этим можно выделить еще одну цель цифровизации — объективизация критериев выбора поставщика, которыми должны выступать наилучшие цена и условия контракта.

Стоит отметить, что система закупок в России развивается современно и своевременно. Так, одним из лучших решений в сфере госзаказа считается разработка «Электронного магазина» Единой автоматизированной информационной системы торгов города Москвы. Такой проект расширил возможности представителей малого и среднего предпринимательства. Также исследователи обращают внимание на портал поставщиков zakupki.mos.ru, благодаря которому создано пространство для осуществления закупок малого объема в режиме реального времени путем проведения электронных процедур в сформированном едином информационном пространстве³. При этом Москва не закрывает доступ локально, а дает возможность присоединения к данной площадке всем заинтересованным регионам. Этот инструмент является бесплатным, работает на постоянной основе и постоянно совершенствуется. В качестве позитивного примера можно привести также Белгородскую область, где был внедрен и распространен «Электронный маркет (магазин) для “малых закупок”». Такие системы повышают уровень доступности закупок и снижают барьеры для новых поставщиков товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд.

Резюмируя, можно констатировать, что цифровизация пронизывает все сферы общественной жизни, однако в некоторых из них она способна значительно упростить жизнь как государству, так и бизнесу. К таким сферам можно отнести и государственные закупки, так как большинство технологических новшеств в указанной сфере связано именно с упрощением администрирования сложной и разветвленной государственной контрактной системы, снижением барьеров для участия в процедурах закупки для государственных и

муниципальных нужд представителей малого и среднего бизнеса, а также с созданием новых или модернизации действующих цифровых платформ для размещения заявок об участии в государственных закупках. Цифровизация не решает все вопросы в сфере госзакупок, но очень позитивно влияет на прозрачность, открытость процессов, а также на сокращение влияния субъективных факторов в процессе взаимодействия с заказчиками, членами закупочных комиссий [8, с. 55—56], в связи с чем следует внедрять новые технологии, в особенности те, которые основаны на базе технологии распределенных реестров, и реализовывать уже проверенный опыт зарубежных государств внутри России, улучшая уже существующие платформы и создавая новые системы.

Использование новейшего технологического аппарата позволит повысить безопасность информационных систем и ресурсов, обеспечить сохранность и более широкое применение данных об участниках закупок, а также реализацию ключевых принципов функционирования системы закупок — принципов прозрачности и доступности, а также экономии бюджетных средств. Нужно масштабировать тот опыт, который уже сформировался в некоторых регионах, например, в Ростовской области [3], а также учитывать особенности отечественной системы государственного управления и бюджетирования при модернизации системы государственных закупок.

Список литературы

1. *Айтжанова, Д.А.* Цифровизация экономики Казахстана на примере государственного прокьюрмента зарубежных стран / Д.А. Айтжанова, Г.М. Дуйсен, М.Д. Уалтаев // Статистика, учет и аудит. 2019. № 2(73). С. 77—81.
2. *Анчишкина, О.В.* Зарубежный опыт развития архитектуры управления публичными закупками / О.В. Анчишкина, В.Н. Киселева // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2018. № 4. С. 21—36.
3. *Белокрылова, О.С.* Опыт электронизации и перспективы цифровизации региональной системы публичных закупок в Ростовской области / О.С. Белокрылова, А.О. Кишковская // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2020. № 4(64). 19 с.
4. *Каранатова, Л.Г.* Инновационное развитие контрактной системы: переход к умным закупкам / Л.Г. Каранатова, А.Ю. Кулев // Власть и экономика. Управленческое консультирование. 2020. № 2. С. 22—31.

¹ E-procurement // European Commission : [Электронный ресурс] — URL: https://single-market-economy.ec.europa.eu/single-market/public-procurement_en (дата обращения: 29.08.2023)..

² Постановление Президиума ВАС РФ от 20.09.2011 № 7905/09 по делу № А40-40222/08-153-445 // Вестник ВАС РФ. 2012. № 1.

³ Портал поставщиков. Москва : [Электронный ресурс]. — URL: <https://zakupki.mos.ru/> (дата обращения: 30.08.2023).

5. Катвалян, А.Э. Развитие системы правового регулирования государственных закупок в России / А.Э. Катвалян // Финансовое право. 2019. № 1. С. 39—43.

6. Луганская, А.Г. Интеллектуальное планирование системы закупок / А.Г. Луганская, В.С. Тынченко // Решетневские чтения. 2013. № 1. С. 152—153.

7. Родионова, О.М. Метод правового регулирования публичных закупок в условиях их цифровизации / О.М. Родионова // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2020. № 1. С. 8—11.

8. Сидорова, О.В. Цифровизация закупок: международный и российский опыт / О.В. Сидорова // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2018. № 5 (143). С. 53—56.

9. Федченко, К.И. Цифровизация как основная тенденция совершенствования финансово-правового регулирования контрактной системы закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных нужд / К.И. Федченко // Юридическая наука. 2022. № 9. С. 28—33.

10. Шувалов, С.С. Организация публичных закупок в интересах цифровизации системы государственного управления: проблемы и решения / С.С. Шувалов // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2020. № 3. С. 51—62.

11. Salazar A., Harper L. Public Procurement: A Journey Towards the Digital Frontier // Inter-American Development Bank. 2018. September 7 : [Электронный ресурс]. — URL: <https://blogs.iadb.org/gestion-fiscal/en/public-procurement-digitalization/> (дата обращения: 01.09.2023).

References

1. Aitzhanova, D.A. Digitalization of the economy of Kazakhstan on the example of government funding in foreign countries / D.A. Aitzhanova, G.M. Duysen, M.D. Ualtaev // Statistics, accounting and audit. 2019. No. 2(73), pp. 77-81.

2. Anchishkina, O.V. Foreign experience in the development of public procurement management architecture / O.V. Anchishkina, V.N. Kiseleva //

Management and business administration. 2018. No. 4, pp. 21-36.

3. Belokrylova, O.S. Experience in electronicization and prospects for digitalization of the regional public procurement system in the Rostov region / O.S. Belokrylova, A.O. Kishkovskaya // Regional economics and management: electronic scientific journal. 2020. No. 4(64). 19 p.

4. Karanatova, L.G. Innovative development of the contract system: transition to smart procurement / L.G. Karanatova, A.Yu. Kulev // Power and economics. Management consulting. 2020. No. 2, pp. 22-31.

5. Katvalyan, A.E. Development of the system of legal regulation of public procurement in Russia / A.E. Katvalyan // Financial law. 2019. No. 1, pp. 39-43.

6. Luganskaya, A.G. Intellectual planning of the procurement system / A.G. Luganskaya, V.S. Tynchenko // Reshetnev readings. 2013. No. 1, pp. 152-153.

7. Rodionova, O.M. Method of legal regulation of public procurement in the conditions of their digitalization / O.M. Rodionova // Journal of Entrepreneurial and Corporate Law. 2020. No. 1, pp. 8-11.

8. Sidorova, O.V. Digitalization of procurement: international and Russian experience / O.V. Sidorova // Economics and management: scientific and practical journal. 2018. No. 5 (143), pp. 53-56.

9. Fedchenko, K.I. Digitalization as the main trend in improving the financial and legal regulation of the contract system for the procurement of goods, works and services to meet government needs / K.I. Fedchenko // Legal science. 2022. No. 9, pp. 28-33.

10. Shuvalov, S.S. Organization of public procurement in the interests of digitalization of the public administration system: problems and solutions / S.S. Shuvalov // Management and business administration. 2020. No. 3, pp. 51-62.

11. Salazar A., Harper L. Public Procurement: A Journey Towards the Digital Frontier // Inter-American Development Bank. 2018. September 7: [Electronic resource]. — URL: <https://blogs.iadb.org/gestion-fiscal/en/public-procurement-digitalization/> (access date: 01.09.2023).

Digitalization of the Procurement System: Prospects and Foreign Experience

Ismailov I.S.,

Cand. in Law, Assoc. Prof. of Dept.
of International and Public Law Faculty of Law
at Financial University under the Government
of Russian Federation
Russia, Moscow
ishismailov@fa.ru

This article is devoted to the study of the processes of digitalization of procurement systems and procedures in domestic and foreign practice. The best practices of introducing various technological innovations, including artificial intelligence and distributed registry technologies, into contract systems of foreign countries and prospects for the reception of the most useful experience in Russia are analyzed. The article draws conclusions about the peculiarities of the domestic contract system and provides a brief overview of some key achievements in the field of digitalization of the public procurement system.

Keywords: digitalization, contract system, electronic procurement system, blockchain, artificial intelligence, electronic bidding.

DOI 10.25799/NI.2023.59.20.009

УДК 342.9

Классификация сроков в государственно-служебных отношениях по их содержанию

Д.В. Марон,

аспирант кафедры служебного и трудового права

Поволжского института управления имени

П.А. Столыпина — филиала РАНХиГС

Россия, Черкесск

maron792@mail.ru

Рассматриваются существующие в отечественной юридической науке классификации сроков, исходя из их содержания в преломлении государственно-служебных отношений. По итогам исследования автор предлагает следующие классификации: 1 — по назначению: 1) регулятивные: а) правообразующие; б) правоизменяющие; в) правопрекращающие; 2) охранительные; 2 — по цели установления: 1) материальные; 2) нематериальные: а) процедурные; б) процессуальные; в) давностные; 3 — по юридическим последствиям в случае пропуска: 1) пресекательные (преклюзивные); 2) непресекательные.

Обосновывается, что классификация сроков, используемых в государственно-служебных отношениях, позволит, с одной стороны, лучше понять саму их сущность, с другой — выстроить их структуру, определив при этом отличительные свойства отдельных видов сроков и, как следствие, выявить пробелы и коллизии в российском законодательстве.

Ключевые слова: государственная служба, правовые сроки, регулятивные сроки, охранительные сроки, материальные сроки, нематериальные сроки, пресекательные сроки, непресекательные сроки.

Действующее российское служебное законодательство использует значительное количество сроков, направленных на достижение различных целей. Разумеется, большое количество исследуемых объектов предполагает возможность их классификации. Проведение таких классификаций имеет высокое познавательное значение, позволяя выявить закономерности изучаемого явления и лучше исследовать его основные свойства [7, с. 88—92].

Таким образом, классификация сроков, используемых в государственно-служебных отношениях, позволит, с одной стороны, лучше понять саму их сущность, а с другой — выстроить их структуру, определив при этом отличительные свойства отдельных видов сроков и, как следствие, выявить пробелы и коллизии в российском законодательстве.

Сама по себе задача классификации сроков в государственно-служебных отношениях является абсолютно новой для отечественной правовой науки: насколько нам известно, она никогда и никем раньше не ставилась и не решалась. Вместе с тем решать ее представляется целесообразным не «с нуля», а на основе тех наработок, которые уже имеются в юриспруденции.

Проведя анализ российской юридической научной и учебной литературы, можно увидеть, что в различных отраслях российского права (а также применительно к праву в целом) выделяются самые разные классификации сроков. При этом представляется возможным подразделить все предлагаемые классификации на две большие группы. Первая основана на способах (субъектах) установления,

изменения и применения сроков (нормативные и устанавливаемые самими участниками правоотношения; обязательные и инициативные; инициативные; императивные и диспозитивные; изменяемые и неизменяемые), в то время как вторая затрагивает само содержание сроков. Не отрицая значение первой группы, в рамках настоящей статьи мы рассмотрим только вторую.

В первую очередь представляется необходимым привести классификацию, основанную на значении сроков в процессе правового регулирования. В ее рамках различные специалисты выделяют два вида сроков: регулятивные и охранительные [21, с. 161; 25, с. 263]. Указанная классификация основывается на базовом разделении всех регулируемых правом общественных отношений на регулятивные и охранительные [13, с. 55—63; 26, с. 32]. Если первые направлены на реализацию субъективных материальных прав и исполнение субъективных материальных обязанностей сторон правоотношения, то вторые — на его защиту при их нарушении. Соответственно, регулятивные сроки определяют периоды реализации прав и обязанностей сторон, охранительные же — периоды их защиты.

В государственно-служебном законодательстве можно встретить и регулятивные, и охранительные сроки. Ко вторым, например, можно отнести установленный ч. 8 ст. 70 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» трехмесячный срок, в течение которого гражданский служащий либо гражданин, поступающий на гражданскую службу

или ранее состоявший на гражданской службе, может обратиться в комиссию по служебным спорам; срок исчисляется со дня, когда он узнал или должен был узнать о нарушении своего права. Что же касается регулятивных сроков, то их в государственно-служебном законодательстве намного больше и, как и в целом регулятивные сроки, они также, в свою очередь, могут быть разделены на виды. С точки зрения правовых последствий, порождаемых регулятивными сроками, специалисты выделяют сроки:

- правообразующие (правопорождающие);
- правоизменяющие;
- правопрекращающие [8, с. 174—175; 20, с. 5; 21, с. 157].

Исходя из названия, правообразующие сроки (некоторые авторы называют их правопорождающими [1, с. 125—126]) влекут за собой возникновение нового правоотношения (и в его рамках — новых материальных прав и обязанностей). Применительно к государственно-служебным отношениям можно привести следующий пример. В соответствии с ч. 1 ст. 34.1 Федерального закона от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» для поступивших на военную службу по контракту на воинские должности устанавливается испытание сроком на три месяца. В этот период, хотя гражданин и замещает должность военной службы, есть особенности в его правовом статусе, в частности, ему не может быть присвоено воинское звание. При этом в соответствии с ч. 4 ст. 34.1 указанного закона по истечении срока испытания военнослужащий считается выдержавшим испытание и продолжает военную службу. Соответственно, с момента окончания срока испытания у военнослужащего возникают новые права, в частности, право на присвоение очередного воинского звания.

Правоизменяющие сроки связаны с изменением прав или обязанностей сторон государственно-служебного отношения. Так, ч. 5 ст. 50 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» устанавливает размеры ежемесячной надбавки к должностному окладу за выслугу лет на гражданской службе в зависимости от стажа гражданской службы. Соответственно, право на получение вышеуказанной надбавки возникает у гражданского служащего по достижении стажа 1 год. В дальнейшем достижение определенных законом сроков (5, 10 и 15 лет) влечет изменение размера надбавки, т. е. в данном случае уже не возникает новое право, а изменяется существующее.

Наконец, очевидным примером правопрекращающих сроков на государственной служ-

бе являются, на наш взгляд, сроки, связанные с достижением предельного возраста для замещения конкретных должностей. На той же гражданской службе по умолчанию предельный возраст составляет 65 лет. По достижении его служебное правоотношение должно быть прекращено.

Другая классификация сроков, затрагивающая их содержание, основана на цели их установления (целевом назначении). Данная классификация была известна еще с 1920-х годов и подразумевала, прежде всего, их подразделение на материальные и процессуальные [8, с. 117—175]. Она базируется на выделении материальных и процессуальных норм, и — шире — материального и процессуального права [4, с. 24—30].

При этом, конечно, можно согласиться с В.Н. Кабельковой в том, что «это деление является до известной степени условным, поскольку любая регулируемая правом человеческая деятельность носит динамический характер и потому является процессом» [12, с. 34]. В то же время следует иметь в виду, что под процессуальными сроками, как правило, понимаются сроки, относящиеся к процессу в узком смысле этого слова — как одному из виду производств по разрешению споров.

Что касается материальных сроков, то они в целом направлены на определение пределов существования правоотношения либо отдельных прав и обязанностей в рамках правоотношения. К материальным срокам в служебном праве можно отнести, например, срок действия контракта с государственным служащим, служебного контракта либо трудового договора.

С процессуальными сроками все гораздо сложнее. По отношению к материальным они носят обеспечивающий характер. При этом, если в первой половине XX века в отечественной правовой доктрине все сроки, не относящиеся к материальным, как правило, рассматривались как процессуальные, то с течением времени у ученых-правоведов проявилось представление о том, что процессуальные сроки отнюдь не едины и также могут быть подразделены на группы. В этой связи многие специалисты для характеристики сроков, не относящихся к материальным, начали использовать термин «нематериальные» [21, с. 161; 22, с. 256], хотя некоторые другие и продолжили пользоваться понятием «процессуальные сроки» [19, с. 104].

Нематериальные сроки, как уже было сказано, также подразделяются на виды, причем разнообразие мнений по вопросу о том, какие здесь можно выделить группы сроков, очень велико и сильно зависит от отраслевой принадлежности. Так, в административном праве

среди нематериальных сроков выделяют процессуальные (закрепляющие отрезки времени, в рамках которых граждане, уполномоченные должностные лица и органы обязаны осуществить процессуальные действия), давностные (устанавливающие основания для прекращения производства по делу) и сроки принудительного воздействия (определяющие время осуществления мер административного принуждения, включая меры взыскания) [5, с. 459—460]; процессуальных действий и давности [16, с. 175].

Специалисты в области трудового права к нематериальным срокам относят организационные; процедурные; процессуальные сроки [22, с. 256]. Однако не все представители науки трудового права согласны с выделением организационных сроков. Так, Е.В. Мотина, критикуя позицию С.В. Передерина, совершенно справедливо, на наш взгляд, указывает, что «организационные сроки являются разновидностью процедурных, так как сроки создания того или иного органа включают в себя и время принятия решения о его создании, и время совершения иных предусмотренных законом действий» [21, с. 169].

При этом, если административисты, как уже было показано выше, чаще всего рассматривают давностные сроки как разновидность нематериальных, то в трудовом праве они, как правило, выделяются в отдельную группу [18, с. 12].

Здесь, правда, тоже нет единства мнений. Некоторые ученые вообще полагают, что в трудовом законодательстве не существует давностных сроков, а предусмотренные им сроки обращения в суд следует классифицировать как процессуальные. Так, Е.В. Грин обосновывает это тем, что законодатель, не используя в Трудовом кодексе РФ термин «сроки исковой давности», сделал это намеренно, с тем чтобы они могли применяться судом независимо от ходатайства сторон [10, с. 23—25]. Ему возражает М.В. Пресняков, указывая, что «формально-юридически положения ст. 195 ГК РФ, согласно которым исковой давностью признается срок для защиты права по иску лица, право которого нарушено, позволяют в полной мере относить установленные Трудовым кодексом РФ сроки для защиты трудовых прав к срокам исковой давности» [23, с. 55].

Данная позиция представляется более обоснованной, тем более что она прямо поддер-

живается Верховным Судом РФ¹ и косвенно — Конституционным Судом РФ².

Какие же из вышеприведенных сроков используются в государственно-служебных отношениях?

Процедурные сроки — частое явление в государственно-служебных отношениях, поскольку само по себе государственное управление — это деятельность, прежде всего, процедурная [2, с. 4]. Соответственно, процедуры различного характера реализуются и в государственно-служебных отношениях. Исходя из того, что процедурный срок — это срок, с наступлением, течением или истечением которого могут или должны быть совершены определенные действия по обеспечению нормальной (обычной) реализации права или обязанности [17, с. 10], к процедурным срокам здесь можно отнести, например, срок выслуги в специальных званиях сотрудников органов внутренних дел (ст. 42 Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»): истечение данного срока дает начало процедуре присвоения сотруднику очередного специального звания.

Процессуальные сроки в материальных отраслях права представляют собой часть механизма защиты субъективного права, которое, по мнению соответствующего субъекта, нарушено [18, с. 11—12]. Соответственно, к процессуальным срокам, например, в трудовом праве, ученые относят сроки разрешения индивидуальных трудовых споров искового характера в КТС, судах общей юрисдикции и коллективных трудовых споров о признании правомерности проведения забастовки в судах [22, с. 256].

Мы не можем согласиться с таким подходом в полной мере, поскольку разрешение индивидуальных трудовых споров в судах регулируется по большей части уже не трудовым, а гражданско-процессуальным законодательством, и все сроки в данной сфере (за исключением давностных, но они относятся к другой группе) установлены, соответственно, последним.

Тем не менее, можно согласиться с отношением к процессуальным срокам сроки, установленные для разрешения индивидуальных трудовых споров в КТС. По аналогии, которая в данном случае, на наш взгляд, вполне допустима, процессуальными в государственно-

¹ Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2003 года : утв. постановлениями Президиума Верховного Суда РФ от 03.12.2003 и 24.12.2003 (ред. от 25.11.2015) // Верховный Суд РФ : [сайт] — URL: https://www.vsrfr.ru/Show_pdf.php?Id=10550 (дата обращения: 18.08.2023).

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Яскевич Людмилы Федоровны на нарушение ее конституционных прав положением части первой статьи 392 Трудового кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 29.05.2014 № 1033-О // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

служебных отношениях являются, например, десятидневный срок рассмотрения комиссией по служебным спорам служебный спор между представителем нанимателя, с одной стороны, и гражданским служащим либо гражданином, поступающим на гражданскую службу или ранее состоявшим на гражданской службе — с другой (ч. 10 ст. 70 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации»); также десятидневный срок обжалования решения комиссии по такому спору (ч. 11 ст. 70 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации»), и т. п.

Что касается давностных сроков, то, как нами уже было отмечено выше, в отечественной правовой науке нет единого мнения относительно того, следует ли их выделять в отдельную группу, или необходимо рассматривать как один из видов нематериальных сроков. Нам более обоснованной видится вторая точка зрения, так как, хотя давностные сроки, бесспорно, связаны с возможностью защиты установленных нормами материального права нарушенных прав и обязанностей, однако то же можно сказать и о процессуальных сроках. К давностным срокам в государственно-служебных отношениях можно отнести трехмесячный срок, в течение которого гражданский служащий либо гражданин, поступающий на гражданскую службу или ранее состоявший на гражданской службе, может обратиться в комиссию по служебным спорам; это срок исчисляется со дня, когда он узнал или должен был узнать о нарушении своего права (ч. 8 ст. 70 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации»). Как отмечают по поводу данного срока М.В. Пресняков и С.Е. Чаннов, «пропуск сроков... для обращения в комиссию по служебным спорам не влечет отказ в принятии соответствующего заявления» [24, с. 456].

Наконец, последняя классификация сроков, к которой представляется необходимым обратиться в рамках настоящей статьи, — это классификация, основанная на наступающих юридических последствиях в случае пропуска таких сроков. Отметим, что речь в данном случае не идет о диспозитивных сроках, не влекущих в случае пропуска вообще никаких юридических последствия в силу своего рекомендательного характера. Речь идет о сроках, юридические последствия пропуска которых наступают, однако они различаются по своему значению для правоотношения. В рамках данной классификации все сроки могут быть подразделены на:

- 1) пресекательные;
- 2) непресекательные.

Сущность пресекательных (их также называют преклюзивными) сроков заключается в том, что их истечение прекращает существование субъективного материального права.

Понятие пресекательных сроков наиболее изучено в российской правовой науке гражданского права [9; 11; 14 и др.]. При этом консенсус об их отграничении от других видов сроков отсутствует, и наибольшие споры вызывает вопрос о том, как отграничивать пресекательные сроки от сроков исковой давности: ведь и те, и другие связаны с невозможностью реализовать субъективное право. Правильной представляется точка зрения тех специалистов, которые указывают, что пропуск срока исковой давности не прекращает само субъективное право, а лишь лишает обладателя возможности его принудительно исполнить [6, с. 34; 15, с. 139].

В других отраслях российского права понятие пресекательного срока также базируется на его свойстве прекращать субъективные права и, как следствие, делать невозможным возникновение либо дальнейшее существование правоотношения. Так, пресекательными являются сроки давности привлечения к административной ответственности (ст. 4.5 КоАП РФ): пропуск их делает невозможным наложение административного наказания. С другой стороны, нарушение установленных статьями 28.5 и 28.8 КоАП РФ сроков составления протокола об административном правонарушении и направления протокола для рассмотрения судьбе не препятствует дальнейшему рассмотрению дела, поскольку они пресекательными не являются [3, с. 277]. В трудовом праве к пресекательным относят сроки, в пределах которых наниматель может сделать распоряжение об удержании из заработной платы работника (п. 1 ч. 2 ст. 107 ТК РФ), сроки, когда новый собственник имущества организации имеет право расторгнуть трудовые договоры с руководителем организации, его заместителями, главным бухгалтером (ч. 2 ст. 36 ТК РФ), а также сроки привлечения работника к дисциплинарной ответственности (ст. 200 ТК РФ) [21, с. 164].

Соответственно, в государственно-служебных отношениях также возможно выделение сроков привлечения государственного служащего к дисциплинарной ответственности в качестве пресекательных.

Таким образом, подводя итоги настоящего исследования, представляется возможным предложить следующие виды классификаций сроков в государственно-служебных отношениях, исходя из их содержания по различным основаниям:

1. По назначению:
 - 1) регулятивные;

- а) правообразующие;
 - б) правоизменяющие;
 - в) правопрекращающие;
 - 2) охранительные.
 - 2. По цели установления:
 - 1) материальные;
 - 2) нематериальные:
 - а) процедурные;
 - б) процессуальные;
 - в) давностные.
 - 3. По юридическим последствиям в случае пропуска:
 - 1) пресекательные (преклюзивные);
 - 2) непресекательные.
- Классификация сроков, используемых в государственно-служебных отношениях, позволит, с одной стороны, лучше понять саму их сущность, с другой — выстроить их структуру, определив при этом, отличительные свойства отдельных видов сроков и, как следствие, выявить пробелы и коллизии в российском законодательстве.

Список литературы

1. *Абрамчик, Л.Я.* Понятие и классификация сроков обеспечения финансовых обязательств: опыт Республики Беларусь и Российской Федерации / Л.Я. Абрамчик, Д.Г. Бурцев // Современное право. 2016. № 8. С. 125—126.
2. Административное право : учебник для бакалавров / под ред. Э.Г. Липатова и С.Е. Чаннова. М. : Дашков и К, 2013. 456 с.
3. Административная ответственность : учебно-практическое пособие / под ред. С.Е. Чаннова. М. : Волтерс Клувер, 2010. 400 с.
4. *Азми, Д.М.* К вопросу о системном значении и соотношении материального и процессуального права / Д.М. Азми // Законодательство и экономика. 2010. № 2. С. 24—30.
5. *Бахрах, Д.Н.* Административное право России : учебник / Д.Н. Бахрах. М., 2008. 460 с.
6. *Бевзенко, Р.С.* Правовые позиции Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации по вопросам поручительства и банковской гарантии: Комментарий к Постановлениям Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12 июля 2012 г. № 42 «О некоторых вопросах разрешения споров, связанных с поручительством» и от 23 марта 2012 г. № 14 «Об отдельных вопросах практики разрешения споров, связанных с оспариванием банковских гарантий» / Р.С. Бевзенко. М. : Статут, 2014.
7. *Болдырев, С.Н.* Общетеоретические средства юридической техники / С.Н. Болдырев // Научный вестник Волгоградской академии государственной службы. 2012. № 1. С. 88—92.
8. *Гойхбарг, А.Г.* Курс гражданского процесса / А.Г. Гойхбарг. М. ; Л. : Гос. Изд-во, 1928. 320 с.
9. *Грибанов, В.П.* Сроки в гражданском праве / В.П. Грибанов. М. : Знание, 1967. 48 с.
10. *Грин, Е.В.* К вопросу о различии понятия «сроки обращения в суд» по трудовым делам и «сроки исковой давности» / Е.В. Грин // Российская юстиция. 2009. № 3. С. 23—25.
11. *Гурвич, М.А.* Пресекательные сроки в советском гражданском праве / М.А. Гурвич. М. : Изд-во ВЮЗИ, 1961. 80 с.
12. *Кабелькова, В.Н.* Классификация сроков в российском праве / В.Н. Кабельникова // Юристы-Правовед. 2014. № 4. С. 33—36.
13. *Кархалев, Д.Н.* Гражданско-правовые формы охранительных отношений / Д.Н. Кархалев // Сибирское юридическое обозрение. 2023. № 1. С. 55—63.
14. *Кириллова, М.Я.* Сроки в гражданском праве. Исковая давность / М.Я. Кириллова, П.В. Крашенинников. - 3-е изд., испр. и доп. М. : Статут, 2016. 78 с.
15. *Кириллова, М.Я.* Исковая давность / М.Я. Кириллова. М. : Юридическая литература, 1966. 156 с.
16. *Коваль, Л.В.* Административно-деликтное отношение : дис. ... д-ра юрид. наук / Л.В. Коваль. Киев, 1979.
17. *Комков, С.А.* Сроки в трудовом праве Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С.А. Комков. Томск, 2004. - 27 с.
18. *Кузакова, О.В.* Сроки в трудовом праве как юридические факты и как юридические условия: сравнительно-правовой аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О.В. Кузакова. Екатеринбург, 2008. С. 12.
19. *Мещерякова, Т.Н.* Классификация сроков в законодательстве об административной ответственности / Т.Н. Мещерякова // Актуальные проблемы российского права. 2010. № 3. С. 101—113.
20. *Мордачев, В.Д.* Сроки в советском трудовом праве : автореф. дис... канд. юрид. наук / В.Д. Мордачев. Свердловск, 1972. С. 5.
21. *Мотина, Е.В.* Классификация сроков в трудовом праве (на примере законодательства Республики Беларусь) / Е.В. Мотина // Российский ежегодник трудового права. 2009. № 4. С. 156—172.
22. *Передерин, С.В.* Процедурно-процессуальный правовой механизм обеспечения трудовых прав наёмных работников / С.В. Передерин. Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та. 2000. 286 с.
23. *Пресняков, М.В.* Сроки исковой давности в трудовом праве: о словах и терминах / М.В. Пресняков // Журнал российского права. 2018. № 3. С. 53—65.
24. *Пресняков, М.В.* Трудовое право России : учебник / М.В. Пресняков, С.Е. Чаннов. М. : Юристы, 2007. 477 с.
25. Современное трудовое право (Опыт трудового компаративизма). Книга первая / под ред. В.М. Лебедева. М. : Статут. 2007. С. 263
26. *Чаннов, С.Е.* Служебное правоотношение: понятие, структура, обеспечение / С.Е. Чаннов ; под ред. В.В. Володина. М. : Ось-89, 2009. 220 с.

References

1. Abramchik, L.Ya. Concept and classification of terms for securing financial obligations: experience of the Republic of Belarus and the Russian Federation / L.Ya. Abramchik, D.G. Burtsev // Modern law. 2016. No. 8, pp. 125-126.

2. Administrative law: textbook for bachelors / ed. E.G. Lipatov and S.E. Channov. M.: Dashkov end K., 2013. 456 p.
3. Administrative responsibility: educational and practical manual / ed. S.E. Channov. M.: Wolters Kluwer, 2010. 400 p.
4. Azmi, D.M. On the issue of the systemic significance and relationship between substantive and procedural law / D.M. Azmi // Legislation and economics. 2010. No. 2, pp. 24-30.
5. Bakhrakh, D.N. Administrative law of Russia: textbook / D.N. Bachrakh. M., 2008. 460 p.
6. Bevzenko, R.S. Legal positions of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation on issues of surety and bank guarantee: Commentary on the Resolutions of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated July 12, 2012 No. 42 "On some issues of resolving disputes related to sureties" and dated March 23, 2012 No. 14 "On certain issues in the practice of resolving disputes related to challenging bank guarantees" / R.S. Bevzenko. M.: Statute, 2014.
7. Boldyrev, S.N. General theoretical means of legal technology / S.N. Boldyrev // Scientific Bulletin of the Volgograd Academy of Public Administration. 2012. No. 1, pp. 88-92.
8. Goykhbar, A.G. Civil procedure course / A.G. Goykhbar. M.; L.: State. Publishing house, 1928. 320 p.
9. Gribanov, V.P. Deadlines in civil law / V.P. Gribanov. M.: Knowledge, 1967. 48 p.
10. Green, E.V. On the issue of the difference between the concepts of "time limits for filing a lawsuit" in labor cases and "limitation periods" / E.V. Green // Russian justice. 2009. No. 3, pp. 23-25.
11. Gurvich, M.A. Preventive terms in Soviet civil law / M.A. Gurvich. M.: Publishing house VYUZI, 1961. 80 p.
12. Kabelkova, V.N. Classification of terms in Russian law / V.N. Kabelnikova // Lawyer-Pravoved. 2014. No. 4, pp. 33-36.
13. Karkhalev, D.N. Civil legal forms of protective relations / D.N. Karkhalev // Siberian Legal Review. 2023. No. 1, pp. 55-63.
14. Kirillova, M.Ya. Deadlines in civil law. Limitation of actions. / M.Ya. Kirillova, P.V. Krashennnikov. - 3rd ed., rev. and additional M.: Statute, 2016. 78 p.
15. Kirillova, M.Ya. Limitation period / M.Ya. Kirillova. M.: Legal literature, 1966. 156 p.
16. Koval, L.V. Administrative-tort relation: dis. ... doctor legal sciences / L.V. Koval. Kyiv, 1979.
17. Komkov, S.A. Deadlines in labor law of the Russian Federation: abstract. dis. ...cand. legal sciences / S.A. Komkov. Tomsk, 2004. - 27 p.
18. Kuzakova, O.V. Deadlines in labor law as legal facts and as legal conditions: comparative legal aspect: author's abstract. dis. ...cand. legal sciences / O.V. Kazakova. Ekaterinburg, 2008. P. 12.
19. Meshcheryakova, T.N. Classification of terms in the legislation on administrative responsibility / T.N. Meshcheryakova // Current problems of Russian law. 2010. No. 3, pp. 101-113.
20. Mordachev, V.D. Deadlines in Soviet labor law: author's abstract. dis... cand. legal Sciences / V.D. Mordachev. Sverdlovsk, 1972. P. 5.
21. Motina, E.V. Classification of terms in labor law (on the example of the legislation of the Republic of Belarus) / E.V. Motina // Russian Yearbook of Labor Law. 2009. No. 4, pp. 156-172.
22. Perederin, S.V. Procedural legal mechanism for ensuring the labor rights of hired workers / S.V. Perederin. Voronezh: Voronezh University Publishing House, 2000. 286 p.
23. Presnyakov, M.V. Limitation periods in labor law: about words and terms / M.V. Presnyakov // Journal of Russian Law. 2018. No. 3, pp. 53-65.
24. Presnyakov, M.V. Labor law of Russia: textbook / M.V. Presnyakov, S.E. Channov. M.: Yurist, 2007.- 477 p.
25. Modern labor law (Experience of labor legal comparativism). Book one / ed. V.M. Lebedeva. M.: Statute. 2007. 297 p.
26. Channov, S.E. Service legal relationship: concept, structure, support / S.E. Channov; edited by V.V. Volodina. M.: Os-89, 2009. 220 p.

Classification of Terms in Public-service Relations by Their Content

Maron D.V.,

Post-graduate Student of Dept. of Service and Labour Law
at Stolypin Volga Region Institute of Management —

Branch of Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration

Russia, Saratov
maron792@mail.ru

In the article the author considers various existing in domestic legal science classifications of terms, based on their content in the refraction of public-service relations. According to the results of the research the author offers the following classifications: I. By purpose: 1. Regulative: a) law-forming; b) law-altering; c) law-extending; 2. Protective; II. According to the purpose of establishment: 1. Material; 2. Non-material: a) procedural b) procedural c) long-standing; III. On legal consequences in case of omission: 1. preclusive (preclusive); 2. non-preclusive.

It is substantiated that the classification of terms used in public service relations will allow, on the one hand, to better understand their very essence, on the other hand, to build their structure, defining, at the same time, the distinctive properties of certain types of terms, and as a consequence, to identify gaps and conflicts in the Russian legislation.

Keywords: public service; legal terms; regulatory terms; protective terms; material terms; immaterial terms; non-material terms; cut-off terms; non-cut-off terms.

DOI 10.25799/NI.2023.22.40.010

УДК 342.9

Вопросы административной ответственности и административных наказаний по российскому праву

А.В. Куракин,

доктор юридических наук, профессор
Департамента международного и публичного права
Финансового университета при Правительстве РФ, профессор
Россия, Москва
kurakinaleksey@gmail.com

А.Н. Харитонов,

доктор юридических наук, профессор кафедры
транспортной безопасности Всероссийского института
повышения квалификации сотрудников МВД России
Россия, Москва
Hariton@mail.ru

Н.А. Елбаева,

кандидат юридических наук, доцент
Департамента международного и публичного права
Финансового университета при Правительстве РФ,
член ассоциации антимонопольных экспертов
Россия, Москва
nelbaeva@gmail.ru

В статье рассматриваются содержание и соотношение категорий «административное наказание» и «административная ответственность»: данный вопрос важен с точки зрения применения административного принуждения в целом. Важность категории «административное наказание» предопределяется ее функциональностью в противодействии совершению административных правонарушений.

Раскрытие сущности административного наказания позволяет сбалансировать частные и публичные интересы в деле применения различных мер административной ответственности, а также избежать нарушений требований законности и прав граждан.

Ключевые слова: принуждение, административная ответственность, административное наказание, взыскание, предупреждение, процесс, форма, вина, исполнение, кара.

Вопрос об административных наказаниях — это, по сути, вопрос об административном принуждении, а точнее, административной ответственности. Однако проблема административной ответственности и административных наказаний является достаточно широкой, интегрирующей разные составляющие принуждения, а также затрагивающая социальные и экономические проблемы.

В этой связи есть все основания рассмотреть вопрос, касающийся административных наказаний, которые, по сути, выражают сущность административной ответственности, а точнее говорят о ее принудительном потенциале. Как определено в Кодексе РФ об административных правонарушениях, «административное наказание является установленной государством мерой ответственности за совершение административного правонарушения» (ст. 3.1). На такое понимание административного наказания было обращено внимание еще в середине 1980-х годов. Так, Б.М. Лазарев писал, что

административные наказания являются мерами административной ответственности [13, с. 34]. Данная позиция имела определяющий характер в доктрине административного права, и эта тенденция прослеживается в весьма содержательных работах. И.А. Галаган в свое время отмечал, что «под административной ответственностью следует понимать применение в установленном порядке административных наказаний» [9, с. 41]. П.И. Кононов административные наказания принципиально называет мерами административной ответственности, в связи с чем пишет, что меры административной ответственности — это предусмотренные нормами права административно-правовые санкции [10, с. 84].

Позиция обозначенных авторов понятна: действительно, процессуальная форма административной ответственности дает возможность применить соответствующие административное наказание, однако надо учитывать и тот факт, что привлечение к административ-

ной ответственности еще не говорит о том, что привлеченному к ответственности лицу будет назначено административное наказание.

Сейчас КоАП РФ, как, впрочем, и ранее, предусматривает основания освобождения от административной ответственности (ст. 24.5). Основания освобождения от административной ответственности могут быть материальными и процессуальными. Так, А.В. Мурашев писал, что «материальными основаниями освобождения от административной ответственности служат обстоятельства, которые характеризуют личность виновного и его проступок, и данные обстоятельства дают возможность сделать вывод о возможности достижения воспитательной и предупредительной цели административного наказания без его наложения и соответственно исполнения. Процессуальным основанием освобождения от административной ответственности является акт органа или должностного лица о применении к правонарушителю нормы об освобождении от административной ответственности» [17, с. 14].

К числу оснований освобождения от административной ответственности относятся: «отсутствие события административного правонарушения; отсутствие состава административного правонарушения; смерть физического лица, привлеченного к административной ответственности; истечение сроков давности привлечения к административной ответственности; издание акта амнистии, если такой акт устраняет применение административного наказания; действия лица в состоянии крайней необходимости; признание утратившим силу закона или его положения, который устанавливает административную ответственность за содеянное» и др. (ст. 24.5 КоАП РФ). Таким образом, очевидно, что лицо, привлеченное к административной ответственности, не всегда будет подвергнуто административному наказанию. В самом факте привлечения к административной ответственности имеет место элемент принуждения, в частности связанный с применением мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, но наказание в дальнейшем может и не применяться, поскольку вина привлеченного к административной ответственности лица не будет доказана, или будут иметь место иные обстоятельства неприменения административного наказания, которые были перечислены ранее (ст. 24.5 КоАП РФ).

Нужно отметить, что КоАП РФ, в отличие от уголовного и уголовно-процессуального законодательства, ничего не говорит о таком вопросе, как освобождение от ответственности по реабилитирующим и нереабилитирующим обстоятельствам. В этой связи было бы верно

дифференцировать основания освобождения от административной ответственности по обозначенным видам.

Административное наказание по своей правовой природе и функциональности является административным принуждением, и сам факт привлечения к административной ответственности тоже является составной частью соответствующего принуждения, однако привлечение к ответственности отнести к наказанию нельзя. Как первое, так и второе принуждение ограничивает права лица, в отношении которого они применяются, но эти ограничения имеют разный характер.

Таким образом, еще раз подчеркнем, что такие категории, как «административное наказание» и «административная ответственность», между собой логически связаны, однако они не тождественны. Хотя О.Э. Лейст в свое время писал, что «ответственность нередко определяется как применение и реализация санкций» [15, с. 31], однако в дальнейшем в полной мере этот тезис он не разделял.

Ю.Н. Стариков отмечал, что «под административной ответственностью понимается применение не всех, а только части мер административного принуждения, а именно административных взысканий и административно-восстановительных мер, которые влекут для виновных обременительные последствия морального, имущественного и личного характера» [24, с. 26].

Административно-восстановительные меры в административном праве — феномен достаточно спорный. Вероятно, данные меры связаны с восстановлением социальной справедливости ввиду того, что виновный в совершении административного правонарушения несет должную ответственность. Тезис Д.Н. Бахраха о том, что «восстановительные меры в административном праве применяются с целью возмещения причиненного ущерба, восстановления прежнего положения вещей» [5, с. 8], уже не отвечает требованиям административного законодательства. Восстановительные меры имущественного характера действуют при реализации гражданско-правовой ответственности.

По вопросу о соотношении понятий «административное наказание» и «административная ответственность» высказан ряд точек зрения. Так, К.С. Бельский писал, что «административная ответственность — это категория процессуальная, она является формой реагирования государства на правонарушение, и соответствующая форма в дальнейшем дает возможность применить к виновному лицу административное наказание» [6, с. 12].

Наиболее четко на соотношение «административного наказания» и «административной

ответственности» высказался С.М. Скворцов. В свое время он отметил, что «административная ответственность и административное наказание взаимосвязаны, однако данные категории не идентичны. Их сходство заключается в том, что единственным основанием их возникновения является противоправное поведение. Они непосредственно связаны с осуществлением принудительного воздействия, а следовательно, с неблагоприятными последствиями для правонарушителя; кроме того, освобождение от ответственности одновременно освобождает и от наказания, неприменение наказания не связано с освобождением от ответственности» [23, с. 15].

Также С.М. Скворцов пишет о различиях между административной ответственностью и административным наказанием, отмечая, в частности, что «они преследуют разные цели; кроме того, если ответственность (официальная отрицательная оценка деяния лица) наступает безусловно, то взыскание относительно, обусловлено определенными факторами (в частности, личностью виновного, характером совершенного правонарушения)».

Размышляя о соотношении обозначенных категорий, нужно отметить, что административное наказание — это следствие привлечения к административной ответственности, и без такого привлечения назначить наказание не представляется возможным. Привлечение к административной ответственности — это целый комплекс процессуальных действий, в содержании которых имеет место принудительный аспект. Этот аспект нужен для пресечения административного правонарушения, сбора доказательств по соответствующему делу и др. Административное наказание — элемент административной ответственности, который в конечном итоге выражает ее ограничительный потенциал. При этом цели административной ответственности и административного наказания могут носить как общий, так и частный (специальный) характер. Так, задачи законодательства об административных правонарушениях — защита личности, охрана прав и свобод человека и гражданина (ст. 1.2 КоАП РФ). Эти задачи (цели) призваны решать и административная ответственность, и административное наказание. При этом нормативно определена и специальная цель административного наказания: согласно КоАП РФ цель административного наказания — «предупреждение совершения новых правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами» (ст. 3.1). Специальной цели административной ответственности КоАП РФ не устанавливает, однако его анализ дает возможность сделать вывод, что целью данного вида

юридической ответственности является установление процессуальной формы для реализации административного наказания, а также учета при этом как частных, так и публичных интересов. Как отмечала Н.Г. Салищева, «при анализе института административной ответственности нужно использовать концепцию сочетания публичных интересов как совокупности интересов государства и гражданского общества и индивидуальных интересов личности и частных интересов отдельных организаций» [19, с. 83].

Имеет место позиция, в которой усматривается переплетение таких категорий, как «ответственность» и «наказание». Так, В.Д. Ардашкин писал, что «задачей ответственности является осуждение виновного субъекта и причинение ему ограничений, страданий пропорционально вредности конкретного правонарушения. Через это карательное воздействие реализуются и другие задачи юридической ответственности, а именно исправление и перевоспитание нарушителя, предупреждение правонарушений и их искоренение» [2, с. 11].

Надо отметить, что наказание вообще и административное наказание в частности не должно приносить физических страданий тому лицу, к которому оно применено. Конечно, привлеченное к ответственности лицо испытывает нравственные страдания, переживает за случившееся, каким-то образом корит себя, сожалеет о своем поведении. В этом смысле можно говорить о страданиях, но это достаточно субъективно. В целом нужно учитывать, что «административное наказание не может иметь своей целью унижение человеческого достоинства или причинение человеку физических страданий» (ст. 3.2 КоАП РФ).

Говоря о сущности административного наказания, нужно отметить, что его реализация учитывает частные интересы. Например, «при назначении административного наказания физическому лицу учитываются характер совершенного им административного правонарушения, личность виновного, его имущественное положение» (ст. 4.1 КоАП РФ); по ходатайству лица, привлеченного к административной ответственности, его дело может быть рассмотрено по месту его жительства (ст. 4.5 КоАП РФ). В частности, это необходимо лицу для лучшей правовой защиты своих прав в производстве по делу об административном правонарушении. Также КоАП РФ предусматривает отсрочку и рассрочку исполнения постановления о назначении административного наказания (ст. 31.5).

Все эти и ряд иных положений говорят о том, что в деле реализации административной ответственности и в дальнейшем учитываются

частные интересы лица, которое привлечено к данной ответственности.

Сущность административных наказаний, в которых сосредоточен основной потенциал административного принуждения, исследована довольно обстоятельно. Обратим внимание на ряд точек зрения, предварительно отметив, что предписания относительно наказаний закрепляются в санкции правовой нормы, в связи с чем проблема реализации наказаний исследуется через анализ правовых санкций. Вопросам раскрытия сущности санкций посвящены работы О.Э. Лейста [15], И.И. Веремеенко [8], Л.Л. Попова [20]. Некоторые вопросы административно-правовых санкций затрагиваются в исследовании О.С. Рогачевой [21].

Не погружаясь в глубокий анализ категории «санкция», приведем несколько определений. Так, И.И. Веремеенко писал, что «административно-правовые санкции осуществляют охрану правопорядка с помощью как кары, так и восстановления и принудительного исполнения правовой обязанности, обеспечивающей реальное исполнение. Соответственно, данные санкции могут носить карательный, восстановительный и пресекающий характер» [8, с. 35]. Нужно отметить, что автор, прежде всего, делает акцент на наказательном характере санкции, и это верно, поскольку санкция для этого и устанавливается. Однако нужно подчеркнуть, что административное наказание (санкция) выполняет также функцию исправления нарушителя, функцию предупреждения правонарушений, функцию защиты общества, государства и граждан от административных правонарушений.

А.П. Коренев отмечал, что «санкция правовой нормы есть установление последствий нарушения этой нормы. Она содержит указание на меры административного воздействия, применяемые к нарушителю правил, сформулированных в норме» [11, с. 30].

По мнению Б.Т. Базылева, «юридические санкции относятся к категории правоохранительных средств. Сами эти средства достаточно разнообразны, поскольку разнообразны нарушения, за которые они применяются» [4, с. 32].

М.С. Студеникина также раскрывала сущность административной ответственности через ее санкции: «Административная ответственность — это форма реагирования государства на правонарушение, выражающаяся в применении к нарушителю карательных административных санкций и состоящая в обязанности виновного лица претерпевать за свое поведение неблагоприятные последствия, предусмотренные санкцией правовой нормы» [25, с. 20].

В целом можно видеть похожие подходы к вопросу определения функциональности такой дефиниции, как «правовая санкция». В санкции содержится наказание за совершенное правонарушение, и вне санкции наказание существовать не может. Вопрос о санкциях — это, по сути, вопрос о наказаниях и ответственности. В этой связи рассмотрим, как понимается в доктрине такая категория, как «административное наказание», но перед этим отметим, что до 2002 года использовался термин «административное взыскание». Нам представляется, что данные категории тождественны применительно к сегодняшним реалиям, хотя по этому вопросу имеются разные суждения. Так, А.П. Коренев писал, что «под административными взысканиями понимается наказание, применяемое в установленном порядке уполномоченным субъектом к виновному лицу. И данное наказание может состоять в моральном или материальном воздействии на правонарушителя, либо во временном лишении его специального права» [12, с. 233].

Проблема административных наказаний (взысканий) исследовалась как в контексте раскрытия сущности административной ответственности и принуждения в целом, так и самостоятельно. В определенные периоды развития доктрины всё административное принуждение сводилось к административным наказаниям. Так, С.С. Студеникин, говоря об административном принуждении в его структуре, выделил административные наказания и меры социальной защиты. К мерам социальной защиты были отнесены такие меры, как принудительное лечение; реквизиция; принудительное освидетельствование; задержание личности и задержание имущества. Как было уже указано, в основном всё административное принуждение было сведено к административным наказаниям [26, с. 172]. В учебнике «Советское административное право» (1950 г.) указывалось, что «административное взыскание применяется, если действия нарушителя не носят уголовно-правового характера» [26]. Таким образом, авторы учебника дифференцировали ответственность и основания ее применения.

Говоря о такой категории, как «административное наказание», необходимо отметить, что, с одной стороны, на его сущность оказывает влияние в целом институт административного принуждения, а с другой стороны, именно административные наказания влияют на развитие административного принуждения. Обусловлено это тем, что практически все меры административного принуждения подчинены реализации института административной ответственности. Как верно отметил

П.И. Кононов, «именно меры административной ответственности применяются к лицу, виновному в совершении административного правонарушения, и в них выражается окончательная правовая оценка противоправного поведения лица со стороны государства» [10, с. 84].

Нужно подчеркнуть, что иные меры административного воздействия, в частности меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях применяются к лицу, вина которого в совершении административного правонарушения еще не доказана; эти меры применяются с целью пресечения правонарушения или сбора доказательств по соответствующему делу. Меры административно-процессуального воздействия применяются также при наличии оснований к лицу, подозреваемому в совершении административного правонарушения.

Исходя из этого посыла, рассмотрим, как понимается термин «административное наказание» и каковы его функции по российскому праву. Так, А.П. Шергин в свое время отметил, что «административное взыскание — это карательная санкция, являющаяся реакцией государства на нарушение установленного правопорядка» [27, с. 18].

Д.Н. Бахрах писал, что «административные взыскания являются карательными штрафными санкциями; как правило, они состоят в лишении или ограничении права, благ. За совершенный проступок правонарушитель лишается субъективного права либо на него возлагаются специальные штрафные обязанности» [5, с. 39].

Надо отметить, что согласно КоАП РФ в связи с применением административного наказания на соответствующие лицо могут быть возложены не только штрафные обязанности, но и обязанности иного характера, в частности организационного.

А.Б. Агапов констатирует, что «административное наказание представляет собой юридически формализованный метод применения административной ответственности и заключается в установлении правовых ограничений, обусловленных виновным совершением проступка. Посредством административного наказания устанавливаются обременения имущественных и личных неимущественных прав нарушителя соразмерно общественной опасности деяния» [1, с. 227].

В целом это достаточно содержательный подход, однако нужно отметить, что административное наказание является категорией «вторичной», подчиненной административной ответственности; как уже указывалось, изначально ставится вопрос об административной

ответственности, а затем уже идет речь о применении административного наказания.

А.И. Ахмедов пишет, что «административное взыскание — эта мера административного принуждения, применением которой реализуется ответственность, состоящая в психическом или физическом воздействии на лицо, совершившее административное правонарушение, в целях воспитания правонарушителя в духе соблюдения законов, уважения к правилам общежития, а также предупреждения совершения новых правонарушений» [3, с. 11].

В данном определении указывается на функцию (цель) применения административного взыскания (наказания). Следует признать, что цель или функция административного наказания — это не только предупреждение правонарушений, но и в какой-то мере исправление и воспитание правонарушителя. Как верно отметил Р.А. Брунер, «административное наказание, выражая отрицательную оценку государством совершенного правонарушения, является принудительной мерой, одновременно содержащей и воспитательную цель» [7, с. 19].

О целях назначения административного наказания в доктрине есть некоторые суждения. Так, А.К. Мустафин писал о таких целях административного наказания, как воспитание, а также предупреждение совершения административных правонарушений [28].

И.В. Максимов рассматривает административное наказание как исключительный вид административного принуждения, характеризующийся высокой степенью карательного воздействия на правонарушителя, и в нем имеется заключительный этап административного преследования [16, с. 10].

С учетом достаточно обширной практики привлечения к административной ответственности, а также применения административного наказания говорить об исключительности данной меры правового воздействия не приходится. Также следует отметить, что применением административного наказания административное преследование не заканчивается; сам факт вынесения постановления об административном наказании еще не говорит, что данное наказание начинает действовать, и соответствующий правонарушитель его прочувствовал и попал под действие ограничений назначенного наказания. Принуждение необходимо и при исполнении примененного административного наказания, поскольку далеко не все постановления о применении меры административной ответственности исполняются обязанным лицом добровольно. Только исполненное административное наказание может достичь как юридических, так и социальных

целей. В этой связи М.Я. Саввин верно в свое время отметил, что «предупреждение административных правонарушений обеспечивается угрозой применения административных наказаний, а также их реальным исполнением» [22, с. 26].

Административное наказание является мерой административного принуждения, которое точно определено законом (ст. 3.2 КоАП РФ). В данной мере принуждения сконцентрирован основной потенциал административного принуждения, который реализуется в процессуальной форме. Применению административных наказаний предшествует принудительный процесс, связанный с привлечением лица к административной ответственности; кроме того, в некоторых случаях осуществляется применение мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях. Уже было сказано о том, что административное наказание ограничивает различные права того лица, к которому оно применено, — в этом заключается сущность данного наказания вообще и административного наказания в частности.

Исходя из изложенного, следует заключить, что административное наказание — это мера административного принуждения, которая реализуется через процессуальную форму административной ответственности в отношении лица, вина которого в совершении административного правонарушения доказана, с целью легитимного ограничения его прав, защиты публичных и частных интересов, предупреждения правонарушений, а также исправления поведения соответствующего правонарушителя.

Список литературы

1. Агапов, А.Б. Административная ответственность : учебник / А.Б. Агапов. М. : Юрайт, 2013. 435 с.
2. Ардашкин, В.Д. К теории правоохранительного механизма / В.Д. Ардашкин // Правоведение. 1988. № 1. С. 11—16.
3. Ахмедов, А.И. Административные взыскания, применяемые органами внутренних дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.И. Хамедов. М., 1984.
4. Базылев, Б.Т. Сущность санкций в советском праве / Б.Т. Базылев // Правоведение. 1976. № 5. С. 32—38.
5. Бахрах, Д.Н. Административная ответственность : учебное пособие / Д.Н. Бахрах. М., 1999. 110 с.
6. Бельский К.С. Административная ответственность: генезис, основные признаки, структура / К.С. Бельский // Государство и право. 1999. № 12. С. 12—20.
7. Брунер, Р.А. Административное приостановление деятельности: вопросы теории и практики : монография / Р.А. Брунер. М., 2012. 119 с.
8. Веремеенко, И.И. Административно-правовые санкции / И.И. Веремеенко. М., 1975. 192 с.
9. Галаган, И.А. Административная ответственность в СССР / И.А. Галаган. Воронеж, 1970. 250 с.
10. Кононов, П.И. Административное право России / П.И. Кононов. М., 2012. 207.
11. Корнев, А.П. Нормы административного права и их применение / А.П. Корнев. М., 1978. 142 с.
12. Корнев, А.П. Административное право России : учебник : В 3 ч. Ч. I. / А.П. Корнев. М. : Щит-М, 2000. 306 с.
13. Лазарев, Б.М. Административная ответственность / Б.М. Лазарев. М., 1985. 77 с.
14. Лейст, О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву / О.Э. Лейст. М., 1981. 240 с.
15. Лейст, О.Э. Основные виды юридической ответственности за правонарушение / О.Э. Лейст // Правоведение. 1977. № 3.
16. Максимов, И.В. Административные наказания в системе мер принуждения (концептуальные проблемы) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / И.В. Максимов. Саратов, 2004.
17. Мурашев, А.В. Освобождение от административной ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.В. Мурашев. М., 1982.
18. Мустафин, А.К. Цели административных взысканий и их реализация в деятельности органов внутренних дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.К. Мустафин. М., 1990.
19. Публичный интерес в административном праве : монография / под ред. [В.В. Ахрименко, С.В. Запольский, Н.Г. Салищева и др.] ; под ред. В.В. Альхименко. М. : ИГиП РАН, 2015. 304 с.
20. Попов, Л.Л. Проблемы эффективности административно-правовых санкций : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Л.Л. Попов. М., 1977. 31 с.
21. Рогачева, О.С. Эффективность норм административно-деликтного права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / О.С. Рогачева. Воронеж, 2012. 49 с.
22. Саввин, М.Я. Цели административных взысканий и средства их достижения / М.Я. Саввин // Проблемы теории и практики административной ответственности. М., 1983.
23. Скворцов, С.М. Принципы наложения административных взысканий и их реализация в деятельности органов внутренних дел / С.М. Скворцов. М., 1984. 68 с.
24. Стариков, Ю.Н. Административное принуждение и административная ответственность : сб. норм. актов / сост. Ю.Н. Стариков. М. : Бек, 1998. 814 с.
25. Студеникина, М.С. Соотношение административного принуждения и административной ответственности / М.С. Студеникина // Советское государство и право. 1968. № 10. С. 20—24.
26. Советское административное право : учебник / С.С. Студеникин, В.А. Власов, И.И. Евтихийев. М., 1950. 438 с.
27. Шергин, А.П. Административные взыскания и их применение органами внутренних дел. М., 1974. 96 с.

References

1. Agapov, A.B. Administrative responsibility: textbook / A.B. Agapov. M.: Yurayt, 2013. 435 p.
2. Ardashkin, V.D. On the theory of law enforcement mechanism / V.D. Ardashkin // Jurisprudence. 1988. No. 1, pp. 11-16.
3. Akhmedov, A.I. Administrative penalties applied by internal affairs bodies: author's abstract. dis. ... cand. legal Sciences / A.I. Khamedov. M., 1984.
4. Bazylev, B.T. The essence of sanctions in Soviet law / B.T. Bazylev // Jurisprudence. 1976. No. 5, pp. 32-38.
5. Bakhrakh, D.N. Administrative responsibility: textbook / D.N. Bachrakh. M., 1999. 110 p.
6. Belsky K.S. Administrative responsibility: genesis, main features, structure / K.S. Belsky // State and law. 1999. No. 12, pp. 12-20.
7. Bruner, R.A. Administrative suspension of activities: questions of theory and practice: monograph / R.A. Bruner. M., 2012. 119 p.
8. Veremeenko, I.I. Administrative and legal sanctions / I.I. Veremeenko. M., 1975. 192 p.
9. Galagan, I.A. Administrative responsibility in the USSR / I.A. Galagan. Voronezh, 1970. 250 p.
10. Kononov, P.I. Administrative law of Russia / P.I. Kononov. M., 2012. 207 p.
11. Korenev, A.P. Norms of administrative law and their application / A.P. Korenev. M., 1978. 142 p.
12. Korenev, A.P. Administrative law of Russia: textbook: In 3 parts. Part I. / A.P. Korenev. M.: Shchit-M, 2000. 306 p.
13. Lazarev, B.M. Administrative responsibility / B.M. Lazarev. M., 1985. 77 p.
14. Leist, O.E. Sanctions and responsibility under Soviet law / O.E. Leist. M., 1981. 240 p.
15. Leist, O.E. Main types of legal liability for an offense / O.E. Leist // Jurisprudence. 1977. No. 3.
16. Maksimov, I.V. Administrative punishments in the system of coercive measures (conceptual problems): abstract. dis. ... dr. legal sciences / I.V. Maksimov. Saratov, 2004.
17. Murashev, A.V. Exemption from administrative liability: author's abstract. dis. ... cand. legal sciences / A.V. Murashev. M., 1982. .
18. Mustafin, A.K. The goals of administrative penalties and their implementation in the activities of internal affairs bodies: author's abstract. dis. ... cand. legal sciences / A.K. Mustafin. M., 1990.
19. Public interest in administrative law: monograph / ed. [V.V. Akhrimenko, S.V. Zapolsky, N.G. Salishcheva and others] ; edited by V.V. Alkhrimenko. M.: IGiP RAS, 2015. – 304 p.
20. Popov, L.L. Problems of the effectiveness of administrative and legal sanctions: author's abstract. dis. ... dr. legal sciences / L.L. Popov. M., 1977. 31 p.
21. Rogacheva, O.S. Efficiency of norms of administrative tort law: author's abstract. dis. ... dr. legal sciences / O.S. Rogacheva. Voronezh, 2012. 49 p.
22. Savvin, M.Ya. Goals of administrative penalties and means of achieving them / M.Ya. Savvin // Problems of the theory and practice of administrative responsibility. M., 1983. P. 26.
23. Skvortsov, S.M. Principles of imposing administrative penalties and their implementation in the activities of internal affairs bodies / S.M. Skvortsov. M., 1984. 68 p.
24. Starilov, Yu.N. Administrative coercion and administrative responsibility: collection. normal acts / comp. Yu.N. Starilov. M.: Bek, 1998. 814 p.
25. Studenikina, M.S. Correlation of administrative coercion and administrative responsibility / M.S. Studenikina // Soviet state and law. 1968. No. 10, pp. 20-24.
26. Soviet administrative law: textbook / S.S. Studenikin, V.A. Vlasov, I.I. Evtikhiev. M., 1950. 438 p.
27. Shergin, A.P. Administrative penalties and their application by internal affairs bodies. M., 1974. 96 p.

**Issues of Administrative Responsibility and Administrative Penalties
under Russian Law**

Kurakin A.V.,

Doct. in Law, Prof.,
Prof. of Dept. of International and Public Law
at Financial University under the Government
of Russian Federation
Russia, Moscow
kurakinaleksey@gmail.com

Kharitonov A.N.,

Doct. in Law, Prof. of Dept.
of Transport Safety of the All-Russian Institute
Advanced Training of Employees
of Ministry of Internal Affairs of Russia
Russia Moscow
Hariton@mail.ru

Elbaeva N.A.,

Cand. in Law, Assoc. Prof.
of Dept. of International and Public Law
at Financial University under the Government,
Member of the Association of Antimonopoly Experts
of Russian Federation
Russia, Moscow
nelbaeva@gmail.ru

The article examines the content and relationship between the categories “administrative punishment” and “administrative responsibility”: this issue is important from the point of view of the use of administrative coercion in general. The importance of the category “administrative punishment” is determined by its functionality in combating the commission of administrative offenses. Disclosure of the essence of administrative punishment makes it possible to balance private and public interests in the application of various measures of administrative responsibility, as well as to avoid violations of the requirements of the law and the rights of citizens.

Keywords: *coercion, administrative responsibility, administrative punishment, penalty, warning, process, form, guilt, execution, punishment.*

DOI 10.25799/NI.2023.50.87.011
УДК 342.9

Перспективы гармонизации национального административно-деликтного законодательства стран — членов ЕАЭС в условиях экономической интеграции

В.А. Юнева,

адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
Россия, Москва
Afinogeeva2011@yandex.ru

Административно-деликтное законодательство стран — членов ЕАЭС предусматривает привлечение к административной ответственности за совершение деяний в сфере таможенных правоотношений, в сфере технического регулирования, предпринимательской деятельности, иных административных правонарушений экономической направленности, нарушения санитарных, ветеринарно-санитарных и карантинных фитосанитарных мер, и т. п. В странах — членах ЕАЭС помимо тождественности существует дифференциация в определении субъекта правонарушения, в подходах к установлению мер ответственности за однородные составы административных правонарушений. Каждая страна — участница Союза при включении определенного состава в административно-деликтное законодательство учитывает национальные особенности, приоритеты, современные условия. Считаем, что гармонизация национального административно-деликтного законодательства стран — членов ЕАЭС в рассматриваемых сферах посредством внесения изменений и дополнений в Кодексы об административных правонарушениях (Кодекс о правонарушениях) вполне возможна в части установления единообразных положений административно-деликтных норм.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, экономическая интеграция, административно-деликтное законодательство, гармонизация, унификация, административно-деликтные нормы, таможенное регулирование, техническое регулирование.

В современных условиях активно развиваются цифровизация и информационные технологии, следовательно, и информационное взаимодействие между странами — членами ЕАЭС должно пересматриваться в соответствии с появлением новых способов связи и передачи информации.

В первом квартале 2023 года председатель коллегии Евразийской экономической комиссии М.В. Мясникович отметил, что до конца 2023 года Евразийская экономическая комиссия обеспечит техническую поддержку в осуществлении информационного обмена между странами — членами Союза для более эффективного и современного взаимодействия на информационных платформах¹.

Считаем, что развитие информационного взаимодействия между государствами — членами ЕАЭС является одной из предпосылок гармонизации правоотношений, поскольку в современных реалиях экономически развитых стран применение цифровых подходов позволяет осуществлять производство конкурентоспособной продукции и обеспечивать в режиме реального времени взаимодействие субъектов правоотношений в сфере технического регулирования, применения норм административно-деликтного законодательства государств.

Как справедливо отмечает А.В. Калмыкова, при импорте продукции производитель

вынужден соблюдать требования, предъявляемые к продукции не только национальным законодательством, но и законодательством страны-импортера, проходить различные проверки, что приводит к финансовым и временным затратам производителя, тем самым устанавливая технические барьеры в торговле [2, с. 163]. Чтобы снизить число препятствий к свободной продаже товаров в условиях евразийского сотрудничества, необходимы последовательная гармонизация и унификация требований в сфере технического регулирования. Данный процесс обусловлен тем, что в рамках ЕАЭС преобладает единство технических требований, процедур, применяются универсальные международные стандарты, приняты межгосударственные соглашения, направленные на унификацию административно-правовых институтов в сфере технического регулирования.

Международные нормативные акты ЕАЭС, которые регламентируют требования к продукции, непосредственно затрагивают деятельность субъектов технического регулирования, в частности государственных органов стран — членов ЕАЭС. Международные договоры ЕАЭС, ратифицированные в установленном порядке, имеют обязательный характер, прямое влияние на регулируемые отношения, возникающие в странах — членах Союза.

¹ Евразийская экономическая комиссия : [сайт] — URL: <https://eec.eaeunion.org> (дата обращения: 02.10.2023).

Развитие общего евразийского экономического пространства, обеспечение единства правового регулирования в странах — членах ЕАЭС обеспечивается гармонизацией законодательства, юридической ответственности за нарушение требований законодательства, формированием наднационального массива правовых актов, регулирующих указанные отношения, а равно соответствие национального законодательства принятым и принимаемым на уровне ЕАЭС международным правовым актам.

В целях построения интегрированного единого экономического пространства особое значение имеет согласование национальных законодательств государств — членов ЕАЭС. Обеспечение защиты прав и законных интересов граждан, организаций, государств от фальсифицированной или представляющей угрозу безопасности потребителя продукции, введенной в обращение на территории государства — члена ЕАЭС, предполагает необходимость гармонизации административной ответственности в целях пресечения противоправных действий субъекта предпринимательства. Особенно требует гармонизации порядок взаимодействия уполномоченных органов стран-членов при рассмотрении дел, связанных с нарушением административно-деликтного законодательства в области предпринимательства, совершением административных правонарушений экономической направленности, а также порядок индексации штрафных санкций. В противном случае в едином экономическом пространстве может свободно перемещаться небезопасная продукция, а субъекты, нарушающие требования законодательства о техническом регулировании, вследствие разного подхода к назначению наказания и разных санкций за правонарушения в рассматриваемой сфере могут избежать наказания, а значит, принцип неотвратимости наказания потеряет свою актуальность.

Следует согласиться с мнением К.А. Бекяшева и Е.Г. Моисеева, что ключевой задачей стран — членов международных организаций экономической интеграции и их государственных органов является имплементация международных норм в национальное законодательство в целях создания и развития единого правового пространства в различных сферах, в частности технической, экономической, таможенной и иных [1, с. 33].

Подчеркнем, что установление единых подходов к внесению дополнений в администра-

тивно-деликтное законодательство в условиях экономической интеграции, в частности к мерам административной ответственности, применяемым к правонарушителю, способствует качественной корректировке национальных нормативных актов, подведению правовой регламентации к унификации и гармонизации, устраняя концептуальные различия в правовой регламентации составов административных правонарушений.

Интересной представляется точка зрения А.В. Калмыковой, которая утверждает, что дифференциация оснований привлечения к административной ответственности, в частности размеров штрафов, вполне может нанести урон экономическому развитию стран — членов ЕАЭС, поскольку многие предприниматели открывают предприятия там, где установлена более лояльная санкция за совершение административного правонарушения, значит, правонарушитель может избежать наступления юридической ответственности на территории иных стран — участниц ЕАЭС [2, с. 207].

Все изложенное свидетельствует о необходимости гармонизации национального административно-деликтного законодательства стран — членов ЕАЭС в условиях развития единого экономического пространства, чтобы избежать противоречия при применении мер административной ответственности за совершение административных правонарушений в сфере технического регулирования, таможенных правил, иных административных правонарушений экономической направленности.

Список литературы

1. Бекяшев, К.А. Право Евразийского экономического союза: учебное пособие / К.А. Бекяшев, Е.Г. Моисеев; отв. ред. Е.Г. Моисеев. М.: Проспект, 2018. 160 с.
2. Калмыкова, А.В. Техническое регулирование в современных условиях: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 / А.В. Калмыкова. М., 2019. 317 с.

References

1. Bekyashev, K.A. The law of the Eurasian Economic Union: textbook / K.A. Bekyashev, E.G. Moiseev; ed. Moiseev E.G. M.: Prospect, 2018. 160 p.
2. Kalmykova, A.V. Technical regulation in modern conditions: dissertation... Candidate of Legal Sciences: 12.00.14 / A.V. Kalmykova. M., 2019. 317 p.

Prospects of Harmonization of the National Administrative and Tort Legislation of the Eaeu Member States in the Context of Economic Integration

Yuneva V.A.,

Adjunct of the Faculty of Training of Scientific,
Pedagogical and Scientific Personnel at Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
named after V.Ya. Kikot
Russia, Moscow
Afinogeeva2011@yandex.ru

The administrative and tort legislation of the EAEU member countries provides for bringing to administrative liability for acts committed in the field of customs legal relations, in the field of technical regulation, entrepreneurial activity, other administrative offenses of an economic nature, violations of sanitary, veterinary and sanitary and quarantine phytosanitary measures, etc. In the EAEU member countries, in addition to identity, there is differentiation in the definition of the subject of the offense, in approaches to establishing measures of responsibility for homogeneous administrative offenses. When including a certain composition in administrative and tort legislation, each member country of the Union takes into account national characteristics, priorities, and modern conditions. We believe that the harmonization of the national administrative and tort legislation of the EAEU member countries in the areas under consideration by introducing amendments and additions to the Codes of Administrative Offenses (Code of Offenses) is quite possible in terms of establishing uniform provisions of administrative and tort norms.

Keywords: Eurasian Economic Union, economic integration, administrative and tort legislation, harmonization, unification, administrative and tort norms, customs regulation, technical regulation.

Восстановление нарушенных смежных прав

Д.Н. Кархалёв,

профессор кафедры гражданского права
Юридического института
Сибирского федерального университета,
доктор юридических наук, профессор
Россия, Красноярск
dnk001rb@yandex.ru

Н.Ф. Качур,

зав. кафедрой гражданского права
Юридического института
Сибирского федерального университета,
кандидат юридических наук, доцент
Россия, Красноярск
kachurnf@mail.ru

В статье освещаются актуальные проблемы защиты гражданских прав и ответственности при реализации охранительной функции гражданского права в отношениях по поводу авторских смежных прав. Авторы подробно рассматривают особенности реализации смежных прав их субъектами: исполнителями, изготовителями фонограмм, организациями эфирного или кабельного вещания, изготовителями баз данных и публикаторами произведений.

Ключевые слова: защита гражданских прав, ответственность в гражданском праве, охранительные правоотношения, смежные права.

Интеллектуальные права на результаты исполнительской деятельности (исполнения) на фонограммы, на сообщение в эфир или по кабелю радио- и телепередач (вещание организаций эфирного и кабельного вещания), на содержание баз данных, а также на произведения науки, литературы и искусства, впервые обнародованные после их перехода в общественное достояние, являются смежными с авторскими правами (далее — смежные права).

К смежным правам относятся исключительное право, а в некоторых случаях также личные неимущественные права. Смежные права осуществляются с соблюдением авторских прав на произведения науки, литературы и искусства, использованные при создании объектов смежных прав. Смежные права признаются и действуют независимо от наличия и действия авторских прав на такие произведения.

Важное значение в рассматриваемой области имеет принцип дуализма смежных прав: интеллектуальные права на товары, признаваемые объектами смежных прав, принадлежат одним лицам, а сами товары могут принадлежать иным лицам [1; 2; 3; 4; 5, с. 176; 6].

К объектам смежных прав относятся:

1) результаты исполнительской деятельности (исполнения): исполнения артистов — исполнителей и дирижеров, если эти исполнения выражаются в форме, допускающей их воспроизведение и распространение с помо-

щью технических средств; постановки режиссеров — постановщиков спектаклей, если эти постановки выражаются в форме, позволяющей осуществить их повторное публичное исполнение при сохранении узнаваемости конкретной постановки зрителями, а также в форме, допускающей воспроизведение и распространение с помощью технических средств;

2) фонограммы, т. е. любые исключительно звуковые записи исполнений или иных звуков либо их отображений, за исключением звуковой записи, включенной в аудиовизуальное произведение;

3) сообщения передач организаций эфирного или кабельного вещания, в том числе передач, созданных самой организацией эфирного или кабельного вещания либо по ее заказу за счет ее средств другой организацией;

4) базы данных в части их охраны от несанкционированного извлечения и повторного использования составляющих их содержание материалов;

5) произведения науки, литературы и искусства, обнародованные после их перехода в общественное достояние, в части охраны прав публикаторов таких произведений. Для возникновения, осуществления и защиты смежных прав не требуется регистрация их объекта или соблюдение каких-либо иных формальностей.

В области смежных прав может использоваться договор об отчуждении исключительно-

го права на объект смежных прав. По этому договору одна сторона — исполнитель, изготовитель фонограммы, организация эфирного или кабельного вещания, изготовитель базы данных, публикатор произведения науки, литературы или искусства либо иной правообладатель — передает или обязуется передать свое исключительное право на соответствующий объект смежных прав в полном объеме другой стороне — приобретателю исключительного права.

Кроме того, можно заключить лицензионный договор, по которому одна сторона — исполнитель, изготовитель фонограммы, организация эфирного или кабельного вещания, изготовитель базы данных, публикатор произведения науки, литературы или искусства либо иной правообладатель (лицензиар) — предоставляет или обязуется предоставить другой стороне (лицензиату) право использования соответствующего объекта смежных прав в установленных договором пределах.

В случаях нарушения исключительного права на объект смежных прав обладатель исключительного права наряду с использованием других применимых способов защиты и мер ответственности, установленных в ст. 12 Гражданского кодекса РФ, вправе в соответствии со ст. 1252 ГК РФ требовать по своему выбору от нарушителя вместо возмещения убытков выплаты компенсации: 1) в размере от десяти тысяч рублей до пяти миллионов рублей, определяемом по усмотрению суда, исходя из характера нарушения; 2) в двукратном размере стоимости контрафактных экземпляров фонограммы; 3) в двукратном размере стоимости права использования объекта смежных прав, определяемом, исходя из цены, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за правомерное использование такого объекта тем способом, который использовал нарушитель.

К субъектам смежных прав относится исполнитель — гражданин, творческим трудом которого создано исполнение, например, артист-исполнитель: актер, певец, музыкант, танцор или другое лицо, которое играет роль, читает, декламирует, поет, играет на музыкальном инструменте или иным образом участвует в исполнении произведения литературы, искусства или народного творчества, в том числе эстрадного, циркового или кукольного номера. Исполнителями являются также дирижер, режиссер-постановщик спектакля (лицо, осуществившее постановку театрального, циркового, кукольного, эстрадного или иного театрально зрелищного представления).

Смежные права на совместное исполнение принадлежат совместно принимавшим участие

в его создании членам коллектива исполнителей (актерам, занятым в спектакле, оркестрантам и другим членам коллектива исполнителей) независимо от того, образует такое исполнение неразрывное целое или состоит из элементов, каждый из которых имеет самостоятельное значение.

Исполнителю принадлежат: 1) исключительное право на исполнение; 2) право авторства, т. е. право признаваться автором исполнения; 3) право на имя, т. е. право на указание своего имени или псевдонима на экземплярах фонограммы и в иных случаях использования исполнения; 4) право на неприкосновенность исполнения, в том числе постановки: право на защиту исполнения от всякого искажения, т. е. от внесения изменений, приводящих к извращению смысла или к нарушению целостности восприятия исполнения, в его запись, в сообщении в эфир или по кабелю, при доведении исполнения до всеобщего сведения, а также при публичном исполнении постановки спектакля. Исполнители осуществляют свои права с соблюдением прав авторов исполняемых произведений.

Права исполнителя признаются и действуют независимо от наличия и действия авторских прав на исполняемое произведение. Авторство, имя исполнителя и неприкосновенность исполнения охраняются бессрочно.

Исполнителю принадлежит исключительное право использовать исполнение. Исполнитель может распоряжаться исключительным правом на исполнение. Использованием исполнения считаются: 1) сообщение в эфир, т. е. сообщение исполнения для всеобщего сведения посредством его передачи по радио или телевидению (в том числе путем ретрансляции), за исключением сообщения по кабелю; 2) сообщение по кабелю, т. е. сообщение исполнения для всеобщего сведения посредством его передачи по радио или телевидению с помощью кабеля, провода, оптического волокна или аналогичных средств (в том числе путем ретрансляции); 3) доведение исполнения до всеобщего сведения таким образом, что любое лицо может получить к нему доступ из любого места и в любое время по собственному выбору (доведение до всеобщего сведения); 4) запись исполнения, т. е. фиксация звуков и (или) изображения или их отображений с помощью технических средств в какой-либо материальной форме, позволяющей осуществлять их неоднократное восприятие, воспроизведение или сообщение; 5) воспроизведение записи исполнения, т. е. изготовление одного и более экземпляра записи исполнения или ее части в любой материальной форме. При этом запись исполнения на электронном носителе, в том

числе запись в память ЭВМ, также считается воспроизведением; 6) распространение записи исполнения путем продажи либо иного отчуждения ее оригинала или экземпляров, представляющих собой копии такой записи на любом материальном носителе; 7) публичное исполнение записи исполнения, т. е. любое сообщение записи с помощью технических средств в месте, открытом для свободного посещения, или в месте, где присутствует значительное число лиц, не принадлежащих к обычному кругу семьи, независимо от того, воспринимается запись в месте ее сообщения или в другом месте одновременно с ее сообщением; 8) прокат оригинала или экземпляров записи исполнения и 9) публичное исполнение постановки спектакля, т. е. представление постановки в живом исполнении или с помощью технических средств, в месте, открытом для свободного посещения, или в месте, где присутствует значительное число лиц, не принадлежащих к обычному кругу семьи, независимо от того, воспринимается исполнение постановки спектакля в месте ее представления или в другом месте одновременно с представлением постановки.

На принадлежащее исполнителю исключительное право на исполнение обращение взыскания не допускается, за исключением случая обращения взыскания по договору залога, который заключен исполнителем и предметом которого является указанное в договоре и принадлежащее исполнителю исключительное право на конкретное исполнение. На права требования исполнителя к другим лицам по договорам об отчуждении исключительного права на исполнение и по лицензионным договорам, а также на доходы, полученные от использования исполнения, может быть обращено взыскание.

В случае продажи принадлежащего лицензиату права использования исполнения с публичных торгов в целях обращения взыскания на это право исполнителю предоставляется преимущественное право его приобретения.

Изготовителем фонограммы признается лицо, взявшее на себя инициативу и ответственность за первую запись звуков исполнения или других звуков либо отображений этих звуков. При отсутствии доказательств иного изготовителем фонограммы признается лицо, имя или наименование которого указано обычным образом на экземпляре фонограммы и (или) его упаковке.

Изготовителю фонограммы принадлежат: 1) исключительное право на фонограмму; 2) право на указание на экземплярах фонограммы и (или) их упаковке своего имени или наименования; 3) право на защиту фонограм-

мы от искажения при ее использовании; 4) право на обнародование фонограммы, т. е. на осуществление действия, которое впервые делает фонограмму доступной для всеобщего сведения путем ее опубликования, публичного показа, публичного исполнения, сообщения в эфир или по кабелю, либо иным способом. При этом опубликованием (выпуском в свет) является выпуск в обращение экземпляров фонограммы с согласия изготовителя в количестве, достаточном для удовлетворения разумных потребностей публики.

Изготовителю фонограммы принадлежит исключительное право использовать фонограмму любым не противоречащим закону способом (исключительное право на фонограмму). В частности, использованием фонограммы считаются: 1) публичное исполнение, т. е. любое сообщение фонограммы с помощью технических средств в месте, открытом для свободного посещения, или в месте, где присутствует значительное число лиц, не принадлежащих к обычному кругу семьи, независимо от того, воспринимается фонограмма в месте ее сообщения или в другом месте одновременно с ее сообщением; 2) сообщение в эфир, т. е. сообщение фонограммы для всеобщего сведения посредством ее передачи по радио или телевидению (в том числе путем ретрансляции), за исключением сообщения по кабелю; 3) сообщение по кабелю, т. е. сообщение фонограммы для всеобщего сведения посредством ее передачи по радио или телевидению с помощью кабеля, провода, оптического волокна или аналогичных средств (в том числе путем ретрансляции); 4) доведение фонограммы до всеобщего сведения таким образом, что любое лицо может получить доступ к фонограмме из любого места и в любое время по собственному выбору (доведение до всеобщего сведения); 5) воспроизведение, т. е. изготовление одного и более экземпляра фонограммы или ее части в любой материальной форме. При этом запись фонограммы или части фонограммы на электронном носителе, в том числе запись в память ЭВМ, также считается воспроизведением. Не считается воспроизведением краткосрочная запись фонограммы; 6) распространение фонограммы путем продажи или иного отчуждения оригинала или экземпляров, представляющих собой копию фонограммы на любом материальном носителе; 7) импорт оригинала или экземпляров фонограммы в целях распространения, включая экземпляры, изготовленные с разрешения правообладателя; 8) прокат оригинала и экземпляров фонограммы; 9) переработка фонограммы.

Лицо, правомерно осуществившее переработку фонограммы, приобретает смежное

право на переработанную фонограмму. Публичное исполнение фонограммы, опубликованной в коммерческих целях, а также ее сообщение в эфир или по кабелю допускаются без разрешения обладателя исключительного права на фонограмму и обладателя исключительного права на зафиксированное в этой фонограмме исполнение, но с выплатой им вознаграждения.

Организацией эфирного или кабельного вещания признается юридическое лицо, самостоятельно определяющее содержание радио- и телепередач (совокупности звуков и (или) изображений или их отображений) и осуществляющее их сообщение в эфир или по кабелю своими силами или с помощью третьих лиц.

Организации эфирного или кабельного вещания принадлежит исключительное право использовать правомерно осуществляемое или осуществленное ею сообщение в эфир или по кабелю передач любым не противоречащим закону способом (исключительное право на сообщение радио- или телепередачи). Организация эфирного или кабельного вещания может распоряжаться исключительным правом на сообщение радио- или телепередачи.

Использованием сообщения радио- или телепередачи (вещания) считаются: 1) запись сообщения радио- или телепередачи, т. е. фиксация звуков и (или) изображения или их отображений с помощью технических средств в какой-либо материальной форме, позволяющей осуществлять ее неоднократное воспроизведение, воспроизведение или сообщение; 2) воспроизведение записи сообщения радио- или телепередачи, т. е. изготовление одного и более экземпляра записи сообщения радио- или телепередачи либо ее части в любой материальной форме. При этом запись сообщения радио- или телепередачи на электронном носителе, в том числе запись в память ЭВМ, также считается воспроизведением. Не считается воспроизведением краткосрочная запись; 3) распространение сообщения радио- или телепередачи путем продажи либо иного отчуждения оригинала или экземпляров записи сообщения радио- или телепередачи; 4) ретрансляция, т. е. прием и одновременное сообщение в эфир (в том числе через спутник) или по кабелю полной и неизменной радио- или телепередачи либо ее существенной части, сообщаемой в эфир или по кабелю организацией эфирного или кабельного вещания; 5) доведение сообщения радио- или телепередачи до всеобщего сведения таким образом, что любое лицо может получить доступ к сообщению радио- или телепередачи из любого места и в любое время по собственному выбору (доведение до всеобщего сведения); 6) публичное исполнение, т. е. любое сообще-

ние радио- или телепередачи с помощью технических средств в местах с платным входом независимо от того, воспринимается оно в месте сообщения или в другом месте одновременно с сообщением; 7) прокат оригинала и экземпляров записи сообщения радио- или телепередачи.

Изготовителем базы данных признается лицо, организовавшее создание базы данных и работу по сбору, обработке и расположению составляющих ее материалов. При отсутствии доказательств иного изготовителем базы данных признается гражданин или юридическое лицо, имя или наименование которых указано обычным образом на экземпляре базы данных и (или) его упаковке.

Изготовителю базы данных принадлежат: исключительное право изготовителя базы данных; право на указание на экземплярах базы данных и (или) их упаковках своего имени или наименования; право на обнаружение базы данных, т. е. на осуществление действия, которое впервые делает базу данных доступной для всеобщего сведения путем ее опубликования, доведения до всеобщего сведения, сообщения в эфир или по кабелю либо иным способом. При этом опубликованием (выпуском в свет) является выпуск в обращение экземпляров базы данных с согласия изготовителя в количестве, достаточном для удовлетворения разумных потребностей публики. Право на указание на экземплярах базы данных и (или) их упаковке своего имени или наименования действует и охраняется в течение срока действия исключительного права изготовителя базы данных.

Изготовителю базы данных, создание которой (включая обработку или представление соответствующих материалов) требует существенных финансовых, материальных, организационных или иных затрат, принадлежит исключительное право извлекать из базы данных материалы и осуществлять их последующее использование в любой форме и любым способом (исключительное право изготовителя базы данных). Изготовитель базы данных может распоряжаться указанным исключительным правом.

Никто не вправе извлекать из базы данных материалы и осуществлять их последующее использование без разрешения правообладателя. При этом под извлечением материалов понимается перенос всего содержания базы данных или существенной части составляющих ее материалов на другой информационный носитель с использованием любых технических средств и в любой форме.

Исключительное право изготовителя базы данных признается и действует независимо от наличия и действия авторских и иных исклю-

чительных прав изготовителя базы данных и других лиц на составляющие базу данных материалы, а также на базу данных в целом как составное произведение.

В течение срока действия исключительного права на базу данных правообладатель по своему желанию может зарегистрировать базу данных в федеральном органе исполнительной власти по интеллектуальной собственности.

Лицо, правомерно пользующееся обнародованной базой данных, вправе без разрешения обладателя исключительного права — изготовителя базы данных и в той мере, в которой такие действия не нарушают авторские права изготовителя базы данных и других лиц, извлекать из базы данных материалы и осуществлять их последующее использование в целях, для которых база данных ему предоставлена, в любом объеме, если иное не предусмотрено договором; в личных, научных, образовательных целях в объеме, оправданном указанными целями; в иных целях в объеме, составляющем несущественную часть базы данных. Использование материалов, извлеченных из базы данных, способом, предполагающим получение к ним доступа неограниченного круга лиц, должно сопровождаться указанием на базу данных, из которой эти материалы извлечены.

Совершение действий, охватываемых исключительным правом изготовителя базы данных, другим лицом не считается нарушением такого права, если это лицо докажет, что оно не могло установить личность изготовителя базы данных или что оно, исходя из обстоятельств дела, обоснованно считало, что срок действия исключительного права на базу данных истек.

Не допускается неоднократное извлечение или использование материалов, составляющих несущественную часть базы данных, если такие действия противоречат нормальному использованию базы данных и ущемляют необоснованным образом законные интересы изготовителя базы данных.

Изготовитель базы данных не может запрещать использование отдельных материалов, хотя и содержащихся в базе данных, но правомерно полученных использующим их лицом из иных, чем эта база данных, источников.

Публикатором признается гражданин, который правомерно обнародовал или организовал обнародование произведения науки, литературы или искусства, ранее не обнародованного и перешедшего в общественное достояние либо находящегося в общественном достоянии в силу того, что оно не охранялось авторским правом.

Права публикатора распространяются на произведения, которые независимо от времени

их создания могли быть признаны объектами авторского права. Публикатору принадлежат: 1) исключительное право публикатора на обнародованное им произведение; 2) право на указание своего имени на экземплярах обнародованного им произведения и в иных случаях его использования, в том числе при переводе или другой переработке произведения.

Исключительное право публикатора на произведение признается и в том случае, когда произведение было обнародовано публикатором в переводе или в виде иной переработки. Исключительное право публикатора на произведение признается и действует независимо от наличия и действия авторского права публикатора или других лиц на перевод или иную переработку произведения.

После прекращения действия исключительного права публикатора произведение может свободно использоваться любым лицом без чьего-либо согласия или разрешения и без выплаты вознаграждения.

Исключительное право публикатора на произведение может быть прекращено досрочно в судебном порядке по иску заинтересованного лица, если при использовании произведения правообладатель нарушает права авторства, имени автора или неприкосновенности произведения.

При отчуждении оригинала произведения (рукописи, оригинала произведения живописи, скульптуры или другого подобного произведения) его собственником, обладающим исключительным правом публикатора на отчуждаемое произведение, это исключительное право переходит к приобретателю оригинала произведения, если договором не предусмотрено иное.

Музыкальное произведение с текстом или без текста (объекта авторского права), его исполнение артистом-исполнителем и фонограмма исполнения представляют собой самостоятельные результаты интеллектуальной деятельности, исключительные права на которые могут принадлежать разным лицам. Распоряжение осуществляется в отношении каждого права отдельно. Нарушение прав на каждый такой результат носит самостоятельный характер.

Исключительное право на исполнение не распространяется на воспроизведение, сообщение в эфир или по кабелю и публичное исполнение записи исполнения в случаях, когда такая запись была произведена с согласия исполнителя, а ее воспроизведение, сообщение в эфир или по кабелю либо публичное исполнение осуществляется в тех же целях, для которых было получено согласие исполнителя при записи исполнения.

При заключении с исполнителем договора о создании аудиовизуального произведения согласие исполнителя на использование исполнения в составе аудиовизуального произведения предполагается. Согласие исполнителя на отдельное использование звука или изображения, зафиксированного в аудиовизуальном произведении, должно быть прямо выражено в договоре (ст. 1317 ГК РФ). При этом данная норма относится не к правилам, установленным законом для свободы договора, а к порядку законного использования звука или изображения. Другими словами, отдельное использование звука или изображения при отсутствии указания на предоставление такого права в договоре является нарушением исключительного права использования исполнения и в том случае, если соответствующий договор был заключен до момента, когда это требование было установлено законодателем.

Список литературы

1. Гульбин, Ю.Т. Гражданско-правовая охрана средств индивидуализации товаров в рыночных условиях : автореф. дис... д-ра юрид. наук / Т.Ю. Гульбин. М., 2010.
2. Кондратьева, Е.А. Объекты интеллектуальных прав и их правовой режим : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е.А. Кондратьева. М., 2010.

3. Сергеев, А.П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации : учебник / А.П. Сергеев. М., 1996.

4. Серго, А.Г. Правовой режим доменных имен и его развитие в гражданском праве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / А.Г. Серго. М., 2011.

5. Судариков, С.А. Авторское право : учебник / С.А. Судариков. М. : Проспект, 2010. 463 с.

6. Хохлов, В.А. Авторское право: законодательство, теория, практика / В.А. Хохлов. М. : Городец, 2008. 286 с.

References

1. Gulbin, Yu.T. Civil law protection of means of individualization of goods in market conditions: author's abstract. dis... doctor legal sciences / T.Yu. Gulbin. M., 2010.

2. Kondratyeva, E.A. Objects of intellectual rights and their legal regime: abstract. dis. ... cand. legal sciences / E.A. Kondratieva. M., 2010.

3. Sergeev, A.P. Intellectual property rights in the Russian Federation: text-book / A.P. Sergeev. M., 1996.

4. Sergo, A.G. Legal regime of domain names and its development in civil law: author's abstract. dis. ... doctor legal sciences / A.G. Sergo. M., 2011.

5. Sudarikov, S.A. Copyright: textbook / S.A. Sudarikov. M.: Prospekt, 2010. 463 p.

6. Khokhlov, V.A. Copyright: legislation, theory, practice / V.A. Khokhlov. M.: Gorodets, 2008. 286 p.

Restoration of Violated Related Rights

Karkalev D.N.,

Doct. in Law, Prof. of Dept. of Civil Law
at Law Institute of Siberian Federal University
Russia, Krasnoyarsk
dnk001rb@yandex.ru

Kachur N.F.,

Head of Dept. of Civil Law at Law Institute
of Siberian Federal University, Cand in Law, Assoc. Prof.
Russia, Krasnoyarsk
kachurnf@mail.ru

The article highlights current problems of protecting civil rights and liability when implementing the protective function of civil law in relations regarding copyright related rights. The authors examine in detail the features of the implementation of related rights by their subjects: performers, producers of phonograms, broadcasting or cable broadcasting organizations, database producers and publishers of works.

Keywords: *defense of civil rights, responsibility in civil law, defense relations, author related rights.*

Об использовании иноязычных заимствований в фирменном наименовании юридического лица

К.С. Кочкурова,

старший преподаватель кафедры гражданского права
и процесса Национального исследовательского
Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева
Россия, Саранск
kochkurovarsm@yandex.ru

Целью статьи является проведение исследования о порядке использования иноязычных заимствований в фирменном наименовании и выявление особенностей реализации данных норм. По результатам выделена проблема неисполнения судебных актов об изменении наименований, когда в них содержатся термины и аббревиатуры, отражающие организационно-правовые формы юридических лиц в зарубежных странах. В качестве решения данной проблемы предложено использование института судебной неустойки. Также сделан вывод о необходимости законодательного закрепления принципа истинности фирмы с целью предотвращения введения в заблуждение участников гражданского оборота относительно государственной юрисдикции организации.

Ключевые слова: фирменное наименование, государственная регистрация юридического лица, астрент, судебная неустойка.

Исследование выполнено при финансовой поддержке внутривузовского научного гранта в области гуманитарных, естественно- и инженерно-технических наук ФГБОУ ВО «МГУ им.Н.П. Огарева» (НИР г/б 28-23 «Имя гражданина и наименование юридического лица как условия их идентификации в условиях цифровизации»).

Введение. Важным фактором развития рыночной экономики является полная и достоверная осведомленность участников отношений о контрагентах, в том числе об их государственной принадлежности. Фирменное наименование — это одно из средств индивидуализации коммерческих организаций, и, хотя история развития правового регулирования фирменных наименований носит длительный характер, в литературе все же отмечается, что назвать это регулирование совершенным нельзя [10, с. 6].

Наибольший вклад в развитие доктрины внесли В.В. Розенберг, А.И. Каминка, Г.Ф. Шершеневич, П.П. Цитович, В.А. Удинцев. Также заметными стали исследования Д.Ю. Чежия, В.В. Орловой, Л.А. Новоселовой, В.В. Голофаева, Э.П. Гаврилова, О.А. Городова, С.Ю. Филипповой и др.

В исследованиях самое большое внимание уделяется вопросам понятия, содержания, принципов, функций фирмы. Детальное же рассмотрение установленных запретов и ограничений при выборе ее наименования встречается не часто. Этот вопрос нуждается в обсуждении не только с научной точки зрения, но и с учетом судебной практики.

В рамках настоящего исследования предлагается рассмотреть правило, предусмотренное абз. 2 п. 3 ст. 1473 «Фирменное наименование» Гражданского кодекса РФ.

Порядок использования иноязычных заимствований в фирменном наименовании. Согласно абз. 2 п. 3 ст. 1473 ГК РФ «фирменное наименование юридического лица на русском языке и языках народов Российской Федерации может содержать иноязычные заимствования в русской транскрипции или соответственно в транскрипциях языков народов Российской Федерации, за исключением терминов и аббревиатур, отражающих организационно-правовую форму юридического лица».

В судебной практике сложился подход, основанный на том, что в наименованиях на русском языке не допускается использование букв иностранных алфавитов¹, потому что это противоречит положениями абз. 2 п. 3 ст. 1473 ГК РФ и, прежде всего, потому, что в Российской Федерации алфавиты государственного языка Российской Федерации и государственных языков республик строятся на графической основе кириллицы².

Следует указать, что в Положении о фирме 1927 года³ никаких запретов и правил относи-

¹ См.: постановление Суда по интеллектуальным правам от 27.02.2020 № С01-1627/2019 по делу №А57-14803/2019 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² См.: решение Арбитражного суда Удмуртской Республики от 17.03.2023 по делу № А71-19105/2022; решение Арбитражного суда Московской области от 20.07.2020 по делу № А41-32968/20; решение Арбитражного суда Свердловской области от 20.01.2020 по делу № А60-56337/2019 // Судебные и нормативные акты РФ : [Электронный ресурс] — URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/> (дата обращения: 20.08.2023).

³ См.: О введении в действие Положения о фирме : постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 22.06.1927. — URL: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-tsik-sssr-snk-sssr-ot-22061927/> (дата обращения: 20.08.2023).

тельно использования иноязычных заимствований в наименовании не содержалось. Поэтому норма является новеллой, и появилась она лишь с введением в действие части четвертой ГК РФ, т. е. с 1 января 2008 г. Если компания была зарегистрирована ранее, то при первом изменении учредительных документов следовало привести фирменное наименование в соответствие с нормой закона.

Представляется необходимым рассмотреть установленное правило под призмой ведущего принципа фирмы — принципа истинности.

С.Ю. Филиппова выделяет несколько подходов к пониманию данного принципа, который рассматривается: 1) как требование правдивости фирмы; 2) как запрет введения в заблуждение окружающих с помощью фирмы; 3) как адекватность наименования фирмы задачам коммерческой организации [9].

Первые два понимания сформированы в работах В.В. Розенберга, который отмечал, что наименование фирмы должно быть правдивой характеристикой деятельности коммерсанта и не должно использоваться для введения в заблуждение участников торгового оборота и покупателей [8, с. 53].

В современном доктринальном понимании принцип фирменного наименования выражается в том, что есть комплекс императивных требований, которые регламентируют содержание обязательной части фирменного наименования, а также запрещают включение в фирменное наименование обозначений, способных ввести в заблуждение [3].

Что касается третьего подхода, то, по мнению Д.Ю. Чежия, принцип истинности фирмы означает адекватность фирменного наименования коммерческой организации ее действительным экономическим задачам [11].

Особо следует обратить внимание на то, что в Положении о фирме 1927 года принцип истинности был формально определен в абз. 2 п. 7: «Не дозволяется включать в фирму обозначения, способные ввести в заблуждение». Требование истинности понимается именно как недопустимость введения в заблуждение с помощью фирмы и содержится во всех источниках зарубежного фирменного права [9]. Однако современные нормы не содержат прямого указания на этот принцип, хотя можно предположить, что законодатель понимает данный принцип как установление требований к содержанию фирменного наименования (нормы-запреты, нормы-ограничения в статьях 1473—1474 ГК РФ).

Дискуссии о необходимости возвращения норм, закрепляющих принцип истинности как недопустимость включения в фирму обозначений, способных ввести в заблуждение потребителей, не новы в науке. По мнению С.Ю. Филипповой, установление общего запрета, обеспечивающего действие принципа истинности фирмы, было исключено из законодательства в силу значительной роли производного усмотрения в определении того, способна ли фирма ввести в заблуждение, или нет [9].

Вместе с тем следует обратить внимание на недавние изменения в сфере регулирования товарных знаков. Так, с 29 мая 2023 г., согласно подп. 1 п. 3 ст. 1483 ГК РФ, «не допускается государственная регистрация в качестве товарных знаков обозначений, представляющих собой или содержащих элементы, являющиеся ложными или способными ввести в заблуждение потребителя относительно товара, его изготовителя или места производства».

Получается, что подобная, пусть и носящая оценочный характер, формулировка «способные ввести в заблуждение потребителей» стала приемлемой для законодателя в отношении регулирования товарных знаков.

В связи с этим представляется возможным и необходимым закрепить подобную норму и в части регулирования фирменного наименования, а именно дополнить п. 4 ст. 1473 ГК РФ абзацем 5: «Не допускается использование обозначений, способных ввести в заблуждение участников гражданского оборота».

Запрет на включение в фирменное наименование терминов и аббревиатур, отражающих организационно-правовую форму юридического лица. В абзаце 2 п. 3 ст. 1473 ГК РФ закреплен запрет на включение в наименование фирмы терминов и аббревиатур, отражающих организационно-правовую форму юридического лица. Здесь важны для рассмотрения несколько аспектов.

Во-первых, не допускается использование двух организационно-правовых форм организаций, установленных в Российской Федерации. Так, суд признал законным отказ в регистрации ООО «ИП Волков В.В.», указав, что смешение в наименовании двух организационно-правовых форм «ООО» и «ИП» может ввести участников гражданского оборота в заблуждение относительно вида деятельности компании. Наличие двух организационно-правовых форм в фирменном наименовании не предусмотрено действующим законодательством РФ¹.

¹ См.: постановление Арбитражного суда Центрального округа от 24.01.2023 по делу № А14-18913/2021 // Судебные и нормативные акты РФ : [Электронный ресурс] — URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/Gb7g4RadcWm1/> (дата обращения: 20.08.2023).

Во-вторых, недопустимо использование названий организационно-правовых форм юридических лиц в иностранных государствах. Примерами терминов и аббревиатур, которые не могут содержаться в фирменном наименовании юридического лица, являются заимствования, представляющие собой обозначения аналогов хозяйственного общества: «Лимитед» или «Лтд» (Limited, сокр. Ltd., англ.), «ГмбХ» (Gesellschaft mit beschränkter Haftung, сокр. GmbH, нем.), «САПЛ» (Societe a responsabilitate limitee, сокр. SARL, фр.), «Сосьете» (Societe anonyme, сокр. SA, франц.), а также трансформации на основе «Joint Stock Сотрапу» (сокр. JSC, англ.) и «Public Limited Сотрапу» (сокр. PLC, англ.). Дополнительно суды указывают, что при рассмотрении вопроса о правомерности использования фирменного наименования имеет значение не семантика спорного обозначения, предполагавшаяся правообладателем, а общее впечатление, создающееся у участников гражданского оборота при восприятии средства индивидуализации¹.

Также, исходя из позиции Суда по интеллектуальным правам, не имеет значения, как написаны аббревиатуры (шрифт, наличие знаков препинания) аналогов хозяйственных обществ в зарубежных странах: их использование противоречит ГК РФ².

Наиболее распространенным в практике является использование аббревиатуры ЛТД, термина «Лимитед». Наименования с такими словами признаются противоречащими законодательству, и суды удовлетворяют требования налоговых органов о понуждении к изменению фирменного наименования.

В результате проведения анализа судебной практики по данной категории споров за 2019—2023 гг. было выявлено следующее:

1) из 60 судебных актов, вступивших в законную силу, было исполнено лишь 20, т. е. 2/3 решений не исполнены ответчиками;

2) из 40 организаций, которые не исполнили судебные акты и не изменили фирменное наименование, 14 компаний (30%) прекратили свою деятельность.

3) 26 обществ с ограниченной ответственностью (43% от общего числа ответчиков), несмотря на вступившее в законную силу судебное решение о понуждении к изменению фирменного наименования, так как в нем есть слова «лтд» или «лимитед», продолжают вести свою деятельность под наименованием, которое противоречит закону.

4) в настоящее время решений, которые вступили в силу в 2019 году и до сих пор не исполнены, 1, в 2020 году — 1, в 2021 — 5, в 2022 — 17, в 2023 году — 2;

5) к 21 юридическому лицу, зарегистрированному после 1 января 2008 г., были предъявлены требования налоговыми органами.

Возникает вполне закономерный вопрос: почему бы налоговыми органами, имея в виду установленный в абз. 2 п. 3 ст. 1473 ГК РФ запрет, не отказывать в регистрации при создании юридических лиц, в фирменных наименованиях которых есть термины и аббревиатуры, отражающие организационно-правовую форму юридического лица? Такой отказ представляется возможным на основании п. «ж» ст. 23 Федерального закона от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», поскольку наименование в таком случае не соответствует требованиям федерального закона. И приведенный пример про ООО «ИП Волков В.В.» также подтверждает возможность и правомерность отказа по данному основанию.

Да, суды отмечают, что у налоговых органов есть право подать иск о понуждении к изменению наименования, противоречащего закону, но все же логичнее и рациональнее было бы воспользоваться правом, предоставленным публичными нормами права, и на этапе создания отказать в государственной регистрации компании, чтобы в дальнейшем не только избежать введения в заблуждение участников гражданского оборота, но и снизить нагрузку на арбитражные суды.

Следует признать справедливой и обоснованной позицию Р. Хааба, считающего, что только с помощью публично-правовых средств возможна реализация принципа истинности фирмы, поскольку с помощью частноправовых исков невозможна защита против ложного фирменного наименования, использование которого не причиняет ущерба противостоящим частным интересам [10, с. 28].

Но пока ситуация выглядит следующим образом: налоговые органы регистрируют компанию с изначально противоречащим закону наименованием, а затем, спустя какое-то время (в некоторых случаях даже спустя 14 лет) предъявляют требование о понуждении к изменению этого наименования; суд удовлетворяет требование, а вступившее в законную силу решение ответчик не исполняет, и получается, что участники гражданского оборота находят

¹ См.: постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 24.12.2019 по делу № А59-5086/2019 // Судебные и нормативные акты РФ : [Электронный ресурс] — URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/V98WDpDE5a1Q/> (дата обращения: 20.08.2023).

² См.: постановление Суда по интеллектуальным правам от 20.05.2020 по делу № А59-5086/2019 // Судебные и нормативные акты РФ : [Электронный ресурс] — URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/> (дата обращения: 20.08.2023).

ся в заблуждении относительно государственной юрисдикции компании на протяжении длительного времени, что явно противоречит принципу истинности фирменного наименования и основной цели установленного запрета.

Так, Общество с ограниченной ответственностью международная торговая компания «Китай Онтрейд» ко., ЛТД зарегистрировано 24.01.2008, решение суда о понуждении к изменению наименования принято 28.06.2022¹, но в настоящее время акт не исполнен. Не исполнены решения судов и в отношении других организаций, например, ООО «Глобус ЛТД» (создано 17.11.2011, решение суда принято 21.03.2022)², ООО «КОМФОРТ ЛТД» (зарегистрировано 03.11.2009, решение суда принято 30.06.2022)³, ООО «ЛТД Логистик» (создано 12.08.2011, решение суда принято 10.01.2022⁴). В приведенных примерах компании продолжают осуществлять деятельность, хотя прошло уже более года с момента вступления в законную силу судебных решений.

Проблема неисполнения судебных решений о понуждении к изменению фирменного наименования, включающего термины и аббревиатуры, отражающие организационно-правовую форму юридического лица. В результате проведенного анализа выявлено, что 43% решений не исполнены.

В соответствии со ст. 46 Конституции РФ каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод. Данная гарантия является иллюзорной до тех пор, пока судебное решение не исполнено фактически. В связи с этим в законодательстве закрепляется принцип обязательности исполнения судебных актов всеми без исключения субъектами⁵.

В настоящее время законодательством предусмотрено эффективный инструмент для обеспечения исполнения судебных актов — астрент (ст. 308.3 ГК РФ). Также в соответствии с ч. 4 ст. 174 Арбитражного процессуального кодекса РФ истцу предоставлено право требовать присуждения в его пользу денежной суммы, подлежащей взысканию с ответчика,

на случай неисполнения судебного акта. Правовая природа астрента является смешанной. Так, Ю.Ю. Афонина отмечает, что «указанный институт представляет собой синтез прав частного и публичного, гражданского материального и гражданского процессуального права» [2]. Такой же позиции придерживаются Ю.Ю. Якубяк [12] и А.А. Парфенчикова, указывая, что процессуальный компонент все же преобладает [7].

Тот факт, что институт судебной неустойки установлен в различных государствах, свидетельствует о его эффективности, в особенности в противопоставлении публично-правовым санкциям за неисполнение судебных актов [1].

В ходе проведенного ранее исследования никаких ограничений и препятствий относительно возможности использования судебной неустойки по делам о понуждении к изменению фирменного наименования по заявлению налоговых органов не обнаружено [4; 5], поскольку ч. 4 ст. 174 АПК РФ специально не определяет категории дел, по которым взыскание денежной неустойки за неисполнение судебного акта недопустимо.

На сегодняшний день астрент активно используется в делах о защите исключительных прав на средства индивидуализации, в том числе по спорам о тождественных фирменных наименованиях, а также в сфере авторского права [6].

Но налоговые органы данный механизм не применяют. В ходе анализа судебной практики встретился лишь один пример, когда государственный орган предпринял попытку решить вопрос о неисполнении судебного решения по выигранному делу. 19 апреля 2021 г. суд удовлетворил требования налогового органа о понуждении к изменению фирменного наименования ООО «ИТАЛИЯ ФИНАНС»⁶. Решение ответчиком не исполнялось почти год. 28 марта 2022 г. суд, руководствуясь ст. 332 АПК РФ, по заявлению налогового органа установил судебный штраф 50 тыс. рублей⁷. Но решение так и не было исполнено,

¹ См.: решение Арбитражного суда Иркутской области от 28.06.2022 по делу № А19-3746/2022 // Судебные и нормативные акты РФ : [Электронный ресурс] — URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/zEap5NEVKBrP/> (дата обращения: 20.08.2023).

² См.: решение Арбитражного суда Новосибирской области от 21.03.2022 по делу № А45-36293/2021 // Судебные и нормативные акты РФ : [Электронный ресурс] — URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/> (дата обращения: 20.08.2023).

³ См.: решение Арбитражного суда Иркутской области от 30.06.2022 по делу № А19-3746/2022 // Судебные и нормативные акты РФ : [Электронный ресурс] — URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/zEap5NEVKBrP/> (дата обращения: 20.08.2023).

⁴ См.: решение Арбитражного суда Новосибирской области от 10.01.2022 по делу № А45-30798/2021 // Судебные и нормативные акты РФ : [Электронный ресурс] — URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/> (дата обращения: 20.08.2023).

⁵ См.: определение Арбитражного суда Краснодарского края от 13.01.2021 по делу № А32-7518/2021 // Судебные и нормативные акты РФ : [Электронный ресурс] — URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/> (дата обращения: 20.08.2023).

⁶ См.: решение Арбитражного суда Краснодарского края от 19.04.2021 по делу № А32-7518/2021 // Судебные и нормативные акты РФ : [Электронный ресурс] — URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/OY4nBLvLlib5/> (дата обращения: 20.08.2023).

⁷ См.: определение Арбитражного суда Краснодарского края от 28.03.2022 по делу № А32-7518/2021 // Судебные и нормативные акты РФ : [Электронный ресурс] — URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/> (дата обращения: 20.08.2023).

компания прекратила свою деятельность 29 июня 2023 г.

Данный пример пока является единственным в судебной практике и, как можно заметить, установление судебного штрафа не повлияло на действия ответчика: решение так и не было исполнено.

В связи с этим представляется перспективным рассмотреть возможность предъявления требования об установлении судебной неустойки по ч. 4 ст. 174 АПК РФ в спорах по делам о понуждении к изменению фирменного наименования, противоречащего действующему законодательству, когда заявителем выступает налоговый орган.

Выводы

1. С учетом важности и ведущей роли принципа истинности в регулировании фирменного наименования и с учетом последних тенденций в сфере регулирования средств индивидуализации представляется необходимым дополнить п. 4 ст. 1473 ГК РФ абзацем 5 в следующей редакции: «*Не допускается использование обозначений, способных ввести в заблуждение участников гражданского оборота*».

2. В ходе проведенного анализа судебных актов за 2019—2023 гг. выявлено, что 43% судебных решений о понуждении к изменению фирменного наименования по причине того, что в нем есть слова «лтд» или «лимитед», не исполнены.

3. Существуют все основания для отказа в регистрации организации на этапе создания на основании п. «ж» ст. 23 Федерального закона № 129 в случае, если нарушен запрет на использование терминов и аббревиатур организационно-правовых форм юридического лица.

4. С целью соблюдения принципов обязательности исполнения судебных актов и истинности фирмы налоговым органам по делам о понуждении к изменению фирменного наименования, противоречащего закону, необходимо предъявлять требования об установлении судебной неустойки на основании ч. 4 ст. 174 АПК РФ.

Список литературы

1. Авдонина, О.С. Применение судебной неустойки как способа защиты прав правообладателя по обязательству в сфере интеллектуальной собственности / О.С. Авдонина // Право и экономика. 2016. № 10 (344). С. 43—50. [Доступ из СПС «КонсультантПлюс»].

2. Афонина, Ю.Ю. Судебная неустойка (астрент) и другие меры ответственности должника за неисполнение судебного решения: сравнительный анализ / Ю.Ю. Афонина // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 11. С. 45—49. [Доступ из СПС «КонсультантПлюс»].

3. Бузанов, В.Ю. Правовой режим фирменных наименований в российском гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук / В.Ю. Бузанов. М., 2003.

4. Кочкурова, К.С. Судебная неустойка по спорам о фирменном наименовании / К.С. Кочкурова // Имущественные отношения. 2023. № 1 (256). С. 50—60.

5. Кочкурова, К.С. Судебная неустойка по спорам о фирменном наименовании / К.С. Кочкурова // Имущественные отношения. 2023. № 2 (257). С. 57—65.

6. Мухгалин, А. Французский астрент в IP-спорах / А. Мухгалин // ЭЖ-Юрист. 2017. № 32.

7. Парфенчикова, А.А. Меры косвенного принуждения в исполнительном производстве / под ред. В.В. Яркова. М. : Статут, 2017. 198 с.

8. Розенберг, В.В. Фирма. Догматический очерк / В.В. Розенберг. СПб., 1914.

9. Филиппова, С.Ю. Фирменное право России / С.Ю. Филиппова. М. : Статут, 2016. 270 с. [Доступ из СПС «КонсультантПлюс»].

10. Хааб, Р. История и догматика фирменных наименований / Р. Хааб. М. : Автор, 2022.

11. Чежия, Д.Ю. Гражданско-правовая охрана фирменных наименований : дис. ... канд. юрид. наук / Д.Ю. Чежия. СПб., 2007.

12. Якубяк, Ю.Ю. Предмет доказывания по делам о взыскании судебной неустойки (астрента) / Ю.Ю. Якубяк // Вестник гражданского процесса. 2019. Т. 9. № 3. С. 178—191. [Доступ из СПС «КонсультантПлюс»].

References

1. Avdonina, O.S. Application of judicial penalties as a way to protect the rights of the copyright holder under an obligation in the field of intellectual property / O.S. Avdonina // Law and Economics. 2016. No. 10 (344), pp. 43-50. [Access from the legal reference system "ConsultantPlus"].

2. Afonina, Yu.Yu. Judicial penalty (asrent) and other measures of debtor liability for failure to fulfill a court decision: a comparative analysis / Yu.Yu. Afonina // Arbitration and civil process. 2016. No. 11, pp. 45-49. [Access from the legal reference system "ConsultantPlus"].

3. Buzanov, V.Yu. Legal regime of brand names in Russian civil law: dis. ...cand. legal sciences / V.Yu. Buzanov. M., 2003.

4. Kochurova, K.S. Judicial penalty for disputes over a company name / K.S. Kochkurova // Property relations. 2023. No. 1 (256), pp. 50-60.

5. Kochurova, K.S. Judicial penalty for disputes over a company name / K.S. Kochkurova // Property relations. 2023. No. 2 (257), pp. 57-65.

6. Mukhgalin, A. French astrent in IP disputes / A. Mukhgalin // EZh-Lawyer. 2017. No. 32.

7. Parfenchikova, A.A. Measures of indirect coercion in enforcement proceedings / ed. V.V. Yarkova. M.: Statute, 2017. 198 p.

8. Rosenberg, V.V. Firm. Dogmatic essay / V.V. Rosenberg. St. Petersburg, 1914.

9. Filippova, S.Yu. Corporate law in Russia / S.Yu. Filippova. M.: Statute, 2016. 270 p. [Access from the legal reference system "ConsultantPlus"].

10. Haab, R. History and dogmatics of brand names / R. Haab. M.: Author, 2022.

11. Chezha, D.Yu. Civil protection of brand names: dis. ...cand. legal Sciences / D.Yu. Chezha. St. Petersburg, 2007.

12. Yakubyak, Yu.Yu. Subject of proof in cases of collection of judicial penalties (asrenta) / Yu.Yu. Yakubyak // Bulletin of civil procedure. 2019. Vol. 9. No. 3, pp. 178-191. [Access from the legal reference system "ConsultantPlus"].

On the Use of Foreign Language Borrowings in the Corporate Name of a Legal Entity

Kochkurova K.S.,

Senior Lecturer of Dept. of Civil Law and Procedure
at National Research Mordovia State University
named after N.P. Ogarev
Russia, Saransk
kochkurovarsm@yandex.ru

The purpose of the article is to conduct a study on the procedure for using foreign borrowings in a company name and identify the features of the implementation of these norms. Based on the results, the problem of non-execution of judicial acts on changing names, when they contain terms and abbreviations that reflect the organizational and legal forms of legal entities in foreign countries, is highlighted. As a solution to this problem, the use of the institute of judicial forfeit is proposed. It is also concluded that it is necessary to legislate the principle of the firm's truth in order to prevent misleading participants in civil circulation regarding the state jurisdiction of the organization.

Keywords: company name, state registration of a legal entity, astrent, court penalty.

The research was carried out with the financial support of an intra-university scientific grant in the field of humanities, natural sciences and engineering and technology from the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "MSU named after N.P. Ogarev" (NIR g/b 28-23 "The name of a citizen and the name of a legal entity as conditions for their identification in the conditions of digitalization").

DOI 10.25799/NI.2023.79.14.014
УДК 347.62

О правовом регулировании фамилий супругов

Т.И. Нестерова,

кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой
гражданского права и процесса Национального исследовательского
Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева
Россия, Саранск
nesterova_t15@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы, связанные с присвоением супругам фамилий при заключении и расторжении брака. Обосновывается необходимость правового регулирования спорных ситуаций, возникающих при выборе фамилии: определение очередности фамилий при выборе двойной фамилии, определение фамилии, когда супруги не могут сделать выбор, и т. д. Анализируются соответствующие нормы зарубежных стран, предлагается учесть положительный опыт зарубежного правового регулирования в российском законодательстве.

Ключевые слова: фамилия супругов при заключении и расторжении брака, общая фамилия, двойная фамилия, добрачная фамилия, перемена фамилии.

Исследование выполнено при финансовой поддержке внутривузовского научного гранта в области гуманитарных, естественных и инженерно-технических наук ФГБОУ ВО «МГУ им.Н.П. Огарева» (НИР г/б 28-23 «Имя гражданина и наименование юридического лица как условия их идентификации в условиях цифровизации»).

Введение. Правовому регулированию имени посвящено значительное количество научных исследований. Однако правовое регулирование фамилий супругов обойдено научным вниманием. Между тем в данной сфере отношений существуют проблемы, связанные с выбором общей фамилии при заключении брака и оставлением (лишением) такой фамилии при разводе. Целью исследования является определение направлений правового регулирования фамилий супругов в Российской Федерации.

Правовое регулирование фамилий супругов при заключении брака. Согласно ст. 28 Федерального закона от 15.11.1997 № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» при государственной регистрации заключения брака супругам в записи акта о заключении брака по их выбору записывается общая фамилия супругов или добрачная фамилия каждого из супругов (п. 1).

Общей фамилией может быть фамилия одного из супругов или двойная фамилия, образованная путем соединения фамилий супругов (п. 2).

Таким образом, данная статья предусматривает только два варианта фамилии супругов: оба супруга остаются с добрачной фамилией или супругам присваивается общая фамилия, в том числе двойная. Нет возможности одному супругу выбрать двойную фамилию, а другому — остаться с добрачной.

Согласно п. 1 ст. 32 Семейного кодекса РФ супруги по своему желанию выбирают при заключении брака фамилию одного из них в качестве общей фамилии либо каждый из супругов сохраняет свою добрачную фамилию, либо, если иное не предусмотрено законами

субъектов Российской Федерации, присоединяет к своей фамилии фамилию другого супруга. Таким образом, из данной нормы следует, что при образовании двойной фамилии можно присоединить как к фамилии жены фамилию мужа, так и наоборот. Другими словами, муж может выбрать фамилию Петров-Иванов, а жена — Иванова-Петрова, а это значит, что их фамилия не будет общей.

Однако п. 2 ст. 28 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» предусматривает, что двойная фамилия может быть образована только посредством присоединения фамилии жены к фамилии мужа. Конечно, противоречия в формулировках упомянутых нормативных актов должны быть устранены.

Считаем, что необходимо дать супругам право выбора и разрешить выбрать любой порядок соединения добрачных фамилий в двойной фамилии, но чтобы при этом фамилия была именно общей. В противном случае можно говорить о некотором гендерном неравенстве при выборе фамилий.

По той же причине необходимости обеспечения гендерного равенства не можем согласиться с предложением С.В. Зыкова о заимствовании (при условии положительного общественного мнения) из Германского гражданского уложения (§ 1355) презумпции присвоения при заключении брака в качестве общей фамилии мужа. В подтверждение этого мнения С.В. Зыковым приводятся данные соцопросов, по которым около 85% молодежи считает, что жена должна взять фамилию мужа. Однако все-таки 15% респондентов имеют другое мнение, и это желательно учитывать [2, с. 189—208].

Хотя в любом случае необходимо было бы предусмотреть порядок разрешения спора супругов о фамилии: например, если супруги не могут определиться с общей фамилией, орган загса оставляет им добрачные фамилии.

Целесообразность предложения о возможности разного порядка соединения добрачных фамилий супругов в двойной фамилии можно подтвердить наличием соответствующих положений в семейном законодательстве других стран.

Так, согласно ст. 21 Кодекса Республики Беларусь «О браке и семье» при заключении брака супруги так же, как и в российском законодательстве, оставляют добрачную или выбирают общую фамилию. Супруги или один из них могут избрать двойную фамилию, состоящую из добрачных фамилий супругов. Если двойной фамилией желают именоваться оба супруга, по их согласию определяется, с какой добрачной фамилии она будет начинаться.

Как видно из приведенной редакции ст. 21 Кодекса законодатель Республики Беларусь разрешает именоваться двойной фамилией только одному супругу, а другой остается с добрачной фамилией. Правда, если двойную фамилию выбирает один супруг, то получается, что второй может остаться только с добрачной фамилией: ведь общей фамилии у них не будет. Ввиду этого не разрешена ситуация, когда один супруг желает взять двойную фамилию, а второй хочет носить не добрачную, а фамилию другого супруга.

Также можно отметить, что, как и в российском законодательстве, соединение двойных фамилий не допускается, но в Беларуси решили уточнить: если до вступления в брак супруги или один из них имели двойные фамилии, по их согласию определяется, из каких составных частей добрачных фамилий будет состоять новая фамилия. При этом двойные фамилии все-таки не очень распространены.

Пункт 2 ст. 35 Семейного кодекса Украины допускает соединение более двух фамилий, если это предусмотрено обычаем национально-го меньшинства, к которому принадлежит жених или невеста.

Аналогичные правила о возможности супругов при заключении брака оставить добрачные фамилии, взять общую, в том числе двойную фамилию, с некоторыми вариациями предусмотрены в семейных и гражданских кодексах различных стран (Семейный кодекс Азербайджанской Республики, Семейный кодекс Кыргызской Республики, Семейный кодекс Республики Молдова и т. д.).

Но можно отметить и некоторые исключения. Например, Семейный кодекс Республики Узбекистан вообще не предусматривает воз-

можности присвоения супругам двойной фамилии при регистрации брака (ст. 20). Аналогичное правило содержится в ст. 51 Семейного кодекса Республики Туркменистан, ст. 160 Гражданского кодекса Швейцарии.

В большинстве стран при вступлении в брак фамилию может поменять как жених, так и невеста. В Италии (ст. 143 bis Гражданского кодекса) жена добавляет к своей фамилии мужа и сохраняет ее также во время вдовства, до нового замужества [1, с. 42].

Вышеуказанные нормы Семейного кодекса РФ о выборе фамилии будут действовать только в период заключения брака. Если после заключения брака супруги или один из них желают изменить фамилию, на них распространяются те же нормы, что и на обычных граждан, желающих сменить фамилию. Данному вопросу посвящена глава VII Федерального закона от 15.11.1997 № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния».

Перемена имени производится органом загса по месту жительства или по месту государственной регистрации рождения лица, желающего переменить фамилию, собственно имя и (или) отчество. Указанная глава не устанавливает никаких ограничений при выборе имени, отчества и фамилии совершеннолетними лицами.

Семейный кодекс Украины в ст. 35 устанавливает, что, если при регистрации брака супруги сохранили добрачные фамилии, они имеют право подать в орган государственной регистрации актов гражданского состояния по месту заключения брака или по месту их жительства заявление об избрании фамилии одного из них в качестве их общей фамилии или о присоединении к своей фамилии другого супруга.

Следовательно, Семейным кодексом Украины и Кодексом Республики Беларусь «О браке и семье» установлен более демократичный порядок конструирования двойной фамилии, а также возможность перемены фамилии не только при вступлении в брак, но и в последующем, в период брака [3, с. 255].

Согласно п. 2 ст. 32 СК РФ перемена фамилии одним из супругов не влечет за собой перемену фамилии другого супруга.

Правовое регулирование фамилий супругов при расторжении брака. Согласно п. 3 ст. 32 СК РФ в случае расторжения брака супруги вправе сохранить общую фамилию или восстановить свои добрачные фамилии. В большинстве стран зарубежья в случае расторжения брака каждый из супругов вправе остаться с фамилией, приобретенной в браке, или вернуть себе свою добрачную фамилию (ст. 30 СК Азербайджана, ст. 25 СК Армении, ст. 1133 ГК Грузии, ст. 17 СК Молдовы, ст. 86 ГК Латвии).

Таким образом, перемена фамилии одним супругом не влечет за собой в обязательном порядке перемену фамилии другого супруга; супруг, фамилия которого при вступлении в брак была избрана в качестве общей фамилии, не вправе возражать против того, чтобы другой супруг продолжал носить ее и после расторжения брака. Однако имеются и иные законодательные решения.

В Австрии при расторжении брака супруг, поменявший свою фамилию на фамилию другого супруга, может ее оставить только в том случае, если общие дети проживают под данной фамилией.

Отметим и подход законодателя Литвы к этому вопросу. В соответствии со ст. 3.69 Гражданского кодекса Литовской Республики супруг, по вине которого расторгнут брак, если в качестве общей фамилии при вступлении в брак была избрана фамилия другого супруга, лишается права оставить за собой эту фамилию при условии, если супруг — первоначальный ее обладатель возражает против этого и, если супруги не имеют общих детей [4, с. 21—23].

Таким образом, литовский законодатель предусматривает в качестве санкции для супруга, виновного в разводе, лишение его фамилии другого супруга. Данное положение может быть заимствовано российским законодательством. Если же вина супруга в разводе не установлена, то, поскольку расторжение брака не является неправомерным действием, лишение супруга фамилии как определенная санкция не может быть применено.

Также следует отметить, что на перемену имени супругов влияет не только их желание, но и достаточно затруднительный процесс замены в связи с этим документов.

Выводы. Считаем, что необходимо дать супругам право выбора и разрешить выбрать любой порядок соединения добрачных фамилий в двойной фамилии, но чтобы при этом фамилия была именно общей. В противном случае можно говорить о некотором гендерном неравенстве при выборе фамилий.

Следует предусмотреть порядок разрешения спора супругов о фамилии: например, если супруги не могут определиться с общей фамилией, орган загса оставляет им добрачные фамилии.

Семейным кодексом Украины и Кодексом Республики Беларусь «О браке и семье» установлен и представляется целесообразным

более демократичный, чем в России, порядок конструирования двойной фамилии, а также возможность перемены фамилии не только при вступлении в брак, как в российском законодательстве, но и в последующем, в период брака.

Возможно заимствование положений литовского гражданского законодательства и введение в качестве санкции для супруга, виновного в разводе, лишение его фамилии другого супруга при расторжении брака. Если же вина супруга в разводе не установлена, то, поскольку расторжение брака не является неправомерным действием, лишение супруга фамилии как определенная санкция не может быть применено.

Список литературы

1. Анцух, Н.С. Отношения супругов в сравнительном и международном семейном праве / Н.С. Анцух // Актуальные проблемы международного публичного и международного частного права : сб. науч. тр. Вып. 6. Минск, 2014. С. 40—67.
2. Зыков, С.В. Личные неимущественные права супругов: необходимость правового регулирования / С.В. Зыков // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 189—208.
3. Рабец, А.М. Особенности семейно-правового статуса лица, состоящего в браке, в Российской Федерации и на постсоветском пространстве / А.М. Рабец // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 481. С. 249—261.
4. Рабец, А.М. Опыт правового регулирования личных неимущественных отношений супругов в РФ и странах ближнего зарубежья / А.М. Рабец // Семейное и жилищное право. 2016. № 1. С. 21—23.

References

1. Antsukh, N.S. Relations between spouses in comparative and international family law / N.S. Antsukh // Current problems of international public and international private law: collection of articles. scientific tr. Vol. 6. Minsk, 2014, pp. 40-67.
2. Zykov, S.V. Personal non-property rights of spouses: the need for legal regulation / S.V. Zykov // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2019. No. 2, pp. 189-208.
3. Rabetz, A.M. Features of the family legal status of a married person in the Russian Federation and the post-Soviet space / A.M. Rabetz // Bulletin of Tomsk State University. 2022. No. 481, pp. 249-261.
4. Rabetz, A.M. Experience in legal regulation of personal non-property relations of spouses in the Russian Federation and neighboring countries / A.M. Rabec // Family and housing law. 2016. No. 1, pp. 21-23.

On the Legal Regulation of the Surnames of Spouses

Nesterova T.I.;

Cand. in Law, Assoc. Prof., Head of Dept.
of Civil Law and Procedure
at National Research Mordovia State University
named after N.P. Ogarev
Russia, Saransk
nesterova_t15@mail.ru

The article is based on the problems associated with the assignment of a surname by spouses at the conclusion and dissolution of marriage. The necessity of legal regulation of disputable situations arising when choosing a surname is substantiated: determining the order of surnames when choosing a double surname, determining the surname when the spouses cannot make a choice here. The relevant norms of foreign countries are analyzed, it is proposed to take into account the positive experience of foreign legal regulation in Russian legislation.

Keywords: *surname of the spouses at the conclusion and dissolution of marriage, common surname, double surname, premarital surname, change of surname.*

The research was carried out with the financial support of an intra-university scientific grant in the field of humanities, natural sciences and engineering and technical sciences of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "MSU named after N.P. Ogarev (Research g/b 28-23 "The name of a citizen and the name of a legal entity as conditions for their identification in the context of digitalization").

DOI 10.25799/NI.2023.10.57.015

УДК 349.22:342.9

Юридическая ответственность за уклонение от оформления трудового договора: проблемы правоприменения

С.В. Колобова,

кандидат юридических наук, доцент кафедры
служебного и трудового права Поволжского института
управления им. П.А. Столыпина — филиала Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Россия, Саратов
Kolobovapags@mail.ru

В статье рассматриваются некоторые вопросы привлечения к административной ответственности за уклонение от оформления или ненадлежащее оформление трудового договора; вопросы снижения уровня неформальной занятости и легализации трудовых отношений. Обращается внимание на то, что обязанность по надлежащему оформлению трудового договора законом возложена на работодателя. Делается вывод, что, руководствуясь экономической выгодой, работодатели часто игнорируют соблюдение требований статей 16, 67 Трудового кодекса РФ, вследствие чего работники фактически лишаются права на получение предусмотренных трудовым законодательством гарантий. Изложение теоретических положений подкреплено материалами судебной практики. В статье утверждается, что законодателем предусмотрена дополнительная защита прав работников посредством закрепления в ТК РФ нормы о том, что трудовые отношения возникают не только на основании подписанного трудового договора, но и в связи с фактическим допуском лица к работе работодателем.

Ключевые слова: трудовой договор, трудовые отношения, административная ответственность, нарушение трудового законодательства, неформальная занятость, допуск к работе.

Частью 4 ст. 5.27 Кодекса РФ об административных правонарушениях предусмотрена административная ответственность должностных лиц и работодателя за уклонение от оформления или ненадлежащее оформление трудового договора.

Руководствуясь экономической выгодой, работодатели часто игнорируют соблюдение требований статей 16, 67 Трудового кодекса РФ¹, вследствие чего работники фактически лишаются права на вознаграждение за труд, получение гарантий и компенсаций, предусмотренных трудовым законодательством, в том числе права на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности, на социальное страхование от несчастных случаев на производстве.

В современных условиях также существует практика оформления трудовых по своей юридической природе отношений договорами гражданско-правового характера. Это делается для того, чтобы избежать предоставления работникам гарантий, предусмотренных законодательством о труде.

Согласно ст. 15 ТК РФ заключение гражданско-правовых договоров, фактически регулирующих трудовые отношения между работником и работодателем, не допускается. Федеральным законом от 28.12.2013 № 421-ФЗ в ТК РФ введена статья 19.1, в которой закреплен порядок признания отношений, возникаю-

щих на основании гражданско-правового договора, трудовыми отношениями. При этом законодатель указал, что неустранимые сомнения при рассмотрении судом споров о признании отношений, возникших на основании гражданско-правового договора, трудовыми отношениями толкуются в пользу наличия трудовых отношений (ч. 3 ст. 19.1 ТК РФ). Таким образом, ТК РФ устанавливает приоритет действия трудового законодательства при наличии трудовых отношений (т. е. при соответствии отношений признакам, указанным в ст. 15).

Судебная практика является ненормативным регулятором общественных отношений и занимает весьма значимое место, а ее роль в механизме правового регулирования выражается в судебных актах.

Как показывает практика, при обращении в суд граждан с требованием признания их отношений с работодателями трудовыми вскрываются правовой нигилизм работников, намеренное нарушение трудовых прав работодателями с целью уклонения от гарантий, предусмотренных трудовым законодательством [2; 4]. Особо хотелось бы обратить внимание на проблемы доказательственной базы. В этой связи стоит повторить, что гражданские дела по установлению факта трудовых отношений имеют некоторую специфику относительно предмета доказывания и исследования доказательств [3, с. 80].

¹ Трудовой кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

Обратим внимание на внесенные Федеральным законом от 22.11.2021 № 377-ФЗ изменения в ст. 68 ТК РФ, предусматривающую оформление приема на работу. Согласно ч. 1 ст. 68 ТК РФ прием на работу оформляется трудовым договором. Работодатель вправе издать на основании заключенного трудового договора приказ (распоряжение) о приеме на работу. Предыдущая редакция указанной статьи предусматривала, что прием на работу оформляется приказом (распоряжением) работодателя, т. е. закреплялся обязательный характер приказа о приеме на работу, который объявлялся работнику под роспись в трехдневный срок со дня фактического начала работы.

Проанализируем пример из судебной практики. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ определением от 09.11.2020 № 78-КГ20-27-КЗ отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции¹. В определении указано на то, что суд вправе принимать любые средства доказывания, предусмотренные процессуальным законодательством, когда разрешается вопрос о наличии или отсутствии между сторонами трудовых отношений. Так, Р. обратился в суд с иском к обществу с ограниченной ответственностью и просил установить факт трудовых отношений в период с 1 июня 2017 г. по день вынесения решения судом, взыскать в его пользу с общества задолженность по заработной плате, пособие по временной нетрудоспособности, компенсацию за ежегодный оплачиваемый отпуск, компенсацию морального вреда, а также обязать ответчика произвести отчисление страховых взносов на обязательное пенсионное и обязательное медицинское страхование с 1 июня 2017 г. по день принятия судом решения.

При трудоустройстве в общество Р. была обещана заработная плата из расчета почасовой рабочей смены. Р. неоднократно обращался к руководству общества с просьбами о заключении с ним трудового договора и справедливом распределении дежурств, однако все его обращения были проигнорированы. С 14 декабря 2017 г. Р. был переведен работодателем на другой объект «А», охрану которого осуществляла другая организация, а с 16 февраля 2018 г. он был отстранен работодателем от выполнения трудовых обязанностей на объекте охраны «А» без объяснения причин. При этом с приказом об увольнении из общества его

не ознакомили, трудовую книжку не выдали, окончательный расчет с ним не произвели. В подтверждение своих требований Р. приложил к исковому заявлению копии графиков дежурств на объекте «К», журнала приема и сдачи дежурства, карты охранника общества, листа учета выдачи ключей поста объекта «К», пропусков на объект «К». Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований Р. к обществу об установлении факта трудовых отношений, суд первой инстанции исходил из того, что бремя доказывания факта наличия трудовых отношений между Р. и обществом возлагается на истца. Однако истец не представил допустимых доказательств, с достоверностью подтверждающих наличие трудовых отношений между ним и обществом. По мнению суда первой инстанции, копии представленных Р. документов не являются допустимыми доказательствами, свидетельствующими о факте трудовых отношений между ним и обществом, поскольку оригиналы данных документов суду не представлены, копии же графиков дежурств на объекте «К» за период с июня по декабрь 2017 г. не подписаны и не утверждены соответствующими должностными лицами общества, не имеют печатей общества.

Судебная коллегия Верховного Суда РФ указала, что судебные инстанции не учли, что согласно ч. 1 ст. 55 Гражданского процессуального кодекса РФ доказательствами по делу являются полученные в предусмотренном законом порядке сведения о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела. Допустимость доказательств в соответствии со ст. 60 ГПК РФ заключается в том, что обстоятельства дела, которые в соответствии с законом должны быть подтверждены определенными средствами доказывания, не могут подтверждаться никакими другими доказательствами. В пункте 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2018 № 15² (далее — постановление Пленума ВС РФ № 15) приведены применяемые ко всем субъектам трудовых отношений разъяснения о том, что при разрешении вопроса, имелись ли между сторонами трудовые отношения, суд в силу статей 55, 59 и 60 ГПК РФ вправе принимать любые средства доказывания, предусмотрен-

¹ Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с заключением трудового договора : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.04.2022 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 6.

² О применении судами законодательства, регулирующего труд работников, работающих у работодателей — физических лиц и у работодателей — субъектов малого предпринимательства, которые отнесены к микропредприятиям : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2018 № 15 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ные процессуальным законодательством. К таким доказательствам, в частности, могут быть отнесены письменные доказательства (например, оформленный пропуск на территорию работодателя; журнал регистрации прихода — ухода работников на работу; документы кадровой деятельности работодателя: графики работы (сменности), графики отпусков, документы о направлении работника в командировку, о возложении на работника обязанностей по обеспечению пожарной безопасности, договор о полной материальной ответственности работника; расчетные листы о начислении заработной платы, ведомости выдачи денежных средств, сведения о перечислении денежных средств на банковскую карту работника; документы хозяйственной деятельности работодателя: заполняемые или подписываемые работником товарные накладные, счета-фактуры, копии кассовых книг о полученной выручке, путевые листы, заявки на перевозку груза, акты о выполненных работах, журнал посетителей, переписка сторон спора, в том числе по электронной почте; документы по охране труда, как то: журнал регистрации и проведения инструктажа на рабочем месте, удостоверения о проверке знаний требований охраны труда, направление работника на медицинский осмотр, акт медицинского осмотра работника, карта специальной оценки условий труда; свидетельские показания, аудио- и видеозаписи и др.

Судебные инстанции оставили без внимания и то обстоятельство, что работник (в данном случае Р.) является слабой стороной в трудовом правоотношении, оригиналы документов находятся в распоряжении общества, не представившего суду доказательств отсутствия трудовых отношений с истцом и не опровергнувшего доводы истца о наличии между ними трудовых отношений.

Кроме того, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отметила, что вопреки положениям статей 15, 16, 56, ч. 2 ст. 67 ТК РФ, по смыслу которых наличие трудового правоотношения презюмируется, если работник, с которым не оформлен трудовой договор в письменной форме, приступил к работе и выполняет ее с ведома или по поручению работодателя или его представителя и в интересах работодателя, под его контролем и управлением, а обязанность по надлежащему оформлению трудовых отношений законом возложена на работодателя, суды первой и апелляционной инстанций неправильно распределили обязанность по доказыванию юридически значимых обстоятельств по делу, освободив работодателя от представления доказательств отсутствия трудовых отношений и воз-

ложив бремя доказывания факта наличия трудовых отношений исключительно на работника Р.

Э.Н. Бондаренко справедливо отмечено, что трудовой договор может породить только трудовое правоотношение, в то время как последнее может возникать не только из трудового договора [1, с. 25]. При этом законодателем предусмотрена дополнительная защита прав работников посредством закрепления в ТК РФ нормы о том, что трудовые отношения возникают не только на основании подписанного договора, но и в связи с фактическим допуском лица к работе работодателем или уполномоченным им лицом. В этой связи рассмотрим материалы практики.

Следственное управление Следственного комитета России по Саратовской области в рамках расследования уголовного дела, возбужденного в феврале 2018 года по ч. 2 ст. 143 Уголовного кодекса РФ по факту нарушения правил охраны труда, назначило проведение криминалистической судебной экспертизы исследования документов. Перед экспертом (автором данной статьи) был поставлен вопрос: имелись ли за период с 2016 по 2017 год трудовые отношения между Ч. и ООО «В.»? Следствием было установлено, что в декабре 2017 года Ч. в интересах ООО «В.» без оформления трудового договора и проведения инструктажа, в отсутствие средств индивидуальной защиты выполнял работы по прокладке кабеля, в ходе которых упал с высоты, получил травму и был доставлен в медицинское учреждение, где скончался. В материалах уголовного дела отсутствуют какие-либо материалы, доказывающие желание самого Ч. работать в ООО без оформления трудовых отношений. По показаниям потерпевшей (жены погибшего) Ч. работал в ООО, чтобы обеспечить семью, несмотря на то, что официально не оформлялись трудовые отношения и не выдавались средства индивидуальной защиты. Указанная информация может свидетельствовать о вынужденном желании работника согласиться с теми условиями труда, которые были установлены работодателем. В содержащихся в материалах уголовного дела документах имеется информация о том, что Ч. выполнял определенные работы в интересах ООО. Среди них: акт сдачи-приемки услуги связи, в котором имеется подписи и расшифровки подписей «Работу сдал. Работу принял»; протоколы допросов свидетелей. Фамилия Ч. содержится в других документах, подтверждающих его правовой статус работника ООО: в письме в ООО «Ц», содержащем информацию о составе бригады с указанием ФИО и паспортных данных, в заявке на допуск подрядной организа-

ции, в которой указаны подрядчик — ООО «В.» и ФИО сотрудников. Внесение Ч. в состав бригады — это интегрированность работника в организационную структуру работодателя, что является признаком существования трудового правоотношения. Поручение определенной работы Ч. руководством ООО «В.» подтверждается заявками на допуск подрядной организации в апреле, августе, октябре, ноябре 2017 года, в которых не только указаны фамилии Ч. и других работников, но и названы вид осуществляемой работы: монтаж линии связи, монтаж кабеля, а также время осуществления работ: с 22.00 до 10.00.

Как указывается в постановлении Пленума ВС РФ № 15, к характерным признакам трудовых отношений относится подчинение работника действующим у работодателя правилам внутреннего трудового распорядка, графику работы (сменности) (п. 17).

Для ответа на поставленный перед экспертом вопрос необходимо было провести всесторонний комплексный анализ материалов, характеризующих процесс оформления трудовых договоров, документирования трудовых правоотношений, оформления приема на работу и других работников ООО «В.», фамилии которых указаны в заявках о допуске подрядной организации ООО «В.» вместе с Ч. Так, в результате сопоставления информации, содержащейся в материалах данного уголовного дела, можно констатировать, что в 2017 году имелись факты уклонения ООО «В.» от оформления трудовых договоров с работниками. Такой вывод вытекает из анализа трудовых договоров некоторых работников, актов сдачи-приемки услуг связи, заявок на допуск подрядной организации ООО «В.». Например, в журнале регистрации противопожарных инструктажей при производстве строительно-монтажных работ расписывались лица, ответственные за безопасное выполнение работ. Сверив даты, экспертом был сделан вывод, что ответственный за противопожарную безопасность работник в этот период не был официально принят на работу в ООО «В.». Из показаний свидетелей по делу — врача и фельдшера скорой медицинской помощи — следует, что сопровождающие Ч. лица были одеты в рабочие костюмы (комбинезоны синего цвета).

Вышеизложенные и другие факты позволили эксперту заключить, что Ч., несмотря на то, что приступил к работе без оформления трудового договора, на момент получения травмы имел статус работника ООО «В.».

Государственная инспекция труда в Саратовской области в своем письме сообщала, что по результатам рассмотрения представленных следователем материалов уголовного дела в

действиях работодателя ООО «В.» усматриваются признаки фактического привлечения Ч. к работе с ведома или по поручению работодателя. Государственная инспекция труда не является органом, рассматривающим индивидуальные трудовые споры; сфера ее компетенции — государственный надзор за соблюдением трудового законодательства. В этой связи Государственная инспекция труда не обладает полномочиями по признанию возникших отношений трудовыми. Признание отношений трудовыми осуществляется судом, являющимся в соответствии со ст. 382 ТК РФ органом, рассматривающим индивидуальные трудовые споры, после всестороннего, полного и объективного исследования имеющихся в деле доказательств.

Трудовые отношения возникают между работником и работодателем на основании трудового договора, заключаемого ими в соответствии с ТК РФ. Трудовые отношения между работником и работодателем возникают также на основании фактического допущения работника к работе с ведома или по поручению работодателя или его уполномоченного на это представителя в случае, когда трудовой договор не был надлежащим образом оформлен (ч. 3 ст. 16 ТК РФ). Иными словами, трудовые отношения могут возникнуть не только из трудового договора. Данная норма представляет собой дополнительную гарантию для работников, приступивших к работе с разрешения уполномоченного должностного лица без заключения трудового договора в письменной форме, и призвана устранить неопределенность правового положения таких работников (п. 3 определения Конституционного Суда РФ от 19.05.2009 № 597-О-О).

Верховный Суд РФ в уже упомянутом Обзоре судебной практики от 27 апреля 2022 г. подчеркнул, что неоформление трудового договора в письменной форме работодателем, фактически допустившим работника к работе, нарушает фундаментальное право на труд и взаимосвязанные с ним социально-трудовые права (на справедливую оплату труда, на отдых, на социальное обеспечение), что является основанием для взыскания с работодателя в пользу работника компенсации морального вреда (п. 19).

В докладе по правоприменительной практике федерального государственного надзора в сфере труда в Саратовской области в 2022 году, как и в предыдущие годы, обращено внимание на вопросы легализации трудовых отношений. Из отчета Государственной инспекции труда за 2022 год следует, что в Государственную инспекцию труда в Саратовской области поступило 4 553 обращения граждан о нарушении

их трудовых прав, из которых 1 723 обращения касались вопросов оплаты труда, 306 обращений были по вопросам оформления трудовых отношений, и др.

Практическими работниками Государственной инспекции труда в Саратовской области высказаны предложения о необходимости изменения в КоАП РФ санкций за ненадлежащее оформление трудового договора с работниками либо увеличения штрафных санкций за незаконное трудовых договоров¹. Предлагается также предусмотреть механизм возмещения убытков, которые понесли работники и государство. Например, работодателю, у которого выявлена неформальная занятость, необходимо произвести обязательные выплаты в Социальный фонд РФ и в налоговые органы за три месяца из расчета заработной платы в размере МРОТ. Формулируется предложение о необходимости ввести ответственность за дачу ложных показаний работника и работодателя в ходе проверочных мероприятий инспекции труда или мероприятий комиссии по выявлению неформальной занятости (когда работники и работодатель дают показания, что работник работает 1 день, поэтому трудовой договор в письменной форме не оформлен). По легализации трудовых отношений представляется необходимым изменить порядок организации проверок по вопросу неформальной занятости, т. е. следует внести изменения в Федеральный закон от 21.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации», установив возможность проведения внеплановых выездных проверок без предварительного согласования с органами прокуратуры и без предварительного уведомления контролируемого лица, а в случае уклонения контролируемого лица от проведения проверки — возможность ее проведения в его отсутствие.

Незаконное оформление трудового договора и невыплата заработной платы создают обстоятельства, разрушающие нормальные общественные отношения. Так, работник, лишенный источника средств к существованию, особенно в случаях, когда заработная плата является един-

ственным источником дохода, не может обеспечить нормальную жизнедеятельность, приобретать продукты питания, лекарственные препараты для себя и членов семьи, оплачивать коммунальные услуги и т. п.

В научной литературе высказано мнение о целесообразности отнесения правонарушений работодателя, связанных с незаконным оформлением трудового договора и несвоевременной выплатой заработной платы, к деяниям, которые несут угрозу жизни и здоровью работников. В этой связи предлагается указать в постановлении Правительства РФ от 10.03.2022 № 336 «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора)»² новое основание для проведения внеплановой проверки: «Факт неоформления трудовых отношений или подмена трудовых отношений договором гражданско-правового характера» [5, с. 140]. Как считает А.Д. Полтавский, угроза жизни и здоровью работника вследствие неоформления трудовых отношений, равно как и подмена трудовых отношений гражданско-правовым договором, презюмируется законодателем [5, с. 140].

Об актуальности проблемы уклонения работодателя от оформления трудового договора с работником свидетельствуют Перечень поручений Президента Российской Федерации по вопросу снижения уровня неформальной занятости и легализации трудовых отношений в субъектах Российской Федерации³, а также План мероприятий по снижению уровня теневой занятости и легализации трудовых отношений на 2022—2024 годы, утвержденный на заседании Межведомственной рабочей группы по вопросу восстановления рынка труда⁴.

Список литературы

1. Бондаренко Э.Н. Основания возникновения трудовых правоотношений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Э.Н. Бондаренко. М., 2004. 46 с.
2. Григорьева Л. Подтверждение факта работы и факта заработной платы. Возможности злоупотреблений со стороны работника и работодателя, защита своих прав в суде / Л. Григорьева // Трудовое право. 2015. № 7. С. 35—44.

¹ Отчет о проделанной работе Государственной инспекции труда в Саратовской области за 2022 год // Государственная инспекция труда по Саратовской области : [сайт] — URL: <https://git64.rostrud.ru/> (дата обращения):

² Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля : постановление Правительства РФ от 10.03.2022 № 336 (в ред. от 02.09.2022.) // Собрание законодательства РФ. 2022. № 11. Ст. 1715.

³ Перечень поручений по итогам заседания Совета по стратегическому развитию и национальным проектам: утв. Президентом РФ 05.08.2021 № Пр-1383 // Президент Российской Федерации : [сайт] — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/66395> (дата обращения: 20.08.2023).

⁴ О направлении Методических рекомендаций по организации органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации работы по снижению уровня теневой занятости и легализации трудовых отношений в субъектах Российской Федерации : письмо Роструда от 17.01.2022 № 46-ПР // Законы, кодексы и нормативные правовые акты РФ : [сайт] — URL: <https://legalacts.ru/doc/pismo-rostruda-ot-17012022-n-46-pr-o-napravlenii-metodicheskikh/> (дата обращения: 20.08.2023).

3. Колобова, С.В. Факт трудовых отношений устанавливается в суде / С.В. Колобова // Современное право. 2014. № 6. С. 79—84.

4. Колобова, С.В. Некоторые вопросы регулирования трудовых отношений / С.В. Колобова // Гражданин и право. 2016. № 6. С. 57—62.

5. Полтавский А.Д. Понятие угрозы жизни и здоровья в трудовом праве // Право и правоприменение в сфере труда и социального обеспечения: современные реалии и тенденции развития : сб. ст. по мат-лам IV Междунар. науч.-практ. конф. (Саратов, 9 декабря 2022 г.). Саратов : СГЮА, 2023. С. 140.

References

1. Bondarenko E.N. Grounds for the emergence of labor relations: author's abstract. dis. ... dr. legal sciences / E.N. Bondarenko. M., 2004. 46 p.

2. Grigorieva L. Confirmation of the fact of work and the fact of salary. Possibilities of abuse by the employee and employer, protection of one's rights in court // Labor Law. 2015. No. 7, pp. 35-44.

3. Kolobova, S.V. The fact of labor relations is established in court / S.V. Kolobova // Modern law. 2014. No. 6, pp. 79-84.

4. Kolobova, S.V. Some issues of regulation of labor relations / S.V. Kolobova // Citizen and Law. 2016. No. 6, pp. 57-62.

5. Poltavsky A.D. The concept of a threat to life and health in labor law // Law and law enforcement in the field of labor and social security: modern realities and development trends: collection. Art. based on materials of the IV International. scientific-practical conf. (Saratov, December 9, 2022). Saratov: SGYA, 2023. P. 140.

Legal Liability for Evasion from Registration of an Employment Contract: Problems of Law Enforcement

Kolobova S.V.,

Assoc. Prof. of Dept. of Service and Labor Law
at Stolypin Volga Region Institute of Administration
of Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Cand. in Law
Russia, Saratov
Kolobovapags@mail.ru

The article discusses some issues of bringing to administrative responsibility for evasion from registration or improper registration of an employment contract; issues of reducing the level of informal employment and legalization of labor relations. Attention is drawn to the fact that the obligation to properly formalize an employment contract is imposed by law on the employer. It is concluded that, guided by economic benefits, employers often ignore compliance with the requirements of Articles 16, 67 of the Labor Code of the Russian Federation, as a result of which employees are actually deprived of the right to receive guarantees provided for by labor legislation. The presentation of the theoretical provisions is supported by the materials of judicial practice. The article states that the legislator provides for additional protection of workers' rights by fixing in the Labor Code of the Russian Federation the norm that labor relations arise not only on the basis of a signed employment contract, but also in connection with the actual admission of a person to work by the employer.

Keywords: employment contract, labor relations, administrative responsibility, violation of labor legislation, informal employment, admission to work.

DOI 10.25799/NI.2023.86.36.016

УДК 347.9:343.13

О справедливом судебном разбирательстве в науке и процессуальном законодательстве

И.В. Воронцова,

доктор юридических наук, доцент, зав. кафедрой
гражданского процессуального права Казанского филиала
Российского государственного университета правосудия,
профессор кафедры гражданского процесса
Саратовской государственной юридической академии
Россия, Казань, Саратов
odiv@mail.ru

Г.Н. Ахметзянова,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры
гражданского процессуального права Казанского филиала
Российского государственного университета правосудия
Россия, Казань
axmetzanova_gula@mail.ru

С.Р. Гафурова,

преподаватель кафедры
гражданского процессуального права Казанского филиала
Российского государственного университета правосудия
Россия, Казань
Svgafrap@mail.ru

Основываясь на научной доктрине, а также на уголовном, административном, арбитражном и гражданском процессуальном законодательстве, авторы рассматривают понятие «справедливость» и делают вывод о необходимости единообразия в понимании данной категории. Авторы приводят основные точки зрения относительно понятия «справедливость». Опираясь на определение понятия «справедливость» в юридической энциклопедии, они приходят к выводу о том, что справедливость в юриспруденции необходимо понимать в первую очередь как правовую категорию. Обращаясь к положениям УПК РФ, АПК РФ, КАС РФ и ГПК РФ, авторы отмечают различное использование категории «справедливость» в терминологии процессуальных кодексов, в связи с чем делают вывод о необходимости унификации использования данного понятия в процессуальном законодательстве.

Ключевые слова: справедливость, справедливое судебное разбирательство.

Научная дискуссия относительно понятия «справедливое судебное разбирательство», несмотря на множество мнений о его содержании, актуальна по сей день [1; 5; 6; 9; 13; 14].

Ю.В. Самович считает, что требования к справедливости могут изменяться в зависимости от конкретных обстоятельств по делу, от характера спора (гражданский, уголовный) [10, с. 253].

Как совершенно верно отметил П.М. Морхат, учитывая, что субъектами общественных отношений выступают не только отдельные индивиды, но и их объединения и государство, становится ясно, что эти виды отношений могут регулироваться только правом. Если же мы за ним уже заранее отрицаем возможность достижения справедливости и не снабжаем правоприменительную практику таким критерием, как справедливость, то тем самым соглашаемся, что отношения человека с государством, юридических лиц друг с другом и госу-

дарством справедливыми быть не могут в принципе [7, с. 5—7].

Е.Л. Меншутина право на справедливое судебное разбирательство рассматривает в комплексе, указывая на то, что по своей структуре право на справедливое, беспристрастное и законное судебное разбирательство носит сложный комплексный характер, а также называет основные его элементы [4, с. 382—383].

По мнению А.С. Воробьева, справедливость — понятие не научное; это нравственно-правовая категория, которая не может быть охарактеризована однозначно, т. е. только как нравственная или только как правовая [2].

Сложно согласиться с данной точкой зрения по ряду причин.

В первую очередь, пожалуй, следует обратиться к одной из юридических энциклопедий [16], в которой справедливость предлагается понимать в двух значениях: 1) «процессуальная» справедливость. В этом смысле справед-

ливость относится к результату или решению, достигнутому благодаря правильно функционирующему механизму отправления закона. Именно это понимание справедливости традиционно символизирует фигура с мечом, весами и повязкой на глазах; 2) справедливость как апелляция к некоторому критерию или совокупности ценностей, которые считаются более высокими, чем те, что нашли воплощение в законе.

С учетом того, что в данной работе речь идет о справедливом судебном разбирательстве, т. е. исключительно как о правовой категории, необходимо обратиться к процессуальному законодательству.

В Уголовно-процессуальном кодексе РФ справедливость упоминается в ст. 297 «Законность, обоснованность и справедливость приговора»: «Приговор суда должен быть законным, обоснованным и справедливым».

В Кодексе административного судопроизводства РФ о справедливости речь идет в ст. 6 «Принципы административного судопроизводства» и ст. 9 «Законность и справедливость при рассмотрении и разрешении административных дел».

В пункте 3 ст. 2 Арбитражного процессуального кодекса РФ «Задачи судопроизводства в арбитражных судах» закреплено справедливое публичное судебное разбирательство в разумный срок независимым и беспристрастным судом.

Принцип справедливости буквально упоминается в ч. 3 ст. 206 Гражданского процессуального кодекса РФ «Решение суда, обязывающее ответчика совершить определенные действия».

Таким образом, мы видим, что по положениям УПК РФ справедливость — это требование, предъявляемое к приговору, по положениям КАС РФ — это принцип административного судопроизводства, по положениям АПК РФ — это задача судопроизводства в арбитражных судах. В положениях ГПК РФ устойчивое значение справедливости не содержится.

На наш взгляд, с учетом имеющихся положений процессуального законодательства, а также сложившейся доктрины, использование категории «справедливость» должно быть упорядочено с целью единообразного толкования.

При этом, как представляется, под «справедливым рассмотрением и разрешением гражданских дел» необходимо понимать:

1) право на доступ к суду и право на обращение в суд;

2) правильное рассмотрение дела;

3) рассмотрение дела независимым, беспристрастным и объективным судом, созданным на основании закона;

4) предоставление равных прав участникам судебного разбирательства;

5) право участников на представление суду доказательств, на их объективную допустимость и оценку;

6) публичность судебного разбирательства;

7) рассмотрение дела в разумный срок.

В связи с изложенным особый интерес представляет мнение Ю.А. Поповой, которая предлагает ст. 2 ГПК РФ изложить в следующей редакции: «Задачами гражданского судопроизводства является справедливое судебное разбирательство гражданских дел, проведенное в разумные сроки; постановление законного, обоснованного и справедливого судебного решения в целях защиты нарушенных прав, свобод и законных интересов» [8, с. 15].

Таким образом, на наш взгляд, целесообразно изложить первое предложение ст. 2 ГПК РФ в следующей редакции: «Задачей гражданского судопроизводства является справедливое публичное судебное разбирательство гражданских дел, проведенное в разумные сроки; постановление законного, обоснованного и справедливого судебного решения в целях защиты нарушенных прав, свобод и законных интересов».

Следует также упомянуть о международно-правовых стандартах в контексте исследуемого вопроса. Анализ и обобщение общепризнанных принципов и норм международного права, а также ранее сложившихся правовых позиций Европейского суда по правам человека, приводит к возможности выработки положений, которые следует считать международными стандартами правосудия по гражданским делам.

Международно-правовые стандарты выражаются в форме международного договора, международно-правового обычая, решения международной организации либо судебного решения, обеспечивают функционирование норм международного права и его отраслей, способствуют взаимосвязи национальных и международных норм [12, с. 82]. Что касается непосредственно стандартов отправления правосудия, то под ними понимают минимальный уровень условий, гарантируемый государством для эффективной реализации права на судебную защиту [3]. К элементам стандартов правосудия относят принципы правосудия; требования к государству по созданию условий действия этих принципов; субъективные права человека, связанные с осуществлением правосудия, и их гарантии; требования к деятельности органов, обеспечивающих доступность и отправление правосудия; правила судопроизводства; допустимые ограничения стандарта. При этом, как полагают Н.Н. Черногор и

Е.В. Медведев, стандарты правосудия обладают высшей юридической силой, прямым действием в государствах, принявших на себя соответствующие обязательства, особый механизм реализации, охраны и контроля [15].

Так, М.Е. Глазкова выделяет следующие стандарты, отвечающие признакам справедливости: независимость и беспристрастность суда; публичность разбирательства; разумность срока рассмотрения дела; разбирательство дела созданным на основании закона судом; недопустимость отмены или ограничения судебного контроля в отдельных сферах или в отношении отдельных категорий дел; доступ к суду; равные процессуальные возможности для участников процесса; соблюдение условий допустимости доказательств; мотивированность судебных актов; максимальное сокращение периода правовой неопределенности для лиц, чьи права нарушены; обеспечение исполнения окончательного судебного акта [3].

М.А. Филатова, проведя глубокую экспертизу частных проблем гражданского судопроизводства в практике Европейского суда по правам человека, разработала систему стандартов справедливого правосудия. В нее включаются: принцип процессуального равенства сторон; принцип состязательности; требование мотивированности судебного акта; недопустимость произвольной отмены вступивших в законную силу судебных решений; принцип правовой определенности; принцип равноправия сторон; надлежащее уведомление сторон о судебном заседании; открытость судебного заседания; доступ к материалам судебных дел; полнота протоколирования и открытость протоколов судебного заседания; запрет множественности инстанций по пересмотру вступивших в законную силу судебных решений; недопустимость отмены вступившего в законную силу судебного решения по протесту должностного лица в течение неограниченного срока; запрет отмены решений судов, влекущий ретроактивно ухудшение положения гражданина, выигравшего ранее спор с государством; окончательность судебных решений; право сторон располагать адекватным временем и возможностями для подготовки защиты; недопустимость неоправданных задержек судебного разбирательства; недопустимость оправдания неисполнения решения суда отсутствием ресурсов; недопустимость длительного неисполнения судебных решений и др. [11, с. 43—177].

Таким образом, имеющиеся положения процессуального законодательства, многообразие научных мнений и международно-правовые стандарты справедливого правосудия обязывают национального законодателя определить его единообразное восприятие, а судебные

органы — формировать практику в развитие этого института.

Список литературы

1. *Афанасьев, С.Ф.* Право на справедливое судебное разбирательство: общая характеристика и его реализация в российском гражданском судопроизводстве / С.Ф. Афанасьев. М. : Юрлитинформ, 2009.- 292 с.
2. *Воробьев, А.С.* Соотношение справедливости и права / А.С. Воробьев // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 11. С. 23—28.
3. *Глазкова, М.Е.* Применение европейских стандартов отправления правосудия в российском арбитражном процессе : монография / М.Е. Глазкова. М., 2012. 194 с.
4. *Гражданские права человека: современные проблемы теории и практики* / под ред. Ф.М. Рудинского (глава написана Е.Л. Меншутиной). М., 2006. С. 382—383.
5. *Громошина, Н.А.* О справедливости в гражданском процессе (читая А.Т. Боннера) / Н.А. Громошина // Вестник гражданского процесса. 2022. № 4. С. 38—48.
6. *Морхат, П.М.* Закон и справедливость: проблемы соотношения в деятельности судебной власти / П.М. Морхат // Вторые всероссийские Державинские чтения (Москва, 9-10 ноября 2006 г.) : сб. ст. : В 8 кн. Кн. 1 : Проблемы теории и истории государства и права / отв. ред. М.М. Рассолов. М., 2007. С. 241—244.
7. *Морхат, П.М.* Правовая справедливость судебной власти: теоретико-правовой аспект / П.М. Морхат // Российский судья. 2007. № 10. С. 5—7.
8. *Попова, Ю.А.* Совершенствование некоторых институтов гражданского процесса России в свете положений международных норм, принципов, договоров / Ю.А. Попова // Европейская интеграция и развитие гражданского процесса России. М., 2006. С. 7—16.
9. *Рабцевич, О.И.* Международно-правовое закрепление права на справедливое судебное разбирательство / О.И. Рабцевич // Международное публичное и частное право. 2003. С. 15—19.
10. *Самович, Ю.В.* К вопросу о праве индивида на справедливое судебное разбирательство (в контексте деятельности Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека) / Ю.В. Самович // Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры в практике конституционного правосудия: материалы Всероссийского совещания / под ред. М.А. Митюкова. М., 2004. С. 253.
11. *Стандарты справедливого правосудия (международные и национальные практики)* / [Воскобитова М.Р. и др.] ; под ред. Т.Г. Морщаковой. М. : Мысль, 2012. 582 с. (автор главы — М.А. Филатова).
12. *Тиунов, О.И.* Роль международно-правовых стандартов в регулировании взаимодействия международного и национального права / О.И. Тиунов // Журнал российского права. 2012. № 12. С. 69—83.

13. Туманова, Л.В. Некоторые вопросы обеспечения права на справедливое судебное разбирательство / Л.В. Туманова // Современная доктрина гражданского, арбитражного процесса и исполнительного производства: теория и практика : сб. науч. ст. СПб., 2004. С. 45—54.

14. Фетисов, А.К. Справедливость — принцип отправления правосудия. Часть первая: справедливость в ординарном процессе / А.К. Фетисов // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 4. С. 31—35.

15. Черногор Н.Н. Стандарт правосудия как теоретико-правовая категория / Н.Н. Черногор, Е.В. Медведев // Адвокат. 2012. № 10. С. 5—8.

16. Юридическая энциклопедия. 2015. (составитель неизвестен). — URL: <http://law.niv.ru/doc/encyclopedia/legal/index.htm> (дата обращения: 18.08.2023).

References

1. Afanasyev, S.F. The right to a fair trial: general characteristics and its implementation in Russian civil proceedings / S.F. Afanasiev. M.: Yurlitinform, 2009.- 292 p.

2. Vorobyov, A.S. Correlation of justice and law / A.S. Vorobiev // Current problems of Russian law. 2017. No. 11, pp. 23-28.

3. Glazkova, M.E. Application of European standards of administration of justice in the Russian arbitration process: monograph / M.E. Glazkova. M., 2012. 194 p.

4. Civil human rights: modern problems of theory and practice / ed. F.M. Rudinsky (chapter written by E.L. Menshutina). M., 2006, pp. 382-383.

5. Gromoshina, N.A. On justice in the civil process (reading A.T. Bonner) / N.A. Gromoshina // Bulletin of civil process. 2022. No. 4, pp. 38-48.

6. Morhat, P.M. Law and justice: problems of correlation in the activities of the judiciary / P.M. Morehart // Second All-Russian Derzhavin Readings (Moscow, November 9-10, 2006): collection. Art. : In 8 books. Book 1: Problems of the theory and history of state and law / rep. ed. MM. Rassolov. M., 2007, pp. 241-244.

7. Morhat, P.M. Legal justice of the judiciary: theoretical and legal aspect / P.M. Morehart // Russian judge. 2007. No. 10, pp. 5-7.

8. Popova, Yu.A. Improving some institutions of the civil process in Russia in the light of the provisions of international norms, principles, treaties / Yu.A. Popova // European integration and development of the civil process in Russia. M., 2006, pp. 7-16.

9. Rabtsevich, O.I. International legal consolidation of the right to a fair trial / O.I. Rabtsevich // International public and private law. 2003, pp. 15-19.

10. Samovich, Yu.V. On the issue of an individual's right to a fair trial (in the context of the activities of the Constitutional Court of the Russian Federation and the European Court of Human Rights) / Yu.V. Samovich // Generally recognized principles and norms of international law and international treaties in the practice of constitutional justice: materials of the All-Russian Conference / ed. M.A. Mityukova. M., 2004. P. 253.

11. Standards of fair justice (international and national practices) / [Voskobitova M.R. and etc.] ; edited by T.G. Morshchakova. M.: Mysl, 2012. 582 p. (author of the chapter – M.A. Filatova).

12. Tiunov, O.I. The role of international legal standards in regulating the interaction of international and national law / O.I. Tiunov // Journal of Russian Law. 2012. No. 12, pp. 69-83.

13. Tumanova, L.V. Some issues of ensuring the right to a fair trial / L.V. Tumanova // Modern doctrine of civil, arbitration process and enforcement proceedings: theory and practice: collection. scientific Art. St. Petersburg, 2004, pp. 45-54.

14. Fetisov, A.K. Fairness is the principle of administration of justice. Part One: Fairness in the Ordinary Process / A.K. Fetisov // Arbitration and civil process. 2023. No. 4, pp. 31-35.

15. Chernogor N.N. Standard of justice as a theoretical and legal category / N.N. Chernogor, E.V. Medvedev // Lawyer. 2012. No. 10, pp. 5-8.

16. Legal encyclopedia. 2015. (compiler unknown). — URL: <http://law.niv.ru/doc/encyclopedia/legal/index.htm> (access date: 18.08.2023).

On Fair Trial in Science and Procedural Legislation

Vorontsova I.V.,

Doct. in Law, Assoc. Prof., Head of Dept. of Civil Procedural Law
at Kazan Branch of Russian State University of Justice,
Assoc. Prof. of Dept. of Civil Procedure at Saratov State Law Academy
Russia, Kazan, Saratov
odiv@mail.ru

Akhmetzyanova G.N.,

Cand. in Law, Assoc. Prof. of Dept. of Civil Procedural Law
at Kazan Branch of Russian State University of Justice
Russia, Kazan
axmetzanova_gula@mail.ru

Gafurova S.R.,

Lecturer of Dept. of Civil Procedural Law
at Kazan Branch of Russian State University of Justice
Russia, Kazan
Svgafrap@mail.ru

Based on scientific doctrine, as well as on criminal, administrative, arbitration and civil procedural legislation, the authors consider the concept of «justice» and conclude that there is a need for uniformity in understanding this category. The article contains the authors' main points of view that relate to the concept of «justice». Further, referring to the legal encyclopedia and starting from the definition contained in it, the authors come to the conclusion that justice in jurisprudence must be understood primarily as a legal category. Further, referring to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation, the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation and the Code of Civil Procedure of the Russian Federation, the authors note the different use of «justice» in legal terminology, and therefore conclude that it is necessary to unify the use of this concept in procedural legislation.

Keywords: justice, a fair trial.

DOI 10.25799/NI.2023.74.50.017

УДК 347.9:004.6

Современные информационные технологии в арбитражном судопроизводстве и дальнейшие пути их развития

Р.Р. Коновалов,

старший преподаватель кафедры
гражданского процессуального права
Казанского филиала ФГБОУВО «Российский
государственный университет правосудия»,
судья Арбитражного суда Республики Татарстан в отставке
Россия, Казань
igt757arbitr1@gmail.com

Статья посвящена проблемам внедрения и развития информационных технологий в арбитражном процессе. Подробно отражены используемые информационные сервисы и предоставляемые ими новые технические возможности. Активное внедрение информационных технологий в арбитражный процесс значительно повысило уровень доступности и открытости правосудия. Автором сформулированы предложения по оптимизации работы суда и снижению имеющейся нагрузки с учетом применяемых информационных технологий. Внедрение электронных сервисов правосудия способно значительно ускорить процесс судопроизводства, а также сократить расходы участников дела, обусловленные необходимостью физического присутствия сторон. Рассмотрены возникающие проблемы, а также дальнейшие пути развития ИТ-технологий в современном арбитражном процессе в целях оптимизации процедур судопроизводства, облегчения доступа к судебной процедуре сторонам судебного разбирательства.

Ключевые слова: информационные технологии и электронные сервисы, судебная нагрузка, облегчение доступа к правосудию, повышение эффективности рассмотрения судебных споров.

Одними из основных задач Программы «Развитие судебной системы России на 2013—2020 годы» (с учетом внесенных изменений срок действия Программы продлен до 2024 года) были определены повышение качества правосудия и эффективности рассмотрения судебных споров, обеспечение доступности и открытости правосудия, формирование стабильной и единообразной судебной практики, повышение авторитета судебной власти, создание условий для конкурентоспособности российской судебной системы в международном сообществе¹.

Указом Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»² были поставлены, в частности, задачи ускорения технологического развития Российской Федерации; обеспечения ускоренного внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере; создания устойчивой и безопасной информационно-телекоммуникационной инфраструктуры высокоскоростной передачи, обработки и хранения больших объемов данных и т. д.

Во исполнение поставленных задач был принят целый ряд законодательных изменений, направленных на использование современных информационных технологий в арбитражном процессе, что существенным образом

видоизменило арбитражный процесс, позволило ему стать более доступным и удобным для сторон судебного разбирательства.

Активное внедрение информационных технологий в арбитражный процесс привело к повышению уровня доступности и открытости правосудия, повысило эффективность рассмотрения судебных споров, способствовало формированию стабильной и единообразной судебной практики.

Печальный опыт ограничений и запретов, введенных в период пандемии коронавирусной инфекции, доказал жизненную необходимость таких преобразований.

Информатизация судебных систем путем внедрения современных ИТ-технологий является сегодня одним из наиболее эффективных способов повышения уровня доступности и качества правосудия в мире [1].

Внедрение электронных сервисов правосудия способно значительно ускорить процесс судопроизводства, повысить уровень открытости судебной системы, облегчить доступ граждан и бизнеса к судебной процедуре через сокращение расходов, обусловленных необходимостью физического присутствия сторон.

Основными преимуществами информационных сервисов арбитражного судопроизводства можно назвать следующие.

¹ Федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2013—2024 годы» (в ред. от 20.10.2022 № 1873) // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт] — URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102162102162740> (дата обращения: 10.08.2023).

² Президент Российской Федерации : [сайт] — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (10.08.2023).

1. Проведение судебных заседаний посредством видео-конференц-связи в режиме онлайн, для чего необходимо направить в суд ходатайство через сервис «Мой арбитр». При этом, согласно Арбитражному процессуальному кодексу РФ, стороне, отправившей ходатайство, в любом случае необходимо присутствие в суде для идентификации ее личности и безопасности средств коммуникации, т. е. применяется принцип связи «суд с судом».

Однако сейчас стало возможным проведение веб-заседаний (онлайн-заседаний) из любого места, поскольку в условиях пандемии коронавирусной инфекции арбитражные суды были вынуждены искать новые возможности осуществления правосудия. Введенные ограничения не позволяли сохранить действующий порядок проведения судебных заседаний, в связи с чем стал доступен совершенно новый формат — формат онлайн-заседания [2].

Сейчас уже практически во всех арбитражных судах реализована возможность проведения судебного онлайн-заседания с использованием информационной системы «Картотека арбитражных дел». В таких заседаниях, подав ходатайство, могут принять участие только пользователи с учетной записью, подтвержденной в единой системе идентификации. При этом обеспечение информационной безопасности и разработка надлежащей аутентификации участников процесса является крайне важной, поскольку возникают риски недостаточной надежного установления личности участника судебного заседания, риски вмешательства посторонних лиц, нарушения конфиденциальности заседания. При этом нельзя впадать в другую крайность, предъявляя избыточные требования к законодательному оформлению такой процедуры.

2. Аудиопротоколирование судебного заседания позволяет достоверно отражать весь ход судебного заседания и уменьшить количество претензий (замечаний) к протоколу судебного заседания. Наличие аудиопротокола дает возможность суду и сторонам прослушать и проанализировать ход судебного заседания, надлежащим образом подготовиться к следующему судебному заседанию, не упустить какие-либо ходатайства или доводы.

При этом представляется целесообразным поставить вопрос об отмене необходимости составления бумажного протокола судебного заседания при наличии аудиопротоколирования судебного заседания, что может облегчить работу аппарата суда.

3. Подача в электронном виде различных документов (исковых заявлений, ходатайств, заявлений и т. д.) через информационные сервисы и системы, например «Мой арбитр».

Участникам спора просто необходимо предварительно авторизоваться через портал «Государственные услуги» (ЕСИА) или пройти регистрацию в сервисе. При этом дополнительную нагрузку для сотрудников аппарата суда создает необходимость распечатывания значительного объема направляемых документов.

С целью разрешения данного вопроса необходимо ввести дополнительные вакансии в канцеляриях судов для выполнения этой технической работы, поскольку на практике в настоящее время это ложиться на плечи работников судебного отдела, в чей адрес направлены документы.

Кроме того, возникает проблема «задвоивания» документов, направляемых через электронные сервисы и посредством почтовой связи. Разумным будет внести соответствующие изменения в порядок направления документов в суд и рекомендовать сторонам в обязательном порядке при дублировании направления документов по почте указывать факт направления этих документов ранее через электронные сервисы с указанием номера дела и т. д. В противном случае возникает необходимость либо удалять из информационной базы суда «задвоенный» зарегистрированный документ, либо уже на стадии рассмотрения заявления принимать процессуальное решение об оставлении иска без рассмотрения в порядке ст. 148 АПК РФ.

4. Электронное ознакомление с доказательствами и материалами дела через информационные сервисы и системы, например «Мой Арбитр». При этом в настоящее время данная возможность в основном реализована в отношении дел, рассматриваемых в порядке упрощенного производства, либо документов, поступивших в суд через электронные сервисы. Представляется целесообразным распространение такой возможности и на иные категории рассматриваемых дел, что потребует дополнительных расходов на сканирование всех документов, которые поступают в суд не через электронные сервисы (поэтапный переход к электронному делу). При этом положительный эффект проявится в последующем в экономии времени сторон и работников суда на ознакомление с материалами дела.

5. Электронное ознакомление с полными текстами решений суда, за исключением дел, содержащих сведения, составляющие государственную тайну.

Таким образом, вышеперечисленные сервисы, используемые в арбитражных судах, позволяют в дистанционном режиме полноценно рассматривать любые дела [3].

В настоящее время в арбитражном правосудии используются и другие информационные системы и сервисы:

1) сервис «Картотека арбитражных дел», в которой сведения представляются пользователю в виде карточки судебного дела, имеющей уникальный номер, присвоенный в арбитражном суде первой инстанции. Карточка в хронологическом порядке отображает информацию о поданных заявлениях, ходатайствах, жалобах и т. д.;

2) система «Календарь судебных заседаний», позволяющая ознакомиться с информацией обо всех предстоящих или прошедших судебных заседаниях за определенный период по конкретному судье или суду в целом;

3) система «Электронный страж», которая помогает отслеживать информацию о назначенных или перенесенных судебных заседаниях, новых документах или событиях по делу. Пользователь оформляет подписку на обновления конкретного дела, которые отображаются на сайте, а также приходят ему на электронную почту.

При этом в арбитражных судах внедрено автоматизированное распределение дел между судьями, а также подписание судебных актов судьей электронной цифровой подписью.

Таким образом, современные информационные технологии предоставляют новые возможности, в том числе и при осуществлении правосудия. Ситуация, связанная с пандемией коронавируса, показала со всей очевидностью необходимость активного внедрения и использования цифровых технологий во всех сферах нашего общества, в том числе и в сфере осуществления правосудия.

Информационные сервисы и системы в арбитражных судах Российской Федерации демонстрируют высокие темпы развития, способствующие ускорению процесса судопроизводства, облегчению доступа к судебной процедуре сторонам судебного разбирательства.

Ярким примером положительного влияния информационных технологий, которые позволили снизить судебную нагрузку и ускорить процесс судопроизводства, является процедура рассмотрения дел в порядке упрощенного производства. В этой связи необходимо максимально расширить перечень дел, подлежащих рассмотрению в порядке упрощенного производства, причем не только в связи с предлагаемым увеличением верхней границы цены иска, но также и путем добавления новых категории дел и судебных споров (например, фактически бесспорных требований налоговых органов и кредитных организаций в рамках дел о банкротстве и т. д.).

Перед судебной системой сейчас ставятся новые задачи применения информационных технологий: отказ от бумажного оборота и переход к электронному делу, создание электронных архивов и т. д.¹

Передовой опыт, выработанный в системе арбитражных судов, находит применение в развитии информационных технологий в системе судов общей юрисдикции. Так, по поручению Председателя Верховного Суда РФ Вячеслава Лебедева 20 июля 2023 г. состоялось совещание по вопросам расширения доступа граждан к правосудию с использованием цифровых технологий, в том числе развития суперсервиса «Правосудие онлайн». Участники совещания обсудили опыт использования цифровых технологий, в том числе в судах Москвы, Санкт-Петербурга и Московской области, а также перспективы его распространения в других субъектах.

При этом выявляется ряд проблем, которые требуют решения как на законодательном уровне, так и путем совершенствования информационных технологий и технических решений. В частности, события последнего времени продемонстрировали новые риски и угрозы: интернет-атаки на сайты судов, в результате которых их функционирование было затруднено, блокировка каналов российских органов власти на некоторых интернет-ресурсах и ответное введение Роскомнадзором ограничений на их деятельность в России, и т. д.

В свою очередь активное развитие новых информационных технологий поднимает в обществе дискуссию о возможности применения искусственного интеллекта в правосудии.

В этой связи абсолютно закономерным является то, что в целях усиления роли науки и технологий в решении важнейших задач развития общества и страны Президент РФ 25 апреля 2022 г. подписал указ № 231 об объявлении 2022—2031 годов в Российской Федерации Десятилетием науки и технологий², который включает в себя комплекс мероприятий, направленных на усиление роли науки и технологий в решении важнейших задач развития общества и государства. Объявление Десятилетия науки и технологий в Российской Федерации свидетельствует о большом внимании, которое уделяется развитию информационных и коммуникационных технологий на государственном уровне и, безусловно, будет способствовать развитию информационных технологий, в том числе в арбитражном судопроизводстве.

¹ Концепция информатизации Верховного Суда Российской Федерации : утв. приказом Председателя Верховного Суда РФ от 15.02.2021 № 9-П // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия науки и технологий : указ Президента РФ от 25.04.2022 № 231 // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт] — URL¹ <http://pravo.gov.ru/>, 25.04.2022

Список литературы

1. Информационные технологии в правосудии: состояние и перспективы. Россия и мир : аналитический доклад. / [А.В. Кашанин, А.Б. Козырева Н.А. Курносова, Д.В. Малов] ; отв. ред.: А.В. Кашанин. М., 2020 // Центр развития современного права : [сайт] — URL: www.crsp.rf

2. Новикова, К. С. Цифровые новации и элементы электронного правосудия в арбитражном судопроизводстве в период распространения коронавирусной инфекции / К. С. Новикова // Образование и право. 2020. № 4. С. 240—244.

3. Ревков, В.С. Информационные сервисы в арбитражных судах / В.С. Ревков, В.С. Рухтина // Вопросы российской юстиции. 2021. № 15. С. 853—859.

References

1. Information technologies in justice: state and prospects. Russia and the world: analytical report. / [A.V. Kashanin, A.B. Kozyreva N.A. Kurnosova, D.V. Malov] ; resp. ed.: A.V. Kashanin. M., 2020 // Center for the Development of Modern Law: [website]-URL: www.tsrsp.rf

2. Novikova, K. S. Digital innovations and elements of electronic justice in arbitration proceedings during the spread of coronavirus infection / K.S. Novikova // Education and Law. 2020. No. 4, pp. 240-244.

3. Revkov, V.S. Information services in arbitration courts / V.S. Revkov, V.S. Rukhtina // Issues of Russian justice. 2021. No. 15, pp. 853-859.

Modern Information Technologies in Arbitration Proceedings and Further Ways of their Development

Konovalov R.R.,

Senior Lecturer of Dept. Civil Procedural Law
at Kazan Branch of Russian State University of Justice,
Retired Judge of the Arbitration Court of the Republic of Tatarstan
Russia, Kazan
igt757arbitr1@gmail.com

The article is devoted to the problems of introduction and development of information technologies in the arbitration process. The information services used and the new technical capabilities provided by them are reflected in detail. The active introduction of information technologies into the arbitration process has significantly increased the level of accessibility and openness of justice. The author of the article formulated proposals to optimize the work of the court and reduce the existing workload, taking into account the information technologies used. The introduction of electronic justice services can significantly speed up the judicial process, as well as reduce the costs of participants in the case due to the need for the physical presence of the parties. The emerging problems are considered, as well as further ways of developing IT technologies in the modern arbitration process in order to optimize the procedures of legal proceedings, facilitate access to the judicial procedure to the parties to the proceedings.

Keywords: information technologies and electronic services, judicial burden, facilitating access to justice, improving the efficiency of judicial disputes.

Нормативно-правовое регулирование оборота одурманивающих веществ

Е.Е. Хохлов,

преподаватель кафедры подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка и подразделений по вопросам миграции Центра подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка ВПК МВД России, майор полиции
Россия, Москва
Ehohlov1000@mail.ru

Продолжающаяся бесконтрольная торговля одурманивающими веществами, в частности закисью азота («веселящий газ»), в том числе при помощи ресурсов сети Интернет с доменами .RU (<https://msk.hochugaza.ru/>, <https://s1.gazmskazot.ru/>, <https://24coolgas.ru/> и др.) оказывает негативное влияние на социальное поведение граждан России. Нахождение в состоянии опьянения после употребления одурманивающих веществ приводит к различным неблагоприятным последствиям. Такие последствия могут затрагивать не только потребителя, но и окружающих людей. Часто в состоянии опьянения от одурманивающих веществ люди совершают административные правонарушения и даже преступления с летальным исходом. В связи с этим регулирование оборота одурманивающих веществ и совершенствование нормативной правовой базы в этой сфере должны постоянно находиться на контроле органов государственной власти и быть в приоритете исследований научных и образовательных организаций.

Ключевые слова: одурманивающие вещества, опьянение, правонарушение, список одурманивающих веществ, государственный контроль.

Глобальное исследование наркотиков 2021 года (2021 Global Drug Survey) показало, что закись азота занимает лидирующее место среди самых популярных рекреационных наркотиков в мире. Во многих странах мира, включая Канаду, Австралию и некоторые страны Европы, озабочены распространением закиси азота («веселящего газа»). Например, в период с 2001 по 2020 год в Англии и Уэльсе произошло 56 смертей, непосредственно связанных с закисью азота¹. В Дании число случаев отравления закисью азота увеличилось с 16 в 2015 году до 73 в 2020 году, во Франции — с 10 в 2017 году до 134 в 2020 году, а в Нидерландах в 2020 году было зарегистрировано 144 случая, и сообщалось о резком росте числа автомобильных аварий, вызванных вожделением автомобиля в нетрезвом виде.

В последние годы в Российской Федерации ряд исследователей и специалистов озаботились вопросами незаконного оборота одурманивающих веществ и правового регулирования оборота данной категории веществ. В этой связи в первую очередь стоит упомянуть работы

С.С. Ржанниковой [4, с. 60—63], Н.Н. Ятченко и А.С. Камбур [6, с. 778—786], М.В. Анисифоровой [1, с. 230—238] и др., которые затрагивали тему оборота одурманивающих веществ на территории Российской Федерации и их влияние на здоровье населения, а также на криминогенную ситуацию, складывающуюся в данной сфере. На перспективные направления правовой регламентации в отношении категории «одурманивающие вещества» обратил внимание А.П. Фильченко [5, с. 68—72].

Рассматривая вопрос нормативного правового регулирования оборота одурманивающих веществ, следует отметить, что в феврале 2021 года в связи с поручением Правительства РФ от 30.12.2020 № ТГ-П12-17552 был разработан проект постановления Правительства РФ «Об утверждении перечня одурманивающих веществ» (подготовлен Минздравом России)². После обсуждения проекта и проведения антикоррупционной экспертизы постановлением Правительства РФ от 24.07.2021 № 1259 был введен в действие перечень одурманивающих веществ³ (утв. в соответствии с Федераль-

¹ В марте 2023 года правительство Великобритании объявило, что закись азота будет контролироваться в соответствии с Законом о злоупотреблении наркотиками как вещество класса С. Владение веществами класса С может наказываться штрафом в неограниченном размере и/или тюремным заключением на срок до двух лет. Поставка вещества класса С влечет за собой наказание в виде лишения свободы на срок до 14 лет и/или штрафа в неограниченном размере.

² Об утверждении перечня одурманивающих веществ : проект постановления Правительства РФ. ID проекта 01/01/02-21/00112846 // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов : [Электронный ресурс] — URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=112846> (дата обращения: 25.07.2023).

³ Об утверждении перечня одурманивающих веществ : постановление Правительства РФ от 24.07.2021 № 1259 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 31. Ст. 5922.

ным законом от 29.12.2020 № 472-ФЗ «Об ограничении оборота закиси азота в Российской Федерации» (далее — Федеральный закон № 472-ФЗ)¹. В настоящее время перечень включает следующие одурманивающие вещества: закись азота (оксид азота (I), динитрогена оксид); ксенон; смесь дифенгидрамина (димедрола) с этиловым спиртом независимо от их концентрации; смесь доксиламина с этиловым спиртом (также независимо от их концентрации).

Действие постановления Правительства РФ от 29.12.2007 № 964, которое утверждает списки сильнодействующих и ядовитых веществ для целей ст. 234 и других статей Уголовного кодекса РФ, а также крупного размера сильнодействующих веществ — для целей ст. 234 УК РФ, усиливает контролирующие меры в части недопущения распространения и попадания в незаконный оборот этилового синтетического, технического и пищевого спирта, который, в свою очередь, непригоден для производства алкогольной продукции².

Осознавая угрозу распространения одурманивающих веществ и учитывая возрастающий интерес молодежи к одурманивающим веществам, законодатель Федеральным законом № 472-ФЗ восполнил пробел, касающийся перечня одурманивающих веществ, и предпринял попытку усовершенствовать нормативно-правовое регулирование деятельности, связанной с изготовлением закиси азота (одно из одурманивающих веществ из перечня) и контролем за его нахождением в обороте. Однако в числе замечаний к законопроекту (который впоследствии стал Федеральным законом № 472-ФЗ) Правительство РФ указывало на ряд замечаний и акцентировало внимание на отсутствии в предлагаемых нормах регулирования иных, не менее опасных, одурманивающих веществ. С данными замечаниями стоит согласиться, поскольку список одурманивающих веществ, как и другие списки (например, списки наркотических средств или психотропных веществ), является потенциально динамичным, и при появлении официальных данных об использовании конкретных веществ с целью получения одурманивающего эффекта необходимо принимать решения и незамедлительно включать такие вещества в данный спи-

сок. Нельзя останавливаться на достигнутых решениях в отношении одурманивающих веществ, если есть основания полагать, что в дальнейшем правонарушители не будут синтезировать данные вещества с целью их «улучшения» и ухода от ответственности за правонарушения.

Стоит обратить внимание и на вновь разработанный проект федерального закона (доработанный текст) «О внесении изменения в Федеральный закон «Об ограничении оборота закиси азота в Российской Федерации» (в части определения порядка формирования перечня одурманивающих веществ)³. Согласно данному законопроекту, изменения будут вноситься в порядок формирования перечня одурманивающих веществ. По новым правилам при формировании перечня и предложений по внесению в него изменений должен учитываться ряд зафиксированных случаев неправомерного использования веществ. Формирование перечня и предложений по внесению в него изменений будет осуществлять Минздрав России по согласованию с МВД России. Порядок формирования перечня также планируется утвердить Правительством РФ.

При формировании перечня и предложений по внесению в него изменений должны будут учитываться следующие обстоятельства:

- наличие зафиксированных случаев использования конкретных веществ для получения у человека одурманивающего эффекта;
- наличие зафиксированных случаев вовлечения физических лиц в употребление конкретных веществ;
- отсутствие установления государством в отношении конкретных веществ мер контроля за их оборотом.

В контексте рассмотрения вопроса нормативно-правового регулирования оборота одурманивающих веществ стоит обратить внимание и на мероприятия, направленные на профилактику употребления одурманивающих веществ. Например, согласно Федеральному закону от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (далее — Федеральный закон № 120-ФЗ) органы и учреждения системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолет-

¹ Об ограничении оборота закиси азота в Российской Федерации : Федеральный закон от 29.12.2020 № 472-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2021. № 1 (ч. I). Ст. 11.

² Об утверждении списков сильнодействующих и ядовитых веществ для целей статьи 234 и других статей Уголовного кодекса Российской Федерации, а также крупного размера сильнодействующих веществ для целей статьи 234 Уголовного кодекса Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 29.12.2007 № 964 // Собрание законодательства РФ. 2008. № 2. Ст. 89.

³ О внесении изменения в Федеральный закон «Об ограничении оборота закиси азота в Российской Федерации» (в части определения порядка формирования перечня одурманивающих веществ : проект федерального закона (ID проекта 02/04/03-23/00136530) // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. [Электронный ресурс] — URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=136530> (дата обращения: 01.09.2023).

них проводят индивидуальную профилактическую работу в отношении несовершеннолетних, употребляющих наркотические средства или психотропные вещества без назначения врача либо употребляющих одурманивающие вещества, алкогольную и спиртосодержащую продукцию. Гарантом исполнения данного федерального закона и проведения профилактических мероприятий выступает орган управления здравоохранением. Согласно подп. 10 п. 1 ст. 18 Федерального закона № 120-ФЗ органы управления здравоохранением в пределах своей компетенции организуют выявление, учет, обследование при наличии показаний медицинского характера и лечение несовершеннолетних, употребляющих одурманивающие вещества, в том числе проведение профилактических медицинских осмотров обучающихся в общеобразовательных организациях и профессиональных образовательных организациях, а также образовательных организациях высшего образования. Действующее законодательство обязывает медицинские организации передавать сведения в территориальные МВД России в случае установления факта отравления одурманивающими веществами¹.

В соответствии с ведомственными нормативными правовыми актами органов внутренних дел Российской Федерации сотрудники полиции устанавливают лиц, которые причастны к организации либо содержанию приютов для употребления наркотиков, а также лиц, вовлекающих несовершеннолетних в систематическое употребление одурманивающих веществ, и принимают к ним в установленном порядке и в пределах своей компетенции меры, предусмотренные действующим законодательством.

Согласно приказу МВД России от 15.10.2013 № 845² сотрудники по делам несовершеннолетних проводят индивидуальную профилактическую работу в отношении лиц (несовершеннолетних), употребляющих без назначения врача одурманивающие вещества, в отношении их родителей или законных представителей, ведут сбор информации об образе жизни и связях каждого несовершеннолетнего, замеченного в приобретении и употреблении одурманивающей продукции.

Стоит отметить, что при выявлении лиц (в том числе и несовершеннолетних), находящихся в состоянии опьянения от одурманивающих веществ, необходимо провести медицинское освидетельствование. Порядок проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического) регламентируется приказом Минздрава России от 18.12.2015 № 933н³.

В соответствии с п. 49 Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации, при выявлении несовершеннолетних лиц, употребивших одурманивающее вещество, их ставят на профилактический учет с заведением учетно-профилактического дела. Сведения о несовершеннолетних, состоящих на учете в подразделении по делам несовершеннолетних территориального органа МВД России, формируются согласно принятой методике и порядка осуществления мониторинга, а также критериям оценки развития наркоситуации в Российской Федерации и в ее субъектах⁴.

Анализ действующего законодательства относительно оборота одурманивающих веществ приводит к выводам о том, что нормы не формируют единого правового поля, необходимого для регулирования сферы одурманивающих веществ. Правовые нормы хаотично расположены в нормативных правовых актах. Например, Ю.И. Козаренко отмечает, что термин «одурманивающие вещества» в действующем законодательстве применяется в связке со словосочетанием «и другие». Следовательно, законодатель обобщил характеризующие свойства веществ, вызывающих состояние опьянения, и поставил между ними знак тождества [2, с. 71]. Стоит согласиться с исследователем, что такая формулировка не вполне корректна, и данному критерию не придавалось особого значения при формулировке определенных положений правовых норм.

Также с апреля 2023 года остается открытым вопрос определения порядка формирования перечня одурманивающих веществ. Рассматривая перечень одурманивающих веществ, необходимо отметить, что порядок его

¹ Об утверждении Порядка информирования медицинскими организациями органов внутренних дел в случаях, установленных пунктом 5 части 4 статьи 13 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»: приказ Минздрава России от 24.06.2021 № 664н // Кодекс: [Электронный ресурс] — URL: <https://docs.cntd.ru/document/608334706> (дата обращения: 01.09.2023).

² Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 15.10.2013 № 845 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2014. № 11.

³ О порядке проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического): приказ Минздрава России от 18.12.2015 № 933н // Российская газета. 2016. 23 марта.

⁴ Методика и порядок осуществления мониторинга, а также критерии оценки развития наркоситуации в Российской Федерации и ее субъектах: утв. решением ГАК, протокол от 25.06.2021 № 48 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

формирования объективно должен располагаться как минимум после самого перечня одурманивающих веществ (в виде приложения), но никак не в положениях Федерального закона № 472-ФЗ, так как закись азота — это всего лишь отдельное одурманивающее вещество, которое также числится в общем списке.

Безусловно, как отмечает Д.В. Любимова, для правоприменителя постановление Правительства РФ № 1259 является существенным подспорьем, поскольку позволяет квалифицировать, например, действия лица, вовлекшего несовершеннолетнего в употребление закиси азота, ксенона и т. д. как правонарушение [3, с. 26—29]. Однако большинство нормативных правовых актов не затрагивает организационные вопросы противодействия незаконному обороту одурманивающих веществ.

В заключение стоит отметить, что в первую очередь необходимо разработать четкий алгоритм (инструкцию) действий сотрудника полиции при обнаружении информации о незаконном производстве, распространении, употреблении или вовлечении в незаконный оборот одурманивающих веществ. В дальнейшем, после обобщения правоприменительной практики видится необходимость рассмотрения вопроса о внесении изменений в Федеральный закон от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах»¹ в части, касающейся одурманивающих веществ, либо разработки отдельного единого нормативного правового акта, который, в свою очередь, будет регламентировать оборот одурманивающих веществ на территории Российской Федерации.

Список литературы

1. Анисифорова, М.В. Административно-правовая обеспеченность противодействия «сниффингу» / М.В. Анисифорова // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 4(99). С. 230—238.
2. Козаренко, Ю.И. Состояние опьянения: уголовно-правовые и криминологические аспекты : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Ю.И. Козаренко. Нижний Новгород, 2015. 215 с.
3. Любимова, Д.В. Некоторые вопросы правового регулирования противодействия незаконному обо-

роту одурманивающих веществ в России / Д.В. Любимова // Научный Лидер. 2022. № 46(91). С. 26—29.

4. Ржанникова, С.С. Одурманивающие вещества как угроза современному обществу: проблемы и перспективы / С.С. Ржанникова // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 2(30). С. 60—63.

5. Фильченко, А.П. Категория «одурманивающие вещества» в российском законодательстве / А.П. Фильченко // Академическая мысль. 2020. № 3(12). С. 68—72.

6. Ятченко, Н.Н. Пробелы правового регулирования оборота одурманивающих веществ / Н.Н. Ятченко, А.С. Камбур // Актуальные проблемы правового, экономического и социально-психологического знания: теория и практика : мат-лы IV Междунар. науч.-практ. конф. (Донецк, 20 мая 2021 г.) : В 3 т. Т. 1. Донецк: Цифровая типография, 2021. С. 778—786.

References

1. Anisiforova, M. V. Administrative and legal framework for countering “sniffing” / M.V. Anisiforova // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 4(99), pp. 230-238.
2. Kozarenko, Yu.I. State of intoxication: criminal legal and criminological aspects: dis. ...cand. legal sciences: 12.00.08 / Yu.I. Kozarenko. Nizhny Novgorod, 2015. 215 p.
3. Lyubimova, D.V. Some issues of legal regulation of combating the illicit trafficking of intoxicating substances in Russia / D.V. Lyubimova // Scientific Leader. 2022. No. 46(91), pp. 26-29.
5. Rzhannikova, S.S. Intoxicating substances as a threat to modern society: problems and prospects / S.S. Rzhannikova // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 2(30), pp. 60-63.
6. Filchenko, A.P. Category “intoxicating substances” in Russian legislation / A.P. Filchenko // Academic thought. 2020. No. 3(12), pp. 68-72.
7. Yatchenko, N.N. Gaps in legal regulation of the circulation of intoxicating substances / N.N. Yatchenko, A.S. Kambur // Current problems of legal, economic and socio-psychological knowledge: theory and practice: materials of the IV International scientific-practical conf. (Donetsk, May 20, 2021): In 3 volumes. Vol. 1. Donetsk: Digital Printing House, 2021, pp. 778-786.

¹ О наркотических средствах и психотропных веществах : Федеральный закон от 08.01.1998 № 3-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 2. Ст. 219.

Regulatory and Legal Regulation of the Turnover of Intoxicating Substances

Khokhlov E.E.,

Lecturer of Dept. of Training of Police Officers
for Public Order Protection Units and Migration units
the Training Center for Police Officers for Public Order Units
VIPK of the Ministry of Internal Affairs of Russia, police major
Russia, Moscow
Ehohlov1000@mail.ru

Continued uncontrolled trade in intoxicating substances, in particular nitrous oxide (“laughing gas”), including through Internet resources with .RU domains (<https://msk.hochugaza.ru/>, <https://s1.gazmskazot.ru/>, <https://24coolgas.ru/>, etc.) has a negative impact on the social behavior of Russian citizens. Being in a state of intoxication after consuming intoxicating substances leads to various adverse consequences. Such consequences can affect not only the consumer, but also the people around him. Often, in a state of intoxication from intoxicating substances, people commit administrative offenses and even fatal crimes. In this regard, regulation of the circulation of intoxicating substances and improvement of the regulatory legal framework in this area should be constantly under the control of government authorities and be a priority for research by scientific and educational organizations.

Keywords: *intoxicating substances, intoxication, offense, list of intoxicating substances, state control.*

Проблемы квалификации незаконного завладения банковской картой

В.Н. Винокуров,

кандидат юридических наук, доцент,
Сибирский федеральный университет
Россия, Красноярск
VinokurSiblaw@mail.ru

Н.А. Рябинин,

кандидат юридических наук, доцент,
Сибирский юридический институт МВД России
Россия, Красноярск
rna0303@yandex.ru

В статье рассматриваются вопросы квалификации завладения только банковской картой, завладение банковской картой наряду с имуществом, а также последующих действий по обналичиванию и (или) переводу денежных средств с использованием банковской карты. Обосновывается положение, что банковская карта не может рассматриваться как предмет хищения, а является своеобразным «ключом» для получения доступа к денежным средствам. Предметом хищения выступают безналичные денежные средства, поэтому завладение только банковской картой с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, не может быть квалифицировано как грабеж с применением насилия. В то же время завладение банковской картой с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо угрозой его применения вследствие особенностей описания объективной стороны разбоя следует квалифицировать только по ст. 162 Уголовного кодекса РФ. При квалификации завладения банковской картой наряду с имуществом последующее обналичивание денежных средств следует рассматривать как одно продолжаемое хищение. В этом случае речь идет не о возникновении умысла на совершение нового преступления, а о конкретизации умысла.

Ключевые слова: предмет хищения, продолжаемое хищение, совокупность преступлений, завладение банковской картой.

В связи с развитием информационных технологий распространенным явлением стало незаконное завладение банковской картой для последующего завладения денежными средствами. Это порождает проблемы квалификации таких преступлений: возникают вопрос о том, что является предметом хищения, а также вопрос отграничения совокупности преступлений от продолжаемого преступления.

Определимся с тем, что является предметом хищения при завладении банковской картой с целью последующего завладения денежными средствами.

В теории выражено мнение, что при завладении банковской картой и пин-кодом виновный как бы «изымает» право требования от банка перечислять денежные средства по указанию мнимого клиента. Завладев банковской картой и получив доступ к управлению банковским счетом, виновный уже лишает собственника этого имущества. Дальнейшее списание денег со счета представляет собой распоряжение похищенным [1, с. 28]. Таким образом, банковскую карту предложено считать предметом хищения.

Другие авторы считают, что при завладении банковской картой с целью дальнейшего завладения денежными средствами предметом хищения выступает имущественное право как сведения об объеме прав требования (имущественных прав) клиента к кредитной организации [9, с. 22, 25].

Однако согласно п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» хищение безналичных денежных средств окончено с момента изъятия денежных средств их владельца, т. е. виновный посягает не на обязательственные, а на вещные отношения. Аналогичное положение содержалось в п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2007 № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», когда потерпевшего определяют не как владельца счета, а владельцем именно средств на этом счете [11, с. 16].

Представляется, что банковская карта не является имуществом и предметом хищения, а выступает только лишь средством для получения доступа к безналичным денежным средствам, которые в этом случае, согласно разъяснению Верховного Суда РФ, являются имуществом как вещью. Поэтому завладение ею с целью хищения безналичных денежных средств следует квалифицировать как приготовление к краже [6, с. 35; 4, с. 44—45; 10].

Несмотря на это суды первой инстанции рассматривают банковскую карту как предмет хищения, квалифицируя завладение ею с применением насилия, не опасного для жизни или

здоровья, либо угрозой применения такого насилия по п. «г» ч. 2 ст. 161 Уголовного кодекса РФ¹, а неудавшуюся попытку завладения банковской картой с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, — по ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ².

Такой подход при квалификации основан на следующем. Квалифицируя завладение банковской картой с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, и последующим обналичиванием денежных средств со счета через банкомат в отсутствие потерпевшего, суд считает, что об открытом характере хищения свидетельствует то, что подсудимые при снятии денежных средств в отсутствие потерпевшего осознавали, что их действия явны для потерпевшего³. Но, как обоснованно отмечает Е.В. Хромов, очевидность для потерпевшего того, что в дальнейшем с его счета при помощи карты изымут денежные средства, не тождественна открытому хищению чужого имущества. Указанные действия следует квалифицировать по ст. 6.1.1 Кодекса РФ об административном правонарушении (нанесение побоев или применение насилия, не опасного для жизни или здоровья) и п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ (завладение безналичными денежными средствами), поскольку завладение банковской картой имущественный ущерб потерпевшему не причиняет [8, с. 48—49].

Следующим доводом в пользу того, чтобы завладение банковской картой с применением к потерпевшему насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо угрозой его применения рассматривать как насильственный грабеж, является то, что квалификация действий виновного в этом случае только по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ не отражает факт посягательства на здоровье, выступающий объектом насильственного грабежа, которым виновный причиняет вред при завладении банковской картой [1, с. 28].

Действительно, применение насилия к потерпевшему с целью завладения его банковской картой, выразившееся, например, в причинении побоев, не позволяет отразить факт посягательства на здоровье как объект преступления. Однако уголовный закон нельзя

трактовать расширительно для сиюминутной реакции на определенные действия.

Поэтому обоснованны решения судов, рассматривающих банковскую карту не как предмет хищения, а как «ключ» для получения доступа к имуществу. Согласно одному из постановлений суда, квалифицируя действия П. как хищение имущества из одежды, находящейся при потерпевшем, суд не учел, что П. похитил из внутреннего кармана куртки потерпевшего банковскую карту на имя потерпевшего, которая сама по себе не обладает материальной ценностью и не может являться предметом преступления, так как является лишь средством идентификации ее держателя, подтверждающим право на осуществление операций по банковскому счету, в то время как умысел П. был направлен исключительно на хищение денежных средств, находящихся на счете в банке, открытом на имя потерпевшего. Учитывая изложенное, суд счел, что в действиях П. отсутствует квалифицирующий признак кражи — хищение имущества из одежды, находившейся при потерпевшем, в связи с чем этот признак был исключен, а назначенное наказание смягчено⁴. В других решениях суды указали, что банковская карта — это инструмент управления денежными средствами, находящимися на банковском счете⁵.

Завладение банковской карточкой с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо угрозой такого насилия следует квалифицировать как грабеж (п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ), когда виновный непосредственно после ее завладения обналичивает или переводит деньги со счета потерпевшего в его присутствии [10]. Так, действия виновных, похитивших с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, сотовый телефон и банковскую карту, а затем обналичивших посредством этой карты денежные средства, обоснованно были квалифицированы как одно продолжаемое преступление, предусмотренное п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ, так как умысел осужденного и действия виновных были направлены на хищение имущества одного и того же потерпевшего, совершены одновременно и в одном и том же месте⁶.

¹ Приговор Сысольского районного суда Республики Коми от 30 июля 2020 г. №1-67/2020. // Судебные и нормативные акты РФ : [Электронный ресурс] — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/v7nYbGGy6gVO/> (дата обращения: 20.06.2023).

² Приговор Карасунского районного суда Новосибирской области от 14 октября 2020 г. №1-111/2020 // Судебные и нормативные акты РФ : [Электронный ресурс] — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/kKDK5WaaZmle/> (дата обращения: 20.06.2023).

³ Приговор Богородского городского суда Нижегородской области от 23.07.2020 № 1-190/2020 // Судебные и нормативные акты РФ : [Электронный ресурс] — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/3xsJlmxAxgR/> (дата обращения: 20.06.2023).

⁴ Апелляционное постановление суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 23.11.2017 № 22-946/2017.

⁵ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14.05.2020 № 58-УДП20-6 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 16.03.2021 № 7У-1400/2021. — URL: https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=37 (дата обращения: 20.06.2023).

⁶ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 10.03.2020 № 7У-367/2020.

Рассмотрим квалификацию завладения банковской картой с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия, выделив две ситуации: первая – виновный, применяя насилие, опасное для жизни или здоровья, либо угрожая применением такого насилия, завладевает только банковской картой; вторая – виновный кроме банковской карты завладевает еще и иным имуществом как вещью.

По мнению Е.В. Хромова, в первой ситуации, когда виновный, применяя насилие, опасное для жизни или здоровья, либо угрожая применить такое насилие, завладевает только банковской картой, его действия, учитывая, что разбой охватывает лишь завладение имуществом непосредственно или сразу после совершения нападения, следует квалифицировать по совокупности преступлений против личности (отражает факт применения насилия к потерпевшему) и как предусмотренное п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ — по факту завладения безналичными денежными средствами. Это основано на том, что изъятие банковской карты как инструмента управления денежными средствами на банковском счете можно сравнить с хищением ключа от квартиры [8, с. 51—52].

В подтверждение своей позиции Е.В. Хромов ссылается на решение Верховного Суда РФ, когда виновные убили потерпевшую с целью завладения ключами от ее квартиры, впоследствии совершили кражу из квартиры потерпевшей, и их действия были квалифицированы как убийство (пункты «ж», «з», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ) и как кража из жилища¹. Однако в указанном решении Верховного Суда РФ уточняются детали хищения из жилища: виновные совершили кражу из квартиры, когда родители убитой ими были на работе. Следовательно, не совсем корректно полностью отождествлять банковскую карту и ключ от квартиры².

Представляется, что нападение с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо угрозой применения такого насилия, когда виновный завладевает банковской картой, следует квалифицировать только по

ст. 162 УК РФ. Так, Г. ударил Д. бутылкой водки по голове, после чего забрал у потерпевшего банковскую карту, оплатив ею товары в магазине. Действия виновного были квалифицированы по ч. 2 ст. 162 УК РФ³.

Как указано в одном из решений суда, подследимые изъяли у собственника банковскую карту, но не получили реальной возможности пользоваться и распоряжаться денежными средствами, принадлежащими потерпевшему, поскольку он не сообщил им пин-код карты. Но это не влияет на квалификацию их действий по ст. 162 УК РФ, так как разбой окончен с момента нападения в целях хищения чужого имущества⁴. По мнению Верховного Суда РФ, последующие действия виновного по завладению чужим имуществом также составляют объективную сторону разбоя и не могут рассматриваться как совершенные за пределами его объективной стороны⁵. В другом решении, обосновывая вменение разбоя, суд указал, что, применяя насилие к потерпевшему, виновные, завладев банковской картой, требовали от него сообщить код доступа к банковской карте с целью немедленного завладения его денежными средствами⁶.

Трудно согласиться с последним доводом о том, что как разбой (ст. 162 УК РФ) следует квалифицировать только такое завладение банковской картой с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо угрозы его применения, когда виновные требуют сообщить им пин-код для немедленного завладения денежными средствами сразу же после завладения банковской картой. Иначе получится, что виновному, совершившему указанные действия рядом с банкоматом или завладевшему телефоном потерпевшего, если его банковская карта привязана к этому телефону, следует вменять только разбой. А если указанных условий нет, и виновный не может сразу же после завладения банковской картой и получения пин-кода на месте изъять денежные средства, то тогда его действия следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 162 УК РФ и п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Думается, что такого быть не

¹ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 20.08.2003 № 495П03 : [Электронный ресурс] — URL: <https://zakonbase.ru/content/base/55342> (дата обращения: 20.06.2023).

² Если умысел на изъятие банковской карты возник после применения насилия (например, причинения смерти) с последующим обналичиванием денежных средств, такие действия следует квалифицировать как преступление против личности и как кражу. Так Р., убив двух лиц, завладев платежной картой одного из потерпевших, пытался обналичить денежные средства, находящиеся на счете, но не сумел это сделать, так как забыл пин-код. Его действия были квалифицированы по совокупности преступлений, предусмотренных пунктами «а», «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ и ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. См.: определение Верховного Суда РФ 26.09.2019 № 77-АП/19-4 : [Электронный ресурс] — URL: sudact.ru/vsrif/doc/qbu2c8SQsW5w/ (дата обращения: 20.06.2023)/

³ Приговор Октябрьского районного суда г. Улан-Удэ от 25.12.2019 № 1-984/2019.

⁴ Приговор Рудничного районного суда г. Прокопьевска Кемеровской области от 26.10.2018 № 1-197/2017.

⁵ Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 26.05.2018 № 66-АП/18-11.

⁶ Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 01.12.2016 № 71-АП/16-8.

должно. В этой связи нападение с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия, когда виновный, используя банковскую карту, обналичивает денежные средства через определенное время, его действия следует квалифицировать только по ст. 162 УК РФ. Это обусловлено особенностью описания объективной стороны разбоя как нападения с целью хищения.

Рассмотрим вторую ситуацию, когда виновный наряду с банковской картой завладевает еще имуществом потерпевшего. По мнению Е.В. Хромова, в этой ситуации действия виновного следует квалифицировать по совокупности преступлений: как разбой (ст. 162 УК РФ) — завладение вещью, и кража (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ) — завладение безналичными денежными средствами, поскольку разбоем охватывается лишь завладение имуществом непосредственно или сразу после совершения нападения [8, с. 50—51]. Представляется, что в указанной ситуации действия виновного также следует квалифицировать как одно преступление, предусмотренное ст. 162 УК РФ, поскольку разбой — это не хищение имущества, а нападение с целью его хищения. Так, Б., К., П. и С. проникли в дом потерпевшего С. с целью хищения имущества. Применив насилие, опасное для жизни или здоровья, виновные завладели имуществом (вещами), а также банковской картой потерпевшего. Суд квалифицировал их действия по ч. 3 ст. 162 УК РФ¹.

Рассмотрим квалификацию завладения банковской картой наряду с хищением вещи с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой его применения. Если завладение банковской картой и хищение вещи происходят открытым способом, то последующее завладение безналичными денежными средствами посредством банковской карты, несмотря на то, происходит изъятие имущества у одного потерпевшего, следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 161 УК РФ и п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Это обусловлено тем, что грабеж (завладение имуществом) и кража (обналичивание денежных средств) — не юридически тождественные действия. Поэтому изъятие имущества (вещи) и обналичивание денежных средств не могут быть признаны продолжаемым преступлением, даже если

умыслом виновного охватывалось хищение безналичных денежных средства [8, с. 47].

Как указано в одном из решений суда, утверждение осужденного о том, что хищение им телефона и последующее обналичивание денежных средств с его банковского счета образуют состав единого продолжаемого преступления, необоснованно. Тайное хищение денежных средств с банковского счета потерпевшего не охватывается объективной стороной преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 161 УК РФ. Совершенные им преступления отличаются друг от друга признаком объективной стороны — способом совершения преступления².

Квалификация усложняется, если виновный тайно завладевает имуществом и банковской картой, после чего тайно обналичивает денежные средства. Для квалификации таких случаев предложено правило: если виновный, похитив имущество, завладел также и банковской картой, о чем он узнал только после кражи и, соответственно, умысел на хищение безналичных денежных средств у него возник после ее совершения, то действия виновного, т. е. снятие или перевод денежных средств со счета потерпевшего, следует квалифицировать по совокупности преступлений, как правило, предусмотренных п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ и п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Если при хищении виновный осознает, что наряду с имуществом изымает и банковскую карту, то тогда содеянное не образует совокупности, и действия виновного следует квалифицировать только по части ст. 158 УК РФ, предусматривающей наиболее строгое наказание, как продолжаемую кражу, состоящую из ряда юридически тождественных действий, охватываемых единым умыслом и направленных на достижение единой цели [7; 3, с. 46—47].

Так, Якупов похитил у потерпевшей кошелек стоимостью 1 000 рублей, в котором находились деньги в сумме 1 920 рублей, не зная, что там еще находится банковская карта. После кражи кошелек он обнаружил в нем карту с пин-кодом, и тогда у него возник умысел на хищение с нее денежных средств, которые он затем снял с банковского счета. На основании этого его действия были квалифицированы по совокупности преступлений, предусмотренных п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ и п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ³.

¹ Приговор Бодайбинского городского суда Иркутской области от 17.11.2016 №1-106/2016.

² Определение Судебной коллегии по уголовным делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 18.08.2020 № 7У-10055/2020. // Актофакт : [Электронный ресурс] — URL: <https://actofact.ru/case-42KJ0008-7u-10055-2020-77-1659-2020-2020-06-26-2-2/> (дата обращения: 18.06.2023).

³ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 09.03.2021 № 11-УД20-35-К6 // Легалакт : [Электронный ресурс] — URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-09032021-n-11-ud20-35-k6/> (дата обращения: 18.06.2023).

В другом случае суд указал, что квалификация действий виновного, который похитил телефон и портмоне с банковской картой, а затем, используя банковскую карту, похитил безналичные денежные средства, как единого продолжаемого преступления, не основана на законе и материалах дела (виновный признал, что умысел на хищение безналичных денежных средств у него возник после похищения портмоне). Действия виновного не были юридически тождественны, имеют разные объекты посягательства (Предметы преступления: телефон и безналичные денежные средства. — *Прим. В.В., Н.Р.*), и их квалифицировали по совокупности преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ и п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ¹.

Еще в одном случае суд указал, что доводы осужденного о квалификации его действий как единого продолжаемого преступления, несостоятельны. Осужденный совершил два самостоятельных преступления, поскольку, похищая кошелек потерпевшей, он не знал о нахождении в нем банковских карт. В связи с этим умысел на хищение денежных средств у осужденного возник после завладения имуществом потерпевшей, через определенное время после того, как хищение денежных средств было окончено². Следовательно, исходя из указанного решения, если виновный, вытащив из кармана потерпевшего портмоне (кошелек), уже понимает, что в изъятом предмете находится банковская карта, при этом хищение портмоне (кошелька) еще не окончено, то последующее обналичивание денежных средств следует квалифицировать как продолжаемую кражу по части ст. 158 УК РФ, предусматривающей наиболее строгое наказание, — в нашем случае по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, а если сумма стоимости похищенной вещи и размера денежных средств, находящихся на счете, превышает 250 000 рублей, то и по п. «в» ч. 3 ст. 158 УК РФ.

Проблема заключается в том, что суды в своих решениях не всегда указывают, когда у виновного возник умысел на хищение безналичных денежных средств. В одном из решений указано, что действия виновного, завладевшего кошельком с деньгами и банковскими картами, с последующим тайным хищением денежных средств с банковского счета, пред-

ставляют собой одно продолжаемое преступление, поскольку эти деяния совершены в отношении одной и той же потерпевшей, в один и тот же день, при совершении хищения денежных средств с банковского счета потерпевшей использовалась тайно похищенная у нее перед этим банковская карта, соответственно, данные преступления охватывались единым умыслом виновного³. В этом решении суд исходил из того, что кража имущества и находящейся в нем банковской карты характеризуется неопределенным умыслом, т. е. виновный не знал, какое конкретно имущество и в каком размере он похитит.

Следовательно, квалификация действий виновного, наряду с похищением имущества завладевшего банковской картой и дальнейшим обналичиванием денежных средств, зависит от того, что суд рассматривает в качестве источника хищения: если потерпевшего, то как продолжаемое хищение, если место хищения, то по совокупности преступлений. Думается, что при квалификации указанных действий следует исходить из того, что в качестве источника как критерия отграничения продолжаемого преступления от совокупности преступлений следует рассматривать потерпевшего. При этом по обоснованному мнению А.А. Зубцова, если виновный обнаружил, что в процессе кражи он завладел еще и банковской картой, используя которую затем списал чужие безналичные денежные средства, то это свидетельствует не о возникновении умысла на совершение нового преступления, а конкретизации умысла, сформировавшегося до начала хищения [5, с. 67]. Как указал суд, доводы Кузнецова о том, что о наличии у потерпевшего денежных средств на банковских картах он узнал из сообщений, содержащихся в похищенном телефоне, которые он прочитал после того, как покинул квартиру с похищенным телефоном, свидетельствуют не о возникновении у него нового умысла, а о конкретизации и продолжении уже начавшейся реализации единого умысла на хищение имущества потерпевшего. Поэтому действия виновного обоснованно были квалифицированы по ч. 2 ст. 162 УК РФ⁴.

Следующей проблемой, возникающей при квалификации завладения банковской картой, является уголовно-правовая оценка действий

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 02.06.2021 № 7У2315/2021 // Актофакт : [Электронный ресурс] — URL: <https://actofact.ru/case-42KJ0008-7u-2315-2021-2021-02-19-2-2/> (дата обращения: 18.06.2023).

² Определение Судебной коллегии по уголовным делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 16.09.2020 № 7У-1241/2020. — URL: <https://6kas.sudrf.ru/> (дата обращения: 18.06.2023).

³ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 16.04.2020 № 7У-567/2020. — URL: <https://6kas.sudrf.ru/> (дата обращения: 18.06.2023).

⁴ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 26.05.2020 № 7У-3338/2020. — URL: <https://3kas.sudrf.ru/> (дата обращения: 18.06.2023).

лица, которое, завладев банковской картой, распорядилось частью денежных средств, не успев распорядиться оставшимися на счете средствами. Иными словами, следует оценить действия лица, которое действовало с неопределенным умыслом относительно суммы денежных средств, находящихся на счете, т. е. как надо рассматривать такие действия: как покушение на хищение либо как оконченное преступление.

В теории отмечено, что при хищении с неопределенным умыслом действия виновного следует квалифицировать по фактически наступившим последствиям. Но если возможный ущерб с учетом последнего незавершенного эпизода соответствовал бы крупному или особо крупному размеру, содеянное следует квалифицировать как покушение на хищение в крупном или особо крупном размере [2].

Это обусловлено следующим: если виновный похитил с банковского счета с использованием банковской карты 5 000 рублей, а затем избавился от нее, наказание в соответствии с п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ ему может быть назначен до 6 лет лишения свободы. Если же виновный вновь попытался завладеть оставшимися на счете денежными средствами, но попытка будет неудачной, его действия следует квалифицировать по ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, и ему в соответствии с положениями ст. 66 УК РФ может быть назначено наказание только до 4 лет 6 месяцев лишения свободы [8, с. 53].

Согласно ч. 3 п. 25 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», если лицо, совершившее грабеж, имело целью завладеть имуществом в крупном или особо крупном размере, но фактически завладело имуществом, стоимость которого не превышает 250 000 или 1 000 000 рублей, его действия следует квалифицировать как покушение на грабеж в крупном или особо крупном размере. При этом ничего не сказано относительно вида умысла в зависимости от предвидения размера похищаемого имущества.

Как указано в одном из решений суда, согласно разъяснениям, содержащимся в пунктах 24, 25 названного выше постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29, действия лица, которое имело целью завладеть имуществом в определенном размере, стоимость которого составляет меньший размер, могут быть квалифицированы как покушение на тайное хищение имущества в размере, на который направлен изначальный умысел лица, только в тех случаях, когда

такая квалификация действий виновного влечет за собой более строгое наказание, чем наказание, предусмотренное нормами УК РФ за оконченное хищение чужого имущества в размере, которым фактически завладело лицо¹.

Таким образом, квалификация действий виновного в описанном случае определяется стремлением избежать необоснованного смягчения виновному наказания. При этом необходимо руководствоваться таким понятием, как юридически значимый размер похищенного имущества, который законодатель установил на уровне 250 000 и 1 000 000 рублей.

На основании указанных критериев предложим варианты квалификации данной ситуации. Если виновный, завладев банковской картой, используя ее, похитил денежные средства, например, в сумме 10 000 рублей, со счета, на котором находилось свыше 250 000 рублей, и затем попытался завладеть еще раз суммой в 10 000 рублей, его действия следует квалифицировать как оконченное хищение (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ).

Если виновный, завладев банковской картой, используя ее, похитил денежные средства, например, в сумме 10 000 рублей, со счета, на котором находилось свыше 1 000 000 рублей, и затем попытался завладеть еще раз суммой в 10 000 рублей, его действия следует квалифицировать как покушение на хищение (ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 158 УК РФ). Это обусловлено тем, что в этом случае в соответствии с положениями ст. 66 УК РФ виновному может быть назначено наказание не 6 лет, а 7 лет и 6 месяцев лишения свободы.

Для единого подхода к оценке квалификации завладения только банковской картой, завладения банковской картой наряду с имуществом и последующих действий по обналичиванию и (или) переводу денежных средств с использованием похищенной банковской карты необходимы разъяснения Верховного Суда РФ.

Список литературы

1. Башков, А.В. Завладение безналичными денежными средствами путем применения насилия или угрозы его применения / А.В. Башков // Вестник Югорского государственного университета. 2020. № 1. С. 25—29.
2. Вишнякова, Н.В. Момент окончания продолжаемых хищений чужого имущества / Н.В. Вишнякова // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 6. С. 21—25.
3. Гарбатович, Д.А. Кража имущества, находившегося при потерпевшем, и кража с банковского счета: единое преступление или совокупность /

¹ Апелляционное постановление Санкт-Петербургского городского суда от 13.04.2020 № 22-2359/2022.

Д.А. Гарбатович // Российский судья. 2022. № 11. С. 45—47.

4. Горбунова, Л.В. Вопросы квалификации хищений с использованием банковских карт / Л.В. Горбунова // Марийский юридический вестник. 2016. № 1. С. 45—47.

5. Зубцов, А.А. Кража с банковского счета: отграничение единого продолжаемого хищения от совокупности преступлений / А.А. Зубцов // Законодательство. 2022. № 6. С. 59—67. EDN: ZOESXQ

6. Лихолетов, А.А. Проблемы разграничения мошенничеств с использованием платежных карт с другими составами преступлений / А.А. Лихолетов // Российская юстиция. 2017. № 6. С. 35—37. EDN: YRLQPL

7. Хомяков, Е.В. Влияние конкретизированного умысла на квалификацию преступлений / Е.В. Хомяков // Российский судья. 2022. № 3. С. 13—15. EDN: BMPPTE

8. Хромов, Е.В. Проблемы квалификации хищения денежных средств с банковского счета / Е.В. Хромов // Уголовное право. 2023. № 2. С. 44—59.

9. Шульга, А.В. Хищение с использованием банковских платежных карт: вопросы квалификации / А.В. Шульга // Российская юстиция. 2016. № 11. С. 21—25. EDN: UPUWKV

10. Яни, П.С. Мошенничество с использованием электронных средств платежа / П.С. Яни // Законность. 2019. № 7. С. 39—43. EDN: GVCMAH

11. Яни, С.В. Понимание права на имущество как предмет мошенничества в теории и судебной практике / С.В. Яни, П.С. Яни, Д.П. Яни // Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. № 3. С. 12—16. EDN: JXCDMZ

References

1. Bashkov, A.V. Taking possession of non-cash funds through the use of violence or the threat of its

use / A.V. Bashkov // Bulletin of Ugra State University. 2020. No. 1, pp. 25-29.

2. Vishnyakova, N.V. The moment of the end of the ongoing theft of other people's property / N.V. Vishnyakova // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2016. No. 6, pp. 21-25.

3. Garbatovich, D.A. Theft of property that was with the victim and theft from a bank account: a single crime or a combination / D.A. Garbatovich // Russian judge. 2022. No. 11, pp. 45-47.

4. Gorbunova, L.V. Qualification issues for theft using bank cards / L.V. Gorbunova // Mari Legal Bulletin. 2016. No. 1, pp. 45-47.

5. Zubtsov, A.A. Theft from a bank account: delimiting a single ongoing theft from a set of crimes / A.A. Zubtsov // Legislation. 2022. No. 6, pp. 59-67. EDN: ZOESXQ

6. Likholetov, A.A. Problems of distinguishing fraud using payment cards from other crimes / A.A. Likholetov // Russian justice. 2017. No. 6, pp. 35-37. EDN: YRLQPL

7. Khomyakov, E.V. The influence of specific intent on the qualification of crimes / E.V. Khomyakov // Russian judge. 2022. No. 3, pp. 13-15. EDN: BMPPTE.

8. Khromov, E.V. Problems of qualification of theft of funds from a bank account / E.V. Khromov // Criminal law. 2023. No. 2, pp. 44-59.

9. Shulga, A.V. Theft using bank payment cards: qualification issues / A.V. Shulga // Russian justice. 2016. No. 11. P. 21-25. EDN: UPUWKV

10. Yani, P.S. Fraud using electronic means of payment / P.S. Yani // Legality. 2019. No. 7, pp. 39-43. EDN: GVCMAH

11. Yani, S.V. Understanding the right to property as a subject of fraud in theory and judicial practice / S.V. Yani, P.S. Yani, D.P. Yani // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2009. No. 3, pp. 12-16. EDN: JXCDMZ

Qualification of Illegal Bank Card Seizure

Vinokurov V.N.,

Cand. in Law, Assoc. Prof.,
Siberian Federal University
Russia, Krasnoyarsk
VinokurSiblaw@mail.ru

Ryabinin N.A.,

Cand. in Law, Assoc. Prof., Siberian Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Russia, Krasnoyarsk
rna0303@yandex.ru

The article considers the issues of qualification of taking possession only of a bank card, taking possession of a bank card along with property, subsequent actions to cash out and (or) transfer funds, using a bank card. The provision is justified that a bank card cannot be considered as an object of theft, at the same time, the seizure of a bank card with the use of violence dangerous to life or health or the threat of its use due to the peculiarities of describing the objective side of robbery should be qualified only under Article 162 of the Criminal Code of the Russian Federation. When qualifying a bank card along with the property, the subsequent cashing of funds should be considered as one about.

Keywords: subject of theft, continued embezzlement, the totality of the crimes, taking possession of a credit card.

DOI 10.25799/NI.2023.46.73.020

УДК 343.9.024:336.7

Проблемы судебной практики в сфере незаконной банковской деятельности

Н.В. Волкова,

ассистент преподавателя кафедры
уголовного права и процесса
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
Россия, Москва
center-el@mail.ru

Сопоставление положений статей 171 и 172 Уголовного кодекса РФ показывает, что они соотносятся как целое и часть, в силу чего актуальным представляется выявление оснований, на которых должно проводиться разграничение квалификации деяний. В частности, в судебной практике нет единства в вопросах толкования деяний по обналичиванию средств незаконного характера: многие суды квалифицируют действия по незаконному обналичиванию средств через перевод таких средств фиктивным организациям как незаконную банковскую деятельность в силу того, что для обналичивания средств в соответствии с Федеральным законом от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» необходима лицензия. Некоторые суды полагают, что обналичивание средств — это предпринимательская деятельность, требующая регистрации, а потому квалифицируют такие деяния на основании положений ст. 171 УК РФ. При этом в качестве ключевого отличительного признака выступает субъектный состав преступления.

Ключевые слова: объект преступления, незаконная банковская деятельность, банковские операции, судебная практика.

Чтобы выявить, каким образом правоприменители понимают сущность банковских операций и как банковские операции соотносятся с незаконной банковской деятельностью, обратимся к судебной практике. Анализ судебной практики показал, что незаконную банковскую деятельность суды понимают конкретно: как незаконное совершение операций банковского характера. В некоторых случаях, например, обналичивание денежных средств рассматривается как незаконное предпринимательство (ст. 171 Уголовного кодекса РФ)¹. При этом в качестве объективной стороны преступления выступают:

— реализация расчетной деятельности по поручению организаций, реализация кассового обслуживания таких лиц, а также инкассаторская деятельность в отношении средств таких лиц²;

— аналогичные действия в отношении средств физических лиц (за исключением осуществления расчетов по поручению)³;

— осуществление переводов денег без открытия счета, а также совершение вышеупомянутых действий в отношении средств лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность⁴;

— реализация расчетов по счетам организаций, а также обналичивание денежных средств и совершение вышеупомянутых действий по инкассации и обналичиванию средств граждан и организаций;

— реализация инкассаторской и кассовой деятельности, перевода денег по поручению граждан и организаций без открытия счета с использованием фиктивных организаций.

Однако существуют и иные примеры. Так, в рамках дела № 1-73/2017 Первомайский рай-

¹ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 23.09.2010 № 5-О10-235; апелляционное определение Мосгорсуда от 30.09.2013 № 10-9010/13; постановление Мосгорсуда от 31.07.2014 № 4у/2-3771; апелляционное определение Мосгорсуда от 09.06.2014 № 10-6541; кассационное определение Мосгорсуда от 13.05.2013 № 22-2539; кассационное определение Мосгорсуда от 13.02.2012 по делу № 22-887/12 и пр.

² Приговор Измайловского районного суда г. Москвы от 06.03.2015 по уголовному делу № 01-0113/2015. — URL: <http://www.mos-gorsud.ru> (дата обращения: 21.09.2019); приговор Измайловского районного суда г. Москвы от 13.03.2015 по уголовному делу № 01-0215/2015. — URL: <http://www.mos-gorsud.ru> (дата обращения: 21.09.2019); приговор Чертановского районного суда г. Москвы от 17.10.2016 по уголовному делу № 1-539/2014/. — URL: <http://www.mos-gorsud.ru> (дата обращения: 21.09.2019); приговор Головинского районного суда г. Москвы от 02.07.2015 по уголовному делу № 1331/2015 — URL: <http://www.sud-praktika.ru> (дата обращения: 21.09.2019); приговор Басманного районного суда г. Москвы от 15.02.2016 г. по уголовному делу № 01-0002/2016. — URL: <http://www.sud-praktika.ru> (дата обращения: 21.09.2019).

³ Приговор Канавинского районного суда г. Н. Новгород от 28.02.2017 по уголовному делу № 1-143/2017. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Mh7S4CmQuu6D/>; приговор Первомайского районного суда г. Ижевск Удмуртской Республики по уголовному делу № 1-42/2017. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 21.09.2019).

⁴ Приговор Люблинского районного суда г. Москвы от 17.08.2016 по уголовному делу № 01-0600/2016. — URL: <http://www.mos-gorsud.ru> (дата обращения 21.09.2019).

онный суд г. Ижевска квалифицировал преступление на основании ст. 172 УК РФ, причем фактическое деяние заключалось в создании незаконного банка группой фиктивных организаций коммерческого характера, которые должны были осуществлять банковские операции для уменьшения налоговой базы, а также для ускорения расчетов с клиентами, сокрытия средств клиентов от налогообложения, сокрытия деяний по легализации преступных доходов¹. Следует полагать, что в данном случае не было совершено банковских операций, а потому неверной представляется и сделанная судом квалификация.

В этом контексте актуальными представляются наши предложения по изменению диспозиции ст. 172 УК РФ и изложению ее в следующей редакции: «Реализация банковских операций без специального разрешения (лицензии) <...>».

Далее обратимся к анализу таких альтернативных признаков объективной стороны, как причинение крупного ущерба и получение крупного дохода.

Вопросы вызывает определение пределов крупного дохода. Так, в ст. 170.2 УК РФ определяются границы такого дохода, но вопросы вызывает возможность применения данных положений по аналогии в рамках интерпретации содержания ст. 172 УК РФ. Возникает вопрос: идет ли речь в данном случае о чистом доходе, или об общем объеме извлеченной прибыли, без исключения затрат и издержек? В рамках правоприменительной практики единства подходов к данному вопросу не выработано, что ставит под сомнение принцип справедливого и равного судопроизводства, а также определенность уголовно-правовых норм, поскольку в случае разного определения объема доходов лицам, совершившим одно и то же деяние, может вменяться как состав квалифицированного характера (связанный с извлечением особо крупного дохода), так и общий состав.

В постановлении Президиума Верховного Суда РФ от 25.11.1998 устанавливалось, что в учет необходимо принимать чистый доход, и несмотря на то, что положения данного акта касались особенностей толкования положений ст. 171 УК РФ, некоторые ученые полагают, что это правило применимо и в отношении положений ст. 172 УК РФ, которая соотносится со статьей 171 как специальная норма соотносится с общей [3, с. 346; 5].

Однако в п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.11.2004 № 23 можно

обнаружить обратный подход, согласно которому необходимо учитывать общий объем поступлений прибыли. Примечательно, что в некоторых зарубежных странах уголовный закон устанавливает, что следует считать под доходом. Так, в Республике Таджикистан был избран подход чистого дохода, при этом ущерб считается, в том числе, в контексте упущенной выгоды [4].

Однако некоторые ученые с таким подходом не соглашаются. Так, Б.В. Волженкин считает, что опасность для общества в данном случае связана не с извлечением чистой прибыли (как, например, при налоговых преступлениях), а в отсутствии контроля публичного субъекта за деятельностью в банковской сфере [1]. Полагаем, что в контексте сделанных нами выводов о сложном объекте незаконной банковской деятельности, в состав которого входит дополнительный объект публично-правового характера, такие выводы являются верными. Более того, иной подход позволил бы связать преступность деяния, а также уровень его общественной опасности с эффективностью деятельности преступников, что является в корне неверным. Более правильным представляется оценивать непосредственные масштабы совершенного деяния [2].

Что же касается категории ущерба, то стоит отметить, что термин «крупный ущерб» является оценочным, и законодательно пределы и размеры крупного ущерба не устанавливаются. Кроме того, не вполне ясно, каким образом может выражаться такой ущерб. Ведь он может быть выражен по-разному: и в причинении вреда гражданам, и в недополучении государством налогов и сборов. Также речь может идти не только о реальных убытках, но и об упущенной выгоде. В этом контексте полагаем целесообразным использовать опыт Таджикистана: понимать под ущербом как реальные убытки, так и упущенную выгоду в контексте того, что объект преступления имеет и частно-правовой характер.

Таким образом, можно прийти к следующим выводам:

— во-первых, для незаконной банковской деятельности характерен сложный непосредственный объект, который имеет как частно-правовую, так и публично-правовую природу. Под объектом преступления мы предлагаем понимать некое благо правового характера, при этом, объект незаконной банковской деятельности мы предлагаем понимать как порядок реализации банковских операций, представляющих собой деятельность исключитель-

¹ Приговор Первомайского районного суда г. Ижевска Удмуртской Республики от 09.02.2017 по уголовному делу № 1-73/2017. — URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 21.09.2019).

ного характера, осуществляемую на основании специальной лицензии субъектом, соответствующим установленным в законодательстве требованиям. При этом в контексте разграничения деятельности Банка России и непосредственно банковской деятельности по реализации операций банковского характера, а также в контексте невозможности исключения Банка России из банковской системы Российской Федерации в качестве дополнительного объекта мы предлагаем рассматривать устанавливаемый на законодательном уровне порядок правового регулирования деятельности банковского характера, а также порядок контрольно-надзорной деятельности Банка России за осуществлением операций банковского характера;

— во-вторых, полагаем, что из законодательства следует исключить положение о нарушении регистрационных требований, поскольку их нарушение в контексте правил, установленных Банком России, влечет и невозможность получения лицензии, при этом именно формально-юридический критерий лицензирования является ключевым для определения характеристик банковских операций;

— в-третьих, предлагаем сформулировать определение термина «доход», согласно которому доход будет пониматься как совокупная прибыль без вычета расходов, что соответствует публично-правовым признакам характера объекта анализируемого вида преступлений;

— в-четвертых, необходимо более детально подойти к анализу целесообразности применения категории «ущерб» в рамках данной нормы и определить, что относится к ущербу (мы предлагаем относить к ущербу также упущенную выгоду и в контексте частноправового характера объекта преступления).

Problems of Judicial Practice in the Field of Illegal Banking Activities

Volkova N.V.,

Assistant Lecturer of Dept. of Criminal Law and Procedure
at Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration of Russian Federation
Russia, Moscow
center-el@mail.ru

A comparison of the provisions of Articles 171 and 172 of the Criminal Code of the Russian Federation shows that they are correlated as a whole and a part, which is why it seems relevant to identify the grounds on which the classification of acts should be distinguished. In particular, in judicial practice there is no unity in the interpretation of acts of cashing out funds of an illegal nature: many courts qualify actions of illegal cashing out of funds through the transfer of such funds to fictitious organizations as illegal banking activities due to the fact that for cashing out funds in accordance with the Federal Law from 02.12.1990 No. 395-1 "On banks and banking activities" a license is required. Some courts believe that cashing out funds is a business activity that requires registration, and therefore qualify such acts on the basis of the provisions of Art. 171 of the Criminal Code of the Russian Federation. In this case, the key distinguishing feature is the subjective composition of the crime.

Keywords: object of crime, illegal banking activities, banking operations, judicial practice.

Список литературы

1. Волженкин, Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности (экономические преступления) / Б.В. Волженкин. СПб. : Юридический Центр Пресс, 2002. 641с.
2. Ларичев, В.В. Объективная сторона незаконной предпринимательской деятельности / В.В. Ларичев // Российский следователь. 2000. № 4.
3. Лопашенко, Н.А. Преступления в сфере экономики: авторский комментарий к уголовному закону / Н.А. Лопашенко. М.: Волтерс Клувер, 2006. 673 с.
4. Мильчехина, Е.В. Незаконная банковская деятельность по уголовному законодательству стран СНГ / Е.В. Мильчехина // Бизнес в законе. 2010. № 2. С. 100—102.
5. Устинова, Т.Д. Ответственность за незаконную предпринимательскую и банковскую деятельность / Т.Д. Устинова // Законность. 1999. № 7. С. 16—18.

References

1. Volzhenkin, B.V. Crimes in the sphere of economic activity (economic crimes) / B.V. Volzhenkin. St. Petersburg : Legal Center Press, 2002. 641 p.
2. Larichev, V.V. The objective side of illegal entrepreneurial activity / V.V. Larichev // Russian investigator. 2000. No. 4.
3. Lopashenko, N.A. Crimes in the economic sphere: author's commentary on the criminal law / N.A. Lopashenko. M.: Wolters Kluwer, 2006. 673 p.
4. Milchekhina, E.V. Illegal banking activities under the criminal legislation of the CIS countries / E.V. Milchekhina // Business in law. 2010. No. 2, pp. 100-102.
5. Ustinova, T.D. Responsibility for illegal business and banking activities / T.D. Ustinova // Legality. 1999. No. 7, pp. 16-18.

DOI 10.25799/NI.2023.11.27.021

УДК 343.18

Росгвардия и Следственный комитет Российской Федерации: уголовно-процессуальные полномочия в сфере деятельности войск национальной гвардии

С.В. Супрун,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса

Омской академии МВД России, полковник полиции

Россия, Омск

s.suprun65@mail.ru

Военные органы дознания, командиры воинских частей, соединений, начальники военных учреждений и гарнизонов Росгвардии не имеют предметного вида подследственности и не наделены частью 3 статьи 151 Уголовно-процессуального кодекса РФ полномочиями по возбуждению и расследованию уголовных дел небольшой и средней тяжести в форме дознания. Частью 2 статьи 40 УПК РФ им предоставлены усеченные уголовно-процессуальные полномочия по производству неотложных следственных действий по уголовным делам, предварительное следствие по которым обязательно; проверке заявлений и сообщений о совершенных преступлениях; выполнению поручений следователя, дознавателя о производстве следственных и иных процессуальных действий.

Производство дознания и предварительного следствия в сфере деятельности войск национальной гвардии в отношении сотрудников полиции Росгвардии осуществляется территориальными органами предварительного следствия Следственного комитета РФ на основе уголовно-процессуальной аналогии. Сотрудники полиции Росгвардии не включены в персональный вид подследственности СК России и не указаны в подп. «в» п. 1 ч. 2 ст. 151 УПК РФ среди должностных лиц правоохранительных органов.

В статье предлагается придать уголовно-процессуальной аналогии нормативную основу и дополнить подп. «в» п. 1 ч. 2 ст. 151 УПК РФ сотрудниками полиции и работниками ФГУП «Охрана» Росгвардии.

Федеральной службой войск национальной гвардии Российской Федерации разработаны поправки в статьи 40 УПК РФ «Орган дознания» и 157 УПК РФ «Производство неотложных следственных действий», в которых предлагается наделить начальников органов и подразделений собственной безопасности Росгвардии полномочиями по производству дознания.

Ключевые слова: военные органы дознания, Росгвардия, Следственный комитет РФ, полномочия, подследственность, уголовно-процессуальная аналогия.

Согласно п. 3 ч. 1 ст. 40 Уголовно-процессуального кодекса РФ командиры воинских частей, соединений, начальники военных учреждений и гарнизонов Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации (далее — ФСВНГ России)¹ являются органами дознания [1].

В статье 151 УПК РФ военные органы дознания ФСВНГ России не наделены уголовно-процессуальной компетенцией в виде предметного вида подследственности. Командиры воинских частей, соединений, начальники военных учреждений и гарнизонов ФСВНГ России как органы дознания не указаны в ч. 3 ст. 151 УПК РФ среди военных органов дознания, наделенных полномочиями по расследованию преступлений небольшой или средней тяжести, предусмотренных ч. 3 ст. 150 УПК РФ, поэтому они не вправе проводить дознание по уголовным делам, предварительное следствие по которым не обязательно. Частью 2 ст. 40 УПК РФ им предоставлены усеченные уголовно-процессуальные полномочия:

1) выполнение неотложных следственных действий по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия обязательно, — в порядке, установленном ст. 157 УПК РФ;

2) осуществление иных полномочий, предусмотренных УПК РФ (проверка заявлений и сообщений о совершенных преступлениях, выполнение поручений о производстве следственных и иных процессуальных действий).

На практике уголовно-процессуальную деятельность в сфере деятельности войск национальной гвардии вместо командиров и начальников воинских частей, соединений, учреждений и гарнизонов осуществляют следователи военных отделов (управлений) Следственного комитета РФ.

Следователи военных органов СК России в соответствии с п. 7 ч. 3 ст. 151 УПК РФ проводят дознание по всем уголовным делам о преступлениях, совершенных военнослужащими и гражданами, проходящими военные сборы, лицами гражданского персонала Вооружен-

¹ До образования ФСВНГ России командиры воинских частей, соединений, начальники военных учреждений и гарнизонов входили в состав внутренних войск МВД России. См.: п. 2 указа Президента РФ от 05.04.2016 № 157 «Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ных Сил РФ, других войск, воинских формирований, в том числе ФСВНГ России [2], и органов в связи с исполнением ими своих служебных обязанностей или совершенных в расположении части, соединения, учреждения, гарнизона, а также о преступлениях, совершенных в отношении указанных выше лиц в связи с их служебной деятельностью (подп. «в» п. 1 ч. 2 ст. 151 УПК РФ).

Следователи территориальных органов СК России в соответствии с п. 7 ч. 3 ст. 151 УПК РФ проводят дознание по всем уголовным делам о преступлениях небольшой или средней тяжести, подследственных органу дознания, совершенных должностными лицами территориальных органов внутренних дел Российской Федерации, учреждений или органов уголовно-исполнительной системы, таможенных органов Российской Федерации, органов принудительного исполнения Российской Федерации в связи с исполнением ими своих служебных обязанностей, либо если преступление совершено в отношении указанных выше должностных лиц в связи с их служебной деятельностью.

Подследственность органов предварительного следствия СК России по персональному признаку в отношении сотрудников полиции ОМОН, СОБР, вневедомственной охраны, лицензионно-разрешительной работы, входящих в состав Росгвардии¹, совершивших преступления небольшой или средней тяжести, законодателем в подп. «в» п. 1 ч. 2 ст. 151 УПК РФ нормативно не закреплена.

Буквальное толкование подп. «в» п. 1 ч. 2 ст. 151 УПК РФ позволяет утверждать, что следователь территориального органа СК России не вправе возбуждать и расследовать уголовные дела небольшой или средней тяжести в форме дознания, подследственные органу дознания, если преступление совершено сотрудником полиции Росгвардии.

Перечень категорий преступлений, не входящих в персональный вид подследственности СК России, совершенных сотрудниками полиции Росгвардии, на наш взгляд, можно продолжить, дополнив его категориями тяжких и особо тяжких преступлений, предварительное следствие по которым обязательно. Исходя из буквального толкования подп. «в» п. 1 ч. 2 ст. 151 УПК РФ, следователь СК России, обна-

ружив не подследственное ему по предметному виду подследственности тяжкое или особо тяжкое преступление, совершенное сотрудником полиции Росгвардии, не уполномочен возбудить и расследовать уголовное дело в отношении этого сотрудника.

На практике предварительное расследование в форме дознания или следствия в отношении сотрудников полиции Росгвардии, совершивших преступления, а также лиц, совершивших преступления в отношении сотрудников Росгвардии в связи с их служебной деятельностью, проводится следователями территориальных органов СК России на основе уголовно-процессуальной аналогии. В подтверждение этому можно привести примеры из судебной следственной практики.

Так, 17 июля 2019 г. следователь территориального СК России возбудил уголовное дело в отношении сотрудников полиции ОВО Росгвардии Никиты Лаврентьева и Александра Бойкова, находившихся при исполнении служебных обязанностей, за превышение должностных полномочий с применением насилия (ч. 3 ст. 286 УК РФ) и мошенничество с использованием служебного положения (ч. 3 ст. 159 УК РФ). Согласно фактам уголовного дела, указанные выше сотрудники полиции Росгвардии в июле 2019 года остановили 16-летнего подростка на улице и инсценировали изъятие у него вещества, похожего на наркотическое. Затем они потребовали от потерпевшего 300 тыс. рублей за непривлечение к уголовной ответственности. При этом росгвардейцы надели на подростка наручники и нанесли ему несколько ударов. Расследование уголовного дела и рассмотрение его в суде заняло более 2 лет. Красногвардейский районный суд города Санкт-Петербурга признал орган предварительного следствия СК России надлежащим субъектом предварительного расследования и приговорил сотрудников полиции Росгвардии к 6 и 4 годам лишения свободы².

23 января 2021 г. в г. Москве состоялся несанкционированный митинг, в ходе которого на сотрудника полиции МВД России и сотрудника полиции Росгвардии, исполнявших должностные обязанности по обеспечению общественного порядка во время проведения митинга, было совершено нападение. По данным фактам нападения на сотрудников поли-

¹ См.: пункт 4 указа Президента РФ от 05.04.2016 № 157 «Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Татьяна Ципуштанова. Опытны и опасны. Тень Голунова лишила свободы петербургских росгвардейцев // Фонтанка.ру. 19.07.2019 : [сайт] — URL: <https://www.fontanka.ru/2019/07/18/140/> (дата обращения: 30.08.2023); Красногвардейский районный суд Санкт-Петербурга приговорил двух сотрудников Росгвардии к 6 и 4 годам лишения свободы за применение насилия к моему доверителю // Адвокат Герасимов Дмитрий Георгиевич [сайт]. — URL: <https://advokatgerasimov.ru/news/krasnogvardejskij-rajonnyj-sud-goroda-prigovoril-dvuh-sotrudnikov-rosgvardii-k-6-i-4-godam-lisheniya-svobody-v-kolonii-obschego-rezhima> (дата обращения: 29.05.2023).

ции органом предварительного следствия ГСУ СК России по городу Москве было возбуждено два уголовных дела:

— в отношении женщины — за нанесение сотруднику полиции МВД России телесных повреждений в область туловища;

— в отношении мужчины, который, по версии органа предварительного следствия, во время несанкционированной акции 23 января 2021 г. бросил ограждение в сторону сотрудника полиции Росгвардии¹.

По нашему мнению, основанную на уголовно-процессуальной аналогии судебно-следственную практику СК России о возбуждении и расследовании уголовных дел в отношении: а) сотрудников полиции Росгвардии, совершивших преступления в связи с исполнением ими своих служебных обязанностей; б) лиц, совершивших преступления в отношении сотрудников полиции Росгвардии в связи с их служебной деятельностью, необходимо нормативно закрепить в подп. «в» п. 1 ч. 2 ст. 151 УПК РФ.

Наряду с территориальными органами полиции в состав Росгвардии входит Федеральное государственное унитарное предприятие «Охрана» (ФГУП «Охрана»)². В статье 26 Федерального закона от 14.04.1999 № 77-ФЗ «О ведомственной охране» (далее — Закон о ведомственной охране)³ говорится, что военизированные и сторожевые подразделения и организации ФГУП «Охрана» подведомственны Росгвардии. Нормы Федерального закона от 03.07.2016 № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации»⁴ не распространяются на деятельность ФГУП «Охрана» Росгвардии и не регулируют возникающие в этой сфере служебные отношения.

ФГУП «Охрана» Росгвардии осуществляет свою служебную деятельность на основании Федерального закона от 14.04.1999 № 77-ФЗ «О ведомственной охране». Перечень объектов обязательной охраны подразделениями ФГУП «Охрана» Росгвардии установлен постановлением Правительства РФ от 14.08.1992 № 587 «Вопросы частной детективной (сыскной) и частной охранной деятельности»⁵.

Статьей 6 Закона о ведомственной охране определен правовой статус лиц, проходящих службу в ФГУП «Охрана» Росгвардии: это работники. Согласно ч. 2 ст. 151 УПК РФ работники Росгвардии не входят в персональный вид подследственности следователя СК России. Уголовные дела в отношении работников ФГУП «Охрана» Росгвардии, совершивших преступления в связи с исполнением ими своих служебных обязанностей органами предварительного следствия и дознания возбуждаются по предметному, а не по персональному виду подследственности. В подтверждение сказанному приведем пример из уголовного дела.

В период с января 2019 года по февраль 2020 года начальник отряда № 3 военизированной охраны управления по ЦФО Центра охраны объектов промышленности ФГУП «Охрана» Росгвардии (ВОХР № 3), используя свои служебные полномочия начальника, вносил заведомо ложные сведения в таблицы учета рабочего времени о якобы отработанных его подчиненными сотрудниками дополнительных дежурствах. Сфабрикованные документы он направлял в бухгалтерию для начисления заработной платы за переработку. Используя свои служебные полномочия начальника, он принимал решения о начислении работникам дополнительных премий и иных стимулирующих выплат. После получения подчиненными ему работниками заработной платы обвиняемый требовал от них передачи ему соответствующей части денежных средств.

В отношении начальника отряда ВОХР № 3 на основании материалов, поступивших из УФСБ России по Владимирской области, следователь следственного отдела МО МВД России «Ковровский» возбудил уголовное дело по ч. 3 ст. 159 УК РФ («Мошенничество, совершенное с использованием служебного положения»)⁶. Уголовное дело в отношении работника ФГУП «Охрана» Росгвардии было возбуждено уполномоченным должностным лицом следователем органов внутренних дел в соответствии с предметным видом подследственности.

Вместе с тем установленный уголовно-процессуальным законом порядок возбуждения

¹ Два уголовных дела возбуждены по факту нападения на полицейского и сотрудника Росгвардии на акции в Москве 23 января // Московская газета. 28.01.2021 : [сайт] — URL: <https://mskgazeta.ru/obshchestvo/dva-ugolovnyh-dela-vozvuzhdeny-po-faktu-napadeniya-na-policejskogo-i-sotrudnika-rosgvardii-na-akkcii-v-moskve-23-yanvary-6944.html> (дата обращения: 30.08.2023).

² См.: пункт 5 указа Президента РФ от 05.04.2016 № 157 «Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ О ведомственной охране : Федеральный закон от 14.04.1999 № 77-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ О войсках национальной гвардии Российской Федерации : Федеральный закон от 03.07.2016 № 226-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Вопросы частной детективной (сыскной) и частной охранной деятельности : постановление Правительства РФ от 14.08.1992 № 587 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Начальника отряда ФГУП «Охрана» Росгвардии по ЦФО подозревают в мошенничестве // ТАСС. 11.02.2022 : [сайт]. — URL: <https://tass.ru/proisshestviya/13682317> (дата обращения: 01.08.2023).

уголовных дел в отношении работников ФГУП «Охрана» по предметному виду подследственности, на наш взгляд, не основан на уголовно-процессуальной аналогии, позволяющей посмотреть на возбуждение и расследование уголовных дел в отношении работников ФГУП «Охрана» Росгвардии через персональный вид подследственности. В частности, подп. «в» п. 1 ч. 2 ст. 151 УПК РФ включает в персональный вид подследственности СК России граждан, проходящих военные сборы, и лиц гражданского персонала Вооруженных Сил РФ. Следуя законодательной логике, в перечень гражданских лиц, входящих в персональный вид подследственности территориальных органов предварительного следствия СК России можно включить, на наш взгляд, работников военизированных и сторожевых подразделений ФГУП «Охрана» Росгвардии.

Росгвардия — это военизированный правоохранительный орган, состоящий из войсковых частей, соединений, органов полиции, военизированных и сторожевых подразделений ФГУП «Охрана».

Военнослужащие, сотрудники полиции ОМОН, СОБР, вневедомственной охраны, лицензионно-разрешительной работы и работники ФГУП «Охрана» наделены правом ношения, хранения и применения огнестрельного оружия. Признаки ношения, хранения и применения огнестрельного оружия военнослужащими, сотрудниками полиции и работниками ФГУП «Охрана» Росгвардии, по нашему мне-

нию, могут быть использованы законодателем в качестве научного аргумента при формировании персонального вида подследственности органов предварительного следствия СК России и включения в него работников военизированных и сторожевых подразделений ФГУП «Охрана» Росгвардии.

Список литературы

1. *Тушев, А.А.* Федеральная служба войск национальной гвардии РФ — самостоятельный орган дознания? / А.А. Тушев, П.М. Малин, А.В. Пивень // *Российская юстиция*. 2021. № 2. С. 42—45.

2. *Драпеко, В.А.* Вооруженные формирования. Военские формирования / В.А. Драпеко // *Большая российская энциклопедия*: [Электронный ресурс] — URL: <https://bigenc.ru/c/voinskie-formirovaniia-c227c7?ysclid=llni2ike9g560046304> (дата обращения: 23.08.2023).

References

1. *Tushev, A.A.* Is the Federal Service of the National Guard Troops of the Russian Federation an independent body of inquiry? / A.A. Tushev, P.M. Malin, A.V. Piven // *Russian justice*. 2021. No. 2, pp. 42-45.

2. *Drapeko, V.A.* Armed formations. Military formations / V.A. Drapeko // *Great Russian Encyclopedia*: [Electronic resource] — URL: <https://bigenc.ru/c/voinskie-formirovaniia-c227c7?ysclid=llni2ike9g560046304> (access date: 23.08.2023).

Rosgvardia and the Investigative Committee of the Russian Federation: Criminal Procedural Powers in the Field of Activity National Guard Troops

Suprun S.V.,

Cand. in Law, Assoc. Prof.,

Assoc. Prof. of Dept. of Criminal Proceedings

Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia,

Police Colonel

Russia, Omsk

s.suprun65@mail.ru

Military inquiry bodies commanders of military units, formations, heads of military institutions and garrisons of the Russian Guard do not have a substantive type of investigation and are not endowed in Part 3 of Art. 151 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation authority to initiate and investigate criminal cases of small and medium severity in the form of inquiry.

Part 2 of Art. 40 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation they are granted truncated criminal procedural powers to carry out urgent investigative actions in criminal cases, the preliminary investigation of which is mandatory; verification of allegations and reports of crimes committed; execution of orders of the investigator, investigator on the performance of investigative and other procedural actions.

The investigation and preliminary investigation in the field of activities of the National Guard troops against police officers of the Russian Guard is carried out by the territorial preliminary investigation bodies of the Investigative Committee of the Russian Federation on the basis of a criminal procedural analogy.

Rosgvardia police officers are not included in the personal type of investigation of the Investigative Committee of Russia and are not indicated in subparagraph "c" Clause 1 Part 2 of Art. 151 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation among law enforcement officials. The article proposes to give a criminal procedural analogy a normative basis and supplement subparagraph "c" Clause 1 Part 2 of Art. 151 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation by police officers and employees of the Federal State Unitary Enterprise "Okhrana" of the Russian Guard.

The Federal Service of the National Guard of the Russian Federation has developed amendments to Articles 40 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation "Inquiry Body" and 157 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation "Conduct of Urgent Investigative Actions," in which it is proposed to empower the heads of bodies and units of the Rosgvardia's own security with the authority to conduct an inquiry.

Keywords: *military bodies of inquiry, Rosgvardia, Investigative Committee of the Russian Federation, powers, jurisdiction, criminal procedure analogy*

DOI 10.25799/NI.2023.81.21.022

УДК 343.8

Новые направления в правовой политике государства по социализации лиц, освобождающихся из мест лишения свободы

Н.И. Полищук,

профессор кафедры теории государства и права,
международного и европейского права Академия ФСИН России,
доктор юридических наук, профессор, почетный работник
высшего профессионального образования Российской Федерации
Россия, Рязань
nik-polishchuk@yandex.ru

В статье исследуются вопросы, связанные с нормативно-правовым регулированием социализации лиц, освободившихся из мест лишения свободы. Отмечаются отдельные недостатки принятого в 2023 году Федерального закона «О пробации в Российской Федерации». Обосновывается необходимость совершенствования государственно-правовой политики в данной сфере общественных отношений.

Ключевые слова: правовое регулирование, пробация, органы местного самоуправления, субъекты пробации, ресоциализация, социальная адаптация, социальная реабилитация.

В современной теоретико-прикладной науке существует устойчивое мнение, что именно состояние уголовно наказуемого рецидива преступлений в своей совокупности выступает не только своеобразным качественным показателем общего характера преступности, но и явной демонстрацией эффективности правоохранительной деятельности государства в целом. Более того, углубление рецидивной преступности становится своеобразным «криминальным болотом» для первичной преступности, которое затягивает в свою негативную среду социально неустойчивых, легкомысленных правонарушителей.

По данным Министерства внутренних дел РФ, в январе—ноябре 2022 года зарегистрировано 1 823,3 тыс. преступлений. В результате преступных посягательств погибло 19,6 тыс. человек, здоровью 29,8 тыс. человек причинен тяжкий вред. Ущерб от преступлений (по окончанным и приостановленным уголовным делам) составил 700,0 млрд руб. Больше половины всех зарегистрированных преступлений (54,4%) составляют хищения чужого имущества, совершенные путем кражи — 648,9 тыс., мошенничества — 311,5 тыс., грабежа — 27,3 тыс., разбоя — 3,6 тыс.¹

Больше половины (60,0%) расследованных преступлений совершено лицами, ранее совершавшими преступления, и почти каждое четвертое (24,5%) — в состоянии алкогольного опьянения, каждое тридцать шестое (2,8%) — несовершеннолетними или при их соучастии. Удельный вес лиц без постоянного источника

дохода вырос с 64,2% до 65,1%, а удельный вес ранее судимых лиц — с 30,1% до 30,7%.

Как известно, постпенитенциарная рецидивная преступность выступает в качестве своеобразного индикатора всех упущений, недоработок, просчетов, а порой и явных провалов уголовно-правовой политики. В данном контексте оптимальная организация практической превентивной работы по недопущению совершения повторного преступления одними и теми же правонарушителями становится делом огромной государственной важности.

По нашему мнению, стабильный уровень рецидивной преступности в стране во многом обусловлен отсутствием качественной системы социального сопровождения лиц, освободившихся из мест лишения свободы. Ежегодно из исправительных учреждений возвращается в общество более 200 тыс. человек. Практически каждый освободившийся нуждается в квалифицированной социальной помощи. Значительно повышают риск рецидива утрата привычных социально полезных связей, наличие социально значимых заболеваний, психических расстройств и т. д. Согласно статистике, более 50% повторных преступлений приходится на первый год после освобождения, 30% — на второй и 15% — на третий год.

В современной криминологической науке бытует устойчивое мнение, что центром общей проблематики уголовного наказания и сферы его исполнения является процесс постпенитенциарной ресоциализации лиц, освобождающихся из мест лишения свободы, поскольку

¹ Состояние преступности в России за январь—ноябрь 2022 года // МВД России : [сайт] — URL : [https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2022/12/mvd_22_11_\(дата_обращения:12.09.2023\)](https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2022/12/mvd_22_11_(дата_обращения:12.09.2023)).

государство, стремясь исправить правонарушителя, с одной стороны, само разрывает традиционно сложившиеся социальные связи, а с другой — ставит задачи, нацеленные на эффективную социализацию этих же лиц, желая их последующего позитивного участия в общественных отношениях. Понимая парадоксальность данной ситуации, государство предпринимает самые разноплановые меры, направленные на минимизацию негативных последствий, возникающих в этой сфере общественных отношений. Однако приходится констатировать тот факт, что вся эта работа пока не приносит желаемых результатов. К большому сожалению, несмотря на столь высокую значимость данной проблемы, в настоящее время отсутствует внятная единая государственная концепция по возвращению в общество законопослушных граждан, готовых к полноценной, социально полезной жизни [1, с. 120].

Учитывая совокупность накопившихся проблем, в феврале 2023 года Государственной Думой был принят Федеральный закон «О пробации в Российской Федерации»¹, основными целями которого являются коррекция социального поведения, ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация лиц, в отношении которых применяется пробация, а также предупреждение совершения ими новых преступлений. Для достижения обозначенных целей предполагается решение целого комплекса взаимосвязанных задач, предусматривающих создание условий для оказания помощи лицам, в отношении которых применяется пробация, в вопросах восстановления социальных связей, востребованности профессиональных навыков и трудоустройства, обеспечения жильем, получения образования, реализации права на социальное обслуживание, получения медицинской, психологической и юридической помощи в соответствии с законодательством Российской Федерации, обеспечения гарантий защиты прав и свобод человека и гражданина.

По замыслу законодателя исполнительная пробация — это вид деятельности, представляющий собой совокупность мер, применяемых уголовно-исполнительными инспекциями в отношении лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации, при исполнении наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества (за исключением осужденных к штрафу, назначенному в качестве основного наказания, и принудительным работам), и иных мер уголовно-правового характера. При

этом под трудной жизненной ситуацией понимается обстоятельство или обстоятельства, которые ухудшают условия жизнедеятельности лиц, в отношении которых применяется пробация, и последствия которых они не могут преодолеть самостоятельно.

Пенитенциарная пробация применяется в отношении осужденных в учреждениях, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, и представляет собой совокупность мер, направленных на исправление осужденных, а также на подготовку осужденных, отбывающих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, к освобождению из указанных учреждений.

Постпенитенциарная пробация — вид пробации, применяемый в отношении лиц, освободившихся из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, и представляет собой совокупность мер, направленных на ресоциализацию, социальную адаптацию и социальную реабилитацию.

Необходимо обратить внимание еще на одну слабую, не вполне продуманную сторону данного документа. Так, в ч. 2 ст. 6 Федерального закона «О пробации в Российской Федерации» закреплено положение о том, что «органы местного самоуправления вправе участвовать в процедурах пробации во взаимодействии с субъектами пробации».

Семантика слова «вправе» не подразумевает, что они «обязаны» участвовать в процедурах пробации. Трактовка понятия «вправе» носит диспозитивный (добровольный) характер и означает, попросту говоря: «хочу — участвую, а хочу — не участвую». Применяя данную трактовку, законодатель уже изначально программирует безучастность и безответственность органов местного самоуправления в процедурах пробации. Как показывает практика, органы местного самоуправления занимаются подобными вопросами не совсем охотно, а если говорить прямо, то не занимаются вообще. Усугубляет ситуацию и тот факт, что согласно ст. 12 Конституции РФ органы местного самоуправления «не входят в систему органов государственной власти». В пределах своих полномочий они самостоятельны, следовательно, обособлены от системы органов государственной власти.

Думается, что это — самая непродуманная часть закона, так как именно от активной

¹ О пробации в Российской Федерации : Федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт] — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202302060003?index=14> (дата обращения : 20.09.2023)

позиции органов местного самоуправления во многом зависит качество реализации данного нормативного правового акта, т. е. достижение поставленных целей и решение задач. Отсутствие надлежащей государственной позиции в данном вопросе порождает множество проблем, с которыми постоянно будут сталкиваться субъекты пробации. Особенно остро будут стоять вопросы трудоустройства на подведомственных им предприятиях, а также организациях, расположенных на их территории, предоставления временного места проживания, оказания медицинской и иной социальной помощи лицам, в отношении которых применяется пробация.

Следовательно, для исправления данной ситуации необходимо внести изменения, обязывающие органы местного самоуправления активно участвовать в процедурах пробации, не только в Федеральный закон «О пробации в Российской Федерации», но и в нормативные правовые акты, регулирующие деятельность органов местного самоуправления, в том числе в Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах местного самоуправления в Российской Федерации»¹, в конституции и уставы субъектов Российской Федерации, законы субъектов Российской Федерации.

Следует акцентировать внимание на том обстоятельстве, что по замыслу законодателя для осуществления мероприятий по ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация, могут привлекаться коммерческие и некоммерческие, в том числе религиозные, социально ориентированные некоммерческие организации, организации и общественные объединения; негосударственные (коммерческие и некоммерческие) организации социального обслуживания, предоставляющие социальные услуги; организации, осуществляющие образовательную деятельность; научные, медицинские организации; индивидуальные предприниматели, в том числе на основании соглашений, заключенных с субъ-

ектами пробации; общественные наблюдательные комиссии, а также граждане (ч. 3 ст. 6 Федерального закона «О пробации в Российской Федерации»).

Безусловно, данный факт заслуживает одобрения и всяческой поддержки, однако огорчает то обстоятельство, что законодатель заблаговременно не обозначил перечень стимулов, льгот, преференций для перечисленных выше коммерческих и некоммерческих организаций, индивидуальных предпринимателей, граждан, которые будут оказывать помощь субъектам пробации.

В контексте изложенного необходимо отметить, что результативная социализация лиц, освобожденных из мест лишения свободы, является неотъемлемой частью предупреждения рецидивной преступности. Следовательно, эффективная реализация Федерального закона «О пробации в Российской Федерации» будет способствовать сокращению преступности и укреплению законности и правопорядка в стране.

Список литературы

1. *Полищук, Н.И.* Нормативно-правовое обеспечение и организационно-правовые аспекты реализации пробации в Российской Федерации / Н.И. Полищук // VI Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление»: сб. тезисов, выступлений и докладов участников (г. Рязань, 15–17 ноября 2023 г.): В 9 т. Т. 2. Рязань: Академия ФСИН России, 2023. С. 118–122.

References

1. Polishchuk, N.I. Regulatory support and organizational and legal aspects of the implementation of probation in the Russian Federation / N.I. Polishchuk // VI International Penitentiary Forum "Crime, Punishment, Correction": a collection of theses, speeches and reports of participants (Ryazan, November 15–17, 2023): In 9 volumes. Vol. 2. Ryazan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2023, pp. 118–122.

¹ Об общих принципах местного самоуправления в Российской Федерации : Федеральный закон от 06.10.2003. № 131-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 40. Ст. 3822.

**New Directions in the Legal Policy of the State on the Socialization
of Persons Released from Prison**

Polishchuk N.I.,

Prof. of Dept. of Theory of State and Law,
International and European Law Academy of the Federal
Penitentiary Service of Russia, Doct. in Law, Prof., Honorary Worker
of Higher Professional Education of Russian Federation
Russia, Ryazan
nik-polishchuk@yandex.ru

The article examines issues related to the legal regulation of the socialization of persons released from prison. Certain shortcomings of the Federal Law "On Probation in the Russian Federation" adopted in 2023 are noted. The need to improve state and legal policy in this area of public relations is substantiated.

Keywords: *legal regulation, probation, local governments, probation subjects, resocialization, social adaptation, social rehabilitation.*

DOI 10.25799/NI.2023.67.54.023

УДК 341.231.14:004

Права человека в информационном обществе: соотношение информационных и цифровых прав

В.А. Карташкин,

доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник

Института государства и права РАН,
заслуженный юрист РФ

Россия, Москва

v.kartashkin@mail.ru

Статья посвящена актуальной проблематике, связанной с обеспечением прав человека в информационном обществе. Повышенное внимание уделяется соотношению информационных прав и цифровых прав человека, которые в последнее время все чаще выступают в качестве предмета дискуссий. Принимая во внимание, что среди исследователей на данный момент отсутствует консолидированная точка зрения на природу и сущность указанных прав, автор приходит к выводу, что более корректно называть их информационно-цифровыми, поскольку они априори неразрывно связаны с информацией, являющейся конструктом реальности (в том числе виртуальной реальности).

Автор предлагает разработать в рамках Организации Объединенных Наций и принять соответствующей резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН Международный цифровой кодекс прав человека, который будет представлять собой новый международно-правовой документ, призванный обеспечить всестороннее и комплексное регулирование цифровых прав и свобод человека. Предлагаемый кодекс вполне может стать составной частью разрабатываемого в настоящее время по инициативе Генерального секретаря и под эгидой ООН Глобального цифрового договора.

Ключевые слова: информация, информатизация, информационные права человека, цифровизация, цифровые права человека, ООН, Международный цифровой кодекс прав человека, Глобальный цифровой договор.

В Декларации о праздновании 75-летия Организации Объединенных Наций, принятой в формате резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 21 сентября 2020 г. (далее — Декларация)¹, содержатся 12 обязательств, на которых основывается так называемая Наша общая повестка дня — своеобразная «дорожная карта» ООН на ближайшее десятилетие². Одно из указанных обязательств заключается в том, чтобы «усовершенствовать цифровое сотрудничество».

В Декларации речь идет о том, что цифровые технологии кардинальным образом изменили общество. С одной стороны, они открывают беспрецедентные возможности, с другой — создают новые проблемы, так как при ненадлежащем или злонамеренном использовании могут усиливать разногласия внутри стран и между ними, вызывать снижение уровня безопасности, ставить под угрозу права человека и усиливать неравенство. Поскольку в современном мире от цифровых средств как никогда зависит обеспечение связи и социально-экономическое процветание, в числе первоочередных задач должны оставаться формирование общего видения цифрового сотрудниче-

ства и цифрового будущего, отражающего весь потенциал полезного использования технологий, и решение вопросов, касающихся доверия и безопасности в цифровой сфере. Цифровые технологии могут способствовать более оперативной реализации Повестки дня на период до 2030 года. Мы должны обеспечить всем безопасный доступ к ним на приемлемых условиях. Организация Объединенных Наций может послужить площадкой для обсуждения этого вопроса с участием всех заинтересованных сторон (пункты 13 и 14 Декларации).

Генеральный секретарь ООН в докладе «Наша общая повестка дня» предлагает на Саммите будущего, который состоится в сентябре 2024 года, согласовать Глобальный цифровой договор в рамках технологического аспекта при участии всех заинтересованных сторон: правительств, системы Организации Объединенных Наций, частного сектора (включая технологические компании), гражданского общества, научных кругов и отдельных лиц, включая молодежь. Ожидается, что Глобальный цифровой договор «обозначит общие принципы открытого, свободного и безопасного цифрового будущего для всех»³. В отчете

¹ Doc. UNA/RES/75/1 of 28 September 2020 // Организация Объединенных Наций : [Электронный ресурс] — URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N20/248/83/PDF/N2024883.pdf?OpenElement> (дата обращения: 10.11.2023).

² Наша общая повестка дня. Доклад Генерального секретаря ООН // Организация Объединенных Наций : [Электронный ресурс] — URL: <https://www.un.org/ru/content/common-agenda-report/> (дата обращения: 10.11.2023).

³ Справочная информация о Глобальном цифровом договоре // Организация Объединенных Наций : [Электронный ресурс] — URL: <https://www.un.org/techenvoy/ru/global-digital-compact> (дата обращения: 10.11.2023).

«Общей повестки дня» предлагаются вопросы, которые он может охватывать, включая цифровое подключение, недопущение фрагментации интернета, предоставление людям вариантов использования их данных, применение прав человека в интернете и продвижение надежного интернета путем введения критериев ответственности за дискриминацию и вводящий в заблуждение контент¹.

Следует особо подчеркнуть, что проблематика, сопряженная с информационными и цифровыми правами человека, в последние годы привлекает к себе все большее число исследователей, в работах и научных публикациях которых, во-первых, анализируются различные аспекты теоретического и практического характера рассматриваемой тематики [1, с. 9—46; 2, с. 40—44; 5, с. 1026—1036; 7, с. 47—54; 8, с. 2091—2095; 9, с. 946—962; 12, с. 161—169; 13, с. 3—12; 14, с. 32—38; 15, с. 5—17; 17, с. 87—95; 18, с. 109—123], во-вторых, изучается специфика прав и свобод человека в цифровом измерении [3, с. 64—73; 6, с. 63—67], в цифровую эпоху [16, с. 122—146], в эпоху цифровых технологий [4, с. 109—135] и т. д.

Важно отметить, что в современном международном праве отсутствует общепризнанный перечень цифровых прав человека. В научных публикациях, как правило, речь идет о следующих основных цифровых правах: право на доступ к интернету; право на защиту персональных данных; право на цифровое самоопределение; право на обеспечение цифрового суверенитета человека; право на забвение и др. [6, с. 63].

В научной литературе встречается и более широкая трактовка понятия цифровых прав, согласно которой они в себя включают: права на получение доступа и возможности использовать телекоммуникационные сети (включая сеть Интернет), электронные устройства (в том числе компьютеры), цифровые носители; права, позволяющие разным лицам создавать, получать, использовать и распространять информацию в цифровой форме, и т. д. [13, с. 4].

Более того, существенные проблемы возникают даже непосредственно с их наименованием. Так, в российской литературе последние, как правило, называют «информационными», «цифровыми», «виртуальными», в англоязычной — пишут о цифровых правах (digital rights), интернет-правах (internet rights), праве на коммуникацию (right to communicate), праве свободы соединения с любым лицом в любое время в любом месте для любых целей (freedom to connect — to anyone, anytime,

anywhere, for anything). Порою данные термины применяются в качестве синонимов, в ряде случаев делается специальный акцент на определенных особенностях обозначаемых ими прав [1, с. 12].

В частности, В.В. Жемеров ставит знак равенства между информационными и цифровыми правами человека и пишет о том, что «в общей теории информационного права еще существуют плохо разработанные или вовсе неразработанные проблемы. Одна из них — проблема так называемых информационных (цифровых) прав» [5, с. 1026].

Действительно, на наш взгляд, различия между информационными и цифровыми правами в определенной мере носят условный характер. Первые в соответствии с названием реализуются в *информационном пространстве* (сфере, среде), вторые же — в *цифровой среде* (сфере). При этом совершенно очевидно, что понятие «информационное пространство» в значительной степени шире (объемнее), чем цифровая сфера (среда). Кроме того, в качестве еще одного определенного различия вполне можно привести аргумент о том, что информационные права являются объектом регулирования информационного права [10], а цифровые — цифрового права [19].

В то же время в юридической научной литературе существует довольно дискуссионная точка зрения, согласно которой «информационное право не является самостоятельным правом, оно скорее является средством реализации традиционных прав человека, но постепенное развитие концепции цифровых прав человека и постепенное понимание ее природы позволят в будущем создать совершенствованную правовую базу для отдельной личности» [8, с. 2094].

Цифровые права — это новая разновидность «традиционных» информационных прав человека, обеспечение и защиты которых на настоящий момент в достаточной степени регламентированы (урегулированы) положениями и нормами соответствующих статей так называемого Билля о правах, включающего в себя Всеобщую декларацию прав человека (1948 г.) и Международные пакты о правах человека (1966 г.).

Так, по мнению представителей Ассоциации для прогрессивных коммуникаций (Association for Progressive Communications, APC), созданной в 1990 году, на официальном сайте которой размещена так называемая Хартия прав в интернете, последний представляет собой глобальное общественное пространство, которое должно быть открытым, недоро-

¹ Справочная информация о Глобальном цифровом договоре // Организация Объединенных Наций : [Электронный ресурс] — URL: <https://www.un.org/techenvoy/ru/global-digital-compact> (дата обращения: 10.11.2023).

гим и доступным для всех. Интернет может быть инструментом расширения прав и возможностей народов мира только в том случае, если признаются, защищаются и уважаются следующие права: доступ в интернет для всех; свобода выражения мнений и ассоциаций; доступ к знаниям; совместное обучение и созидание — разработка программного обеспечения и технологий со свободным исходным кодом; конфиденциальность, наблюдение и шифрование; управление интернетом; осведомленность, защита и реализация прав¹.

Как уже отмечалось, более корректно называть рассматриваемые права *информационно-цифровыми*, поскольку они априори неразрывно связаны с информацией, являющейся, в свою очередь, конструктом реальности (в том числе виртуальной) и представляет собой одну из социальных ценностей. В данной связи уместно заметить, что, например, тот же цифровой код представляет собой информацию [9, с. 951].

Представители российского и зарубежного научно-экспертного сообщества предпринимают соответствующие усилия для осуществления оценки эволюции использования гражданами цифровых платформ и связанных с ними цифровых прав и обязанностей в страновом, региональном и международном контекстах, стараясь выявить главные тренды и проблемы, которые имеют прямое отношение к праву голоса, участию в выборах, проводимых в электронном формате, а также к изоляции и маргинализации так называемого цифрового меньшинства.

В связи с этим целесообразно особо отметить важную роль, которую играет в рассматриваемой сфере Ежегодный Всемирный саммит по информационному обществу (далее — ВВУИО, Всемирный саммит). Это глобальная платформа, способствующая реализации направлений деятельности ВВУИО по продвижению устойчивого развития, организованная ЮНЕСКО, МСЭ, ПРООН и ЮНКТАД в тесном сотрудничестве со всеми координаторами направлений деятельности ВВУИО и другими организациями ООН. Всемирный саммит предоставляет возможность для обмена информацией, накоп-

ления знаний и распространения передовой практики при одновременном выявлении новых тенденций и укреплении партнерских отношений с учетом развития информационного общества и обществ, основанных на знаниях. В текущем году он проходил с 13 по 17 марта в Международном конференц-центре Geneva (CICG) в Женеве при поддержке дистанционного участия. Виртуальные сессии продолжались в апреле и мае. Темой форума были направления действий ВВУИО по улучшению восстановления и ускорению достижения целей устойчивого развития (ЦУР). В качестве главной на этот раз выступала проблема преодоления цифрового неравенства².

Важно подчеркнуть, что в рамках соответствующих структур ООН предпринимаются попытки выработать добротную основу для установления прав и законных ожиданий, которыми заинтересованные стороны той или иной цифровой платформы (прежде всего речь идет об обычных пользователях) должны пользоваться, а также обязанности, которые последние могут нести³.

Цифровые права, при всем том, что они предоставили огромные возможности для оптимизации и совершенствования реализации прав человека, одновременно дали большие возможности для ограничения этих прав (например, фальсификация информации, подтасовка результатов выборов и др.).

Специфика цифровых прав диктует и особенность международного механизма, который должен быть разработан в дальнейшем для защиты этих прав. На наш взгляд, в настоящее время речь может идти исключительно о разработке международно-правовых документов рекомендательного характера, относящихся к так называемому мягкому праву (*soft law*), поскольку разработка договора, носящего обязательный характер, может натолкнуться первоначально на непреодолимые трудности.

Только после согласования противоположных позиций государств — членов ООН можно будет приступить к разработке итогового документа. Предлагаемые некоторыми авторами разработка и принятие Конвенции ООН по цифровым правам, на наш взгляд, представ-

¹ Хартия прав человека в интернете // Ассоциация прогрессивных коммуникаций (APC) : [Электронный ресурс] — URL: <https://www.apc.org/en/node/5677/> (дата обращения: 20.11.2023).

² WSIS Forum 2023 – High-Level Track: Summaries of the High-Level Policy Sessions. — URL: <https://www.itu.int/net/wsis/> (дата обращения: 20.11.2023).

³ Право на неприкосновенность личной жизни в цифровой век: резолюция ГА ООН от 18.12.2013 № A/RES/68/167 // Организация Объединенных Наций : [Электронный ресурс] — URL: https://www.un.org/ru/ga/third/68/third_res.shtml (дата обращения: 10.11.2023); Право на неприкосновенность личной жизни в цифровую эпоху: резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 18.12.2014 № A/RES/69/166 // Организация Объединенных Наций : [Электронный ресурс] — URL: https://www.un.org/ru/ga/third/69/third_res.shtml (дата обращения: 10.11.2023); Мандат Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение: резолюция Совета ООН по правам человека 7/36 от 28.03.2008 // Организация Объединенных Наций : [Электронный ресурс] — URL: https://ap.ohchr.org/documents/R/HRC/resolutions/A_HRC_RES_7_36.pdf (дата обращения: 20.11.2023).

ляет собой несколько упрощенный подход. В случае с таким весьма неординарным социально-правовым феноменом, каким являются цифровые права, требуется совершенно иной подход и совсем другой базовый международно-правовой акт, главной целью которого было бы обеспечение не только всестороннего и комплексного регулирования, но и защита цифровых прав и свобод человека.

Более того, представляется, что и механизм защиты цифровых прав должен быть также другим, чем в Пактах: должны быть исключены индивидуальные жалобы. Что же касается контрольного механизма за реализацией положений и норм будущего международно-правового акта, то в данном случае вполне возможен механизм, аналогичный современному действующему Универсальному периодическому обзору (УПО). При этом контрольный механизм должен включать информацию государств как о соблюдении ими цифровых прав, так и о реакции на жалобы на их нарушения. Дело в том, что цифровые права могут нарушать не только государства, но и индивиды (физические лица или их группы), мошенники, нарушающие права на собственность, распространяющие ложную информацию. По нашему мнению, специфика международного регулирования цифровых прав заключается в том, что многие из них следует подвергать реальным и серьезным ограничениям во избежание злоупотреблений.

Когда будут появляться новые виды цифровых прав, целесообразно предусмотреть разработку и принятия дополнительных механизмов контроля за их соблюдением. В этих целях могут быть созданы различные комитеты экспертов, состоящие как из юристов, так и специалистов в сфере цифровых технологий.

Предлагаем разработать в рамках Организации Объединенных Наций и принять соответствующей резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН *Международный цифровой кодекс прав человека*, который будет представлять собой новый международно-правовой документ, призванный обеспечить всестороннее и комплексное регулирование цифровых прав и свобод человека. Представляется, что предлагаемый Кодекс вполне может стать составной частью разрабатываемого в настоящее время по инициативе Генерального секретаря и под эгидой ООН Глобального цифрового договора.

Как следует из Доклада Генерального секретаря ООН, главный концептуальный вектор

Глобального цифрового договора направлен на «*усовершенствование цифрового сотрудничества*». Этот договор будет содержать положения о соответствующих обязательствах государств — участников и негосударственных образований (речь идет о транснациональных корпорациях, деятельность которых осуществляется в сфере высоких цифровых технологий). Реализация указанных обязательств должна позволить:

- подключить к интернету всех людей, включая все школы;
- избежать фрагментации интернета;
- защищать данные;
- обеспечить права человека в условиях интернета;
- ввести критерии ответственности за дискриминацию и вводящий в заблуждение контент;
- содействовать регулированию искусственного интеллекта.

Декларируется также, что цифровое достоинство есть одно из глобальных общественных благ¹.

Безусловно, окончательное согласование всех существенных положений Глобального цифрового договора возможно лишь после реального спада современной напряженности международных отношений, завершения военных конфликтов.

Особый интерес вызывают следующие два обязательства: «защитить данные» и «обеспечить права человека в условиях интернета». Обязательство защищать персональные данные каждого индивида, размещенные им в цифровой среде, представляет собой право человека на так называемое цифровое самоопределение. Квинтэссенция этого права заключается в предоставлении возможности для индивида самостоятельно определять объем размещаемых персональных данных и степень их раскрытия.

Обязательство «обеспечить права человека в условиях интернета», во-первых, направлено на защиту цифровых прав индивида, поскольку, как особо отмечено в Дорожной карте Генерального секретаря ООН по цифровому сотрудничеству, *права человека существуют в онлайн-режиме точно так же, как и в физическом мире*². Во-вторых, оно диктует императив разработки и принятия Международного цифрового кодекса прав человека, о котором речь шла выше. Думается, что в этом Кодексе должен быть, наконец, закреплён каталог циф-

¹ Наша общая повестка дня. Доклад Генерального секретаря ООН // Организация Объединенных Наций : [Электронный ресурс] – URL: <https://www.un.org/ru/content/common-agenda-report/> (дата обращения: 10.11.2023).

² Дорожная карта Генерального секретаря ООН по цифровому сотрудничеству // Организация Объединенных Наций : [Электронный ресурс] – URL: <https://www.un.org/teenvoy/ru/content/roadmap-digital-cooperation> (дата обращения: 10.11.2023).

ровых прав человека, который, естественно, не будет исчерпывающим, поскольку, как было отмечено ранее, будут появляться новые цифровые права, детерминированные дальнейшим поступательным развитием цифровых технологий и новейших средств коммуникаций.

Полагаем, цифровизация, стремительно распространяющаяся в мире, объективно приведет к более эффективной международной защите прав и основных свобод человека, совершенствованию контрольного конвенционного механизма в данной сфере; появятся новые международно-правовые принципы и нормы, конкретизирующие и развивающие права и свободы человека, в том числе и те, которые закреплены во Всеобщей декларации прав человека и международных Пактах.

Все это будет содействовать укреплению прав человека, развитию межгосударственного сотрудничества и усилению международной безопасности. Это особенно относится к свободе информации, свободе выражения своего мнения, свободе слова, свободе мысли и т. п. Появятся новые права человека, в частности право свободного выражения слова и мысли в телекоммуникационной сети Интернет, т. е. в виртуальной реальности.

Список литературы

1. Варламова, Н.В. Цифровые права — новое поколение прав человека? / Н.В. Варламова // Труды Института государства и права РАН. 2019. Т. 14. № 4. С. 9—46.
2. Гарумов, Н.М. Права человека в информационном обществе / Н.М. Гарумов, Р.М. Касумов // Государственная служба и кадры. 2021. № 5. С. 40—44.
3. Грачева, С.А. Основные права и свободы в цифровом измерении / С.А. Грачева, М.Е. Черемисинова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2021. Т. 21. № 1. С. 64—73.
4. Довгань, Е.Ф. Права человека в эпоху цифровых технологий / Е.Ф. Довгань // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 5 (45). С. 109—125.
5. Жемеров, В.В. Цифровые права человека: теоретические и практические проблемы / В.В. Жемеров // Вопросы российской юстиции. 2019. № 4. С. 1026—1036.
6. Жигарева, Ю.С. Конституционные права человека в цифровом измерении / Ю.С. Жигарева, Л.А. Смирнова // Законность и правопорядок. 2022. № 2 (34). С. 63—67.
7. Ищенко, М.В. Информационное общество: подходы к определению сущности категорий / М.В. Ищенко // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2007. № 1. С. 47—54.
8. Казачек, Т.А. Информационные права — новые права человека / Т.А. Казачек, В.М. Смирнов // Научно-образовательный журнал для студентов и преподавателей «StudNet». 2021. № 6. С. 2091—2095.

9. Карташкин, В.А. Цифровые права человека: международно-правовое и социальное измерения / В.А. Карташкин // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2022. Т. 22. № 4. С. 949—962.

10. Копылов, В.А. Информационное право : учебник. — 2-е изд., перераб. и доп. / В.А. Копылов. М. : Юристъ, 2005. 512 с.

11. Невинский, В.В. «Цифровые права» человека: сущность, система, значение / В.В. Невинский // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 10. С. 26—32.

12. Прокудин, Д.Е. Проблемы реализации прав человека в информационном обществе / Д.Е. Прокудин // ПОЛИТЭКС. 2009. Т. 5. № 4. С. 161—169.

13. Рожкова, М.А. Цифровые права: публично-правовая концепция и понятие в российском гражданском праве / М.А. Рожкова // Хозяйство и право. 2020. № 10. С. 3—12.

14. Сачко, З.А. Конституционная регламентация нового поколения прав человека: становление соматических и информационных прав в России / З.А. Сачко // Российский научный вестник. 2023. № 1. С. 32—38.

15. Талапина, Э.В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы / Э.В. Талапина // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 5—17.

16. Талапина, Э.В. Эволюция прав человека в цифровую эпоху / Э.В. Талапина // Труды Института государства и права РАН. 2019. Т. 14. № 3. С. 122—146.

17. Тарасова, А.Е. Цифровые права как новое поколение прав человека в системе международного права в сфере прав человека / А.Е. Тарасова, Я.В. Лысова // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2023. Т. 10. № 1. С. 87—95.

18. Хуснутдинов, А. Право на доступ в Интернет — новое право человека? / А. Хуснутдинов // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 4. С. 109—123.

19. Цифровое право : учебник / под общ. ред. В.В. Блажеева, М.А. Егоровой. М. : Проспект, 2020. 640 с.

References

1. Varlamova, N.V. Digital rights – a new generation of human rights? / N.V. Varlamova // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2019. Vol. 14. No. 4, pp. 9-46.
2. Garumov N.M., Kasumov R.M. Human rights in the information society / N.M. Garumov, R.M. Kasumov // Public service and personnel. 2021. No. 5, pp. 40-44.
3. Gracheva, S.A. Fundamental rights and freedoms in the digital dimension / S.A. Gracheva, M.E. Cheremisinova // Bulletin of the South Ural State University. Series: Law. 2021. Vol. 21. No. 1, pp. 64-73.
4. Dovgan, E.F. Human rights in the era of digital technologies / E.F. Dovgan // Bulletin of the University named after O.E. Kutafina (MSAL). 2018. No. 5 (45), pp. 109-125.

5. Zhemerov, V.V. Digital human rights: theoretical and practical problems / V.V. Zhemerov // Issues of Russian justice. 2019. No. 4, pp. 1026—1036.
6. Zhigareva, Yu.S. Constitutional human rights in the digital dimension / Yu.S. Zhigareva, L.A. Smirnova // Law and order. 2022. No. 2 (34), pp. 63-67.
7. Ishchenko, M.V. Information society: approaches to determining the essence of categories / M.V. Ishchenko // Bulletin of Omsk University. Series: Economics. 2007. No. 1, pp. 47-54.
8. Kazachek, T.A. Information rights - new human rights / T.A. Kazachek, V.M. Smirnov // Scientific and educational magazine for students and teachers "StudNet". 2021. No. 6. pp. 2091—2095.
9. Kartashkin, V.A. Digital human rights: international legal and social dimensions / V.A. Kartashkin // Bulletin of RUDN University. Series: Sociology. 2022. T. 22. No. 4, pp. 949-962.
10. Kopylov, V.A. Information law: textbook. – 2nd ed., revised. and additional / V.A. Kopylov. M.: Yurist, 2005. 512 p.
11. Nevinsky, V.V. "Digital rights" of a person: essence, system, meaning / V.V. Nevinsky // Constitutional and municipal law. 2019. No. 10, pp. 26-32.
12. Prokudin, D.E. Problems of realizing human rights in the information society / D.E. Prokudin // POLITEX. 2009. T. 5. No. 4, pp. 161-169.
13. Rozhkova, M.A. Digital rights: public legal concept and concept in Russian civil law / M.A. Rozhkova // Economy and Law. 2020. No. 10, pp. 3-12.
14. Sachko, Z.A. Constitutional regulation of a new generation of human rights: the formation of somatic and information rights in Russia / Z.A. Sachko // Russian Scientific Bulletin. 2023. No. 1, pp. 32-38.
15. Talapina, E.V. Law and digitalization: new challenges and prospects / E.V. Talapina // Journal of Russian Law. 2018. No. 2, pp. 5-17.
16. Talapina, E.V. The evolution of human rights in the digital era / E.V. Talapina // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2019. Vol. 14. No. 3, pp. 122-146.
17. Tarasova, A.E. Digital rights as a new generation of human rights in the system of international law in the field of human rights / A.E. Tarasova, Ya.V. Lysova // Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University. 2023. Vol. 10. No. 1, pp. 87-95.
18. Khusnutdinov, A. The right to access the Internet - a new human right? / A. Khusnutdinov // Comparative constitutional review. 2017. No. 4, pp. 109-123.
19. Digital law: textbook / general. ed. V.V. Blazheeva, M.A. Egorova. M.: Prospekt, 2020. 640 p.

Human Rights in the Information Society: Ratio of Information and Digital Rights

Kartashkin V.A.,

Doct. in Law, Prof.,

Chief Researcher at Institute of State and Law of RAS,
Honored Lawyer of Russian Federation

Russia, Moscow

v.kartashkin@mail.ru

The article is devoted to current scientific and practical issues directly related to ensuring human rights in the information society. Increased attention is paid to the relationship between information rights and digital human rights, which have recently been increasingly mentioned in scientific discourse, serving as a subject of discussion. Taking into account the fact that there is currently no consolidated point of view among researchers on the nature and essence of these rights, the author comes to the conclusion that it is more correct to call them information-digital, since they are a priori inextricably linked with information, which is a construct of reality (including virtual reality).

The author of this publication proposes to develop, within the framework of the United Nations, and adopt the relevant resolution of the UN General Assembly, an International Digital Code of Human Rights, which will be a new international legal document designed to ensure comprehensive and integrated regulation of digital human rights and freedoms. It seems that the proposed Code may well become an integral part of the Global Digital Compact currently being developed at the initiative of the Secretary-General and under the auspices of the United Nations.

Keywords: *information, informatization, information human rights, digitalization, digital human rights, UN, International Digital Code of Human Rights, Global Digital Compact.*

DOI 10.25799/NI.2023.57.60.024

УДК 341.229

Прикладные виды космической деятельности: проблемы международно-правового регулирования

Г.Г. Шинкарецкая,

доктор юридических наук,
главный научный сотрудник

Института государства и права РАН
Россия, Москва
gshink@yandex.ru

Целью статьи является сравнительно-правовое исследование методов международно-правового регулирования различных видов космической деятельности, результаты которых имеют значения для использования на Земле.

Деятельность в области исследования и использования космического пространства и небесных тел начиналась исключительно как деятельность государств, направленная в основном на получение фундаментальных знаний или обеспечение военной безопасности. В 1960-е и 1970-е годы были приняты договоры, заложившие основу космической деятельности. Однако после 1980 года договорно-правовое регулирование космической деятельности не развивается. Несмотря на активно и усиленно работающий Комитет ООН по космосу, единственное, чего удастся достичь, — это принятие Генеральной Ассамблеей ООН рекомендательных резолюций, которые служат основой для принятия национального законодательства в области космической деятельности.

С течением времени и с развитием технологий оказалось, что Космос может быть использован для обеспечения самых насущных нужд на Земле, таких как телефонная связь, навигация для всех видов транспорта, предвидение природных катастроф и т. п. Оказалось также, что эта прикладная деятельность чрезвычайно прибыльна. В космическую деятельность стали вовлекаться юридические и физические лица разных стран, а также транснациональные корпорации. Члены Комитета ООН по космосу занимают очень разные позиции по разным видам прикладной деятельности. Анализ этих позиций и соответствующие рекомендации полезны для содействия российским органам, занятым в практической космической деятельности.

Ключевые слова: космическое пространство, небесные тела, спутники, космическая деятельность, телефонная связь, космическая навигация, предостережение природных катастроф.

Введение. «Подняться в космос — древняя мечта человека... Желание добраться до звездных далей вечно сопровождало человечеству вместе с безграничной жаждой творчества и познания» — так представляли себе цели космической деятельности авторы одной из первых советских книг по космическому праву [3, с. 4]. И в принятом в 1966 году самом главном документе космического права — Договоре по космосу — сказано: «Космическое пространство, включая Луну и другие небесные тела, открыто для исследования и использования всеми государствами»¹, т. е. тогда деятельность в космосе представлялась очень неопределенно — исследование и использование, а вокруг Земли летал едва ли ни десяток искусственных спутников.

Позднее люди открыли, что космическое пространство может использоваться в самых практических целях: для связи, для навигации, для предсказания погоды, для получения сведений о поверхности Земли и ее недрах путем сканирования и фотографирования. Эти практически полезные на Земле виды космиче-

ской деятельности получили общее название «прикладные виды использования космоса», и сейчас они составляют 90% космической деятельности. Все они осуществляются с помощью искусственных спутников; в настоящее время состоялось уже примерно 6 000 запусков, причем в последнее время имеют место «кассетные» запуски, так что в результате одного запуска на орбиту выходит несколько десятков спутников².

В том, что касается правового регулирования прикладных видов космической деятельности, есть некоторые общие для всех проблемы, а есть и конкретные — для каждого вида деятельности.

Первой общей для всех проблем является, прежде всего, недостаточность договорного регулирования. Упомянутый Договор по космосу недаром называется договором о принципах: он устанавливает принципы, т. е. его можно сравнить с Уставом ООН в общем международном праве. К сожалению, любые принципы могут быть истолкованы очень по-разному. Кроме этого, принято еще три полезных дого-

¹ Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела : принят резолюцией 2222 (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 19.12.1966 // Организация Объединенных Наций : [сайт] — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/outer_space_governing.shtml (дата обращения: 12.06.2023).

² Space Launch Report: Orbital Launch Summary by Year. Available online. — URL: <http://www.spacelaunchreport.com/logyear.html> (дата обращения: 18.07.2023)

вора: Соглашение о спасании космонавтов¹, Конвенция о регистрации космических объектов², Конвенция об ответственности³. Принято еще Соглашение о Луне, но оно признано очень малым числом государств.

Как видим, все договоры приняты довольно давно, а если учесть скорость, с которой развиваются прикладные виды космической деятельности, то можно сказать — ужасно давно. В основном эксплуатация космоса если не началась, то достигла развития уже после заключения космических договоров.

Впрочем, такая картина — остановка договорного творчества — наблюдается и в других отраслях международного права: в праве прав человека, в морском, экономическом праве и др. На место договоров в космическом праве, как и в других отраслях, пришли рекомендательные документы, чаще всего резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, а также резолюции других международных организаций и решения представительных конференций.

В космическом праве уже выработался определенный порядок формирования рекомендательных документов на основе обсуждений в рамках Комитета ООН по космосу, затем облеченных в форму резолюции Генеральной Ассамблеи ООН. В дальнейшем мы покажем, что в самых важных областях космической деятельности принимаются рекомендации, которые затем превращаются в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, становятся частью национального законодательства и, обкатываясь в отношениях между государствами, а чаще — между компаниями, унифицируются.

Вторая общая проблема — отсутствие согласованной юридической границы между воздушным и космическим пространствами. Воздушное пространство входит в территорию наземного государства и подлежит его территориальному верховенству. Космическое пространство на всем его протяжении находится в общем пользовании, и космический объект подлежит только суверенитету государства регистрации. Комитет ООН по космосу начал обсуждать вопрос о делимитации воздушного и космического пространства еще в 1959 году, но до сих пор его члены к единому мнению не пришли. В основном пользуются поддержкой два предложения: провести границу в соответ-

ствии с естественнонаучными данными (например, место, где невозможны полеты аппаратов, опирающихся на воздух; место, где земное тяготение уже позволяет набрать первую космическую скорость. В обоих случаях это примерно 80—100 км от уровня моря). Вторая позиция: границу устанавливать не надо, а следует допустить включение в территорию государства геостационарной орбиты, т. е. такой орбиты, где спутник как бы висит над одной точкой земной поверхности. Это, в основном, экваториальные страны, и при таком развитии событий они могли бы получать доход за размещение спутников на геостационарной орбите, каковое размещение очень выгодно запускающему государству.

Третья общая проблема — это неопределенность понятия «запускающее государство». Эта проблема касается очень важных вопросов об ответственности и о собственности.

В Договоре по космосу (ст. VII) установлено, что международная (т. е. политическая или договорная) ответственность возлагается на государство, которое осуществляет или организует запуск объекта в космическое пространство, либо на государство, с территории или установок которого производится запуск объекта; во все время полета запускающему государству принадлежат юрисдикция и контроль над объектом, а также права собственности на него.

Однако времена изменились: появилась возможность производить запуски с морских платформ в открытом море или запускать спутники с самолетов. Но главное — активными акторами космической деятельности становятся частные компании, и нередко — консорциумы, состоящие из частных лиц разной национальности. Какое государство в этом случае считается запускающим и несет международную, а также и материальную ответственность при аварии?

Неясность может возникнуть и в случае продажи космического объекта, уже находящегося на орбите, либо иной формы перехода права собственности и юрисдикции. Очевидно, выход состоит в усилении статуса ответственности государства за действия лиц его национальности в космосе и в унификации соответствующего национального законодательства.

¹ Соглашение о спасании космонавтов, возвращении космонавтов и возвращении объектов, запущенных в космическое пространство (Москва, Лондон, Вашингтон, 22 апреля 1968 г.) // Организация Объединенных Наций : [сайт] — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/astronauts_rescue.shtml (дата обращения: 21.07.2023).

² Конвенция о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство : принята резолюцией 3235 (XXIX) Генеральной Ассамблеи ООН от 12.11.1974 // Организация Объединенных Наций : [сайт] — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/objects_registration.shtml (дата обращения: 21.07.2023).

³ Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами : принята резолюцией 2777 (XXVI) Генеральной Ассамблеи ООН от 29.11.1971 // Организация Объединенных Наций : [сайт] — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/damage.shtml (дата обращения: 21.07.2023).

Четверая, еще не вполне обрисованная проблема, которая может поставить под сомнение все полеты искусственных спутников и космических кораблей — это *проблема космического мусора*: так называют все находящиеся в космосе, но не работающие объекты. Отработавшие спутники часто не снимаются с орбиты в надежде, что притяжение обрушит их на Землю и они сгорят в атмосфере; от них откалываются некоторые детали и куски обшивки. Они все представляют собой своеобразные спутники и продолжают лететь по орбите.

Некоторые наблюдатели насчитывают до 150 млн таких «мусорных» объектов размером более 1 мм и 600 тыс. объектов размером до 1 см¹. Они летят с высокой скоростью (до 8 км/с = 28 800 км/ч). Главная опасность космического мусора — это угроза столкновений с рабочими космическими объектами, а также выпадение на планету, сопровождающееся угрозой химического поражения наземных территорий высокотоксичным топливом ракетных ступеней; нельзя не учитывать и возможное падение объектов с источниками ядерной энергии на борту [8, с. 8].

Юридическая сущность проблемы космического мусора состоит в том, что в соответствии со ст. VIII Договора по космосу установлено исключительное право собственности и юрисдикции запускающего государства на объекты, помещенные в космическое пространство, а также на *их составные части*. Отсюда следует, что только запускающее государство имеет право удалять и «мертвые» объекты, и обломки. Но технические трудности определения, какому государству принадлежит какой обломок, очевидно непреодолимы.

К этой ситуации можно было бы применить категорию «ничейной вещи», так чтобы любое государство было вправе вести «очистительные работы». В гражданском праве любого государства есть такая категория, наличие ее можно было бы квалифицировать как общий принцип права, и в соответствии со ст. 38 Статута

Международного суда использовать как источник международного права². Но применять эти юридические положения к миллионам кусочков в космосе вряд ли возможно.

Пока нет ясности и относительно того, может ли как-нибудь устанавливаться субъект ответственности в случае причинения ущерба мусором [2, с. 1006], поскольку любая ответственность в соответствии со ст. VII Договора по космосу и ст. II Конвенции об ответственности лежит на запускающем государстве, а в космической деятельности заняты почти исключительно юридические лица³. В национальном законодательстве многих государств в разделах, регулирующих аварийные происшествия, в том числе происходящие в космосе, бремя ответственности возлагается на компании и иных юридических лиц⁴ на основании распространения юрисдикции наземного государства на объекты, включенные в его регистр.

Как показывают обсуждения в Комитете по космосу, возможны два метода борьбы с мусором: принятие мер против ситуации разрушения объектов, находящихся на орбите; добросовестное снятие с орбиты отработавших спутников и ступеней ракет.

Хотя важность борьбы с мусором была осознана в прошлом веке, первый юридический документ был принят лишь в 2007 году — Руководящие принципы по предупреждению образования космического мусора⁵. Принципы не являются юридически обязательными и представляют собой скорее призыв к государствам и космическим организациям ввести в свое внутреннее право нормы и стандарты, предотвращающие поломки космических объектов, отшелушивание частей обшивки, а также своевременное удаление отработавших аппаратов.

Научно-технический подкомитет Комитета ООН по космосу в своем докладе 2022 года пришел к выводу о том, что принятие Руководящих принципов оказало положительное влияние на позиции космических держав в плане

¹ European Space Agency. Space Situational Awareness. Available online. — URL: http://www.esa.int/Our_Activities/Operations/Space_Situational_Awareness/Space_Surveillance_and_Tracking_SST_Segment (дата обращения: 02.07.2023).

² «Суд, который обязан решать переданные ему споры на основании международного права, применяет: а) международные конвенции...; б) международный обычай...; с) общие принципы права, признанные цивилизованными нациями» (ст. 38 Статута Международного Суда).

³ Комитет по использованию космического пространства в мирных целях. Научно-технический подкомитет. Шестидесятая сессия. Вена, 6—17 февраля 2023 г. Пункт 7 предварительной повестки дня. Космический мусор. Исследования, касающиеся космического мусора, безопасного использования космических объектов с ядерными источниками энергии на борту и проблем их столкновений с космическим мусором. Записка Секретариата. Документ ООН A/AC.105/C.1/123 // Управление ООН по вопросам космического пространства : [сайт] — URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/LTD/V22/179/36/PDF/V2217936.pdf?OpenElement> (дата обращения: 04.01.2023).

⁴ Там же. — URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/LTD/V22/179/36/PDF/V2217936.pdf?OpenElement> (дата обращения: 04.01.2023).

⁵ Руководящие принципы по предупреждению образования космического мусора. Документ ООН A/RES/62/217 // Управление ООН по вопросам космического пространства : [сайт] — URL: https://www.unoosa.org/pdf/gares/ARES_62_217R.pdf (дата обращения: 03.01.2023).

принятия мер в борьбе с космическим мусором в целях обеспечения безопасности полетов¹. Многие государства прислушались к призыву и применяют технические стандарты обеспечения долгосрочной устойчивости космической деятельности, которые содержатся в Руководящих принципах обеспечения долгосрочной устойчивости космической деятельности². Однако рекомендательный документ — резолюция Генеральной Ассамблеи — не может заменить договор, который накладывал бы на государство юридические обязательства.

Теперь обратим внимание на отдельные проблемы прикладных видов космической деятельности.

1. *Дистанционное зондирование Земли из космоса (ДЗЗ)* — это сканирование и фотографирование поверхности и недр Земли авиационными и космическими средствами с помощью различных видов съемочной аппаратуры³. Спутник обходит Землю примерно 14 раз в сутки, за одни сутки делает примерно 200 снимков и способен за 18 дней охватить всю Земную поверхность [11]. Снимки передаются на Землю, обрабатываются и затем продаются всем желающим.

Сначала дистанционное зондирование осуществляли Советский Союз и США [1], в значительной мере — в разведывательных целях. Постепенно круг государств, обладающих соответствующими технологическими возможностями, сильно расширился. Намного разнообразнее стали и цели применения ДЗЗ. Теперь возможны отслеживание природных катастроф, планирование урожаев, охрана окружающей среды, отслеживание состояния водных ресурсов и определение залежей полезных ископаемых⁴.

В настоящее время сложилась целая отрасль индустрии ДЗЗ; уже сейчас она чрезвычайно капиталоемка, и в последующие годы

предполагается еще более значительный рост капиталовложений. Предполагается, что глобальный рынок ДЗЗ будет расти темпом почти в 12%⁵. Ясно, что правовое регулирование этой деятельности привлекает внимание и коммерческих акторов, и аффилированных с ними государств.

В связи с ДЗЗ возникает следующая проблема: спутники, ведущие ДЗЗ, не принимают во внимание государственные границы и ведут зондирование без согласия зондируемого государства, а возможно, и без его ведома. Таким образом, информация о территории государства выходит из-под его контроля. Существует мнение, что дистанционное зондирование территории другого государства может быть расценено как шпионаж [10, р. 375]. В любом случае с юридической точки зрения территориальное верховенство не соблюдается в полной мере. Следует еще учесть, что результаты зондирования могут передаваться заинтересованным государствам или юридическим лицам без согласия зондируемого государства. Так что, если даже государство поставлено в известность о том, что оно стало объектом зондирования, его суверенитет все равно может быть задет.

Создается противоречие между принципом равенства всех государств в космическом пространстве и правом на суверенитет. Возникает и проблема неприкосновенности персональных данных, поскольку современная аппаратура настолько совершенна, что позволяет читать из космоса даже цифры на кредитной карте.

Однако нельзя не учитывать, что само зондируемое государство заинтересовано в получении информации о своей территории, и возможно, о зонах юрисдикции других государств. Кроме того, многолетние попытки поставить преграды зондированию хотя бы некоторых объектов потерпели неудачу, и

¹ Комитет по использованию космического пространства в мирных целях. Шестьдесят пятая сессия. Вена, 1–10 июня 2022 г. Доклад Научно-технического подкомитета о работе его пятьдесят девятой сессии, проведенной в Вене 7–18 февраля 2022 г. Документ ООН А/АС.105/1258 // Управление ООН по вопросам космического пространства : [сайт] — URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/V22/011/69/PDF/V2201169.pdf?OpenElement> (дата обращения: 03.01.2023).

² Доклад Комитета по использованию космического пространства в мирных целях. Шестьдесят вторая сессия (12–21 июня 2019 г.). Приложение II. Документ ООН А/74/20 // Управление ООН по вопросам космического пространства : [сайт] — URL: https://www.unoosa.org/res/oosadoc/data/documents/2019/a/a7420_0_html/V1906079.pdf (дата обращения: 19.07.2023).

³ Earth Science Reference Handbook. A Guide to NASA's Earth Science Program and Earth Observing Satellite Missions // NASA, 2006. Page 31, «Key EOSDIS Science Data Product Terminology» (дата обращения: 04.01.2023).

⁴ Комитет по использованию космического пространства в мирных целях. Шестьдесят четвертая сессия (Вена, 25 августа — 3 сентября 2021 г.). Доклад Научно-технического подкомитета о работе его пятьдесят восьмой сессии (Вена, 19–30 апреля 2021 г.). Документ ООН А/АС.105/1240. // Управление ООН по вопросам космического пространства : [сайт] — URL: https://www.unoosa.org/oosa/oosadoc/data/documents/2021/aac.105/aac.1051240_0.html (дата обращения: 11.11.2022).

⁵ Remote Sensing Technology Market Size, Share & Trends Analysis Report By Technology (Active, Passive), By Application (Agriculture, Military, Disaster Management, Weather), By Platform, By Region, And Segment Forecasts, 2020–2027. — URL: <https://www.grandviewresearch.com/industry-analysis/remote-sensing-technologies-market> (дата обращения: 25.02.2022).

государства практически смирились с правом зондирования любых регионов [9, р. 404]. Фактически в международном праве сформировалась свобода зондирования.

Поначалу в Комитете ООН по космосу по этому поводу шли дебаты, но в результате переговоров в Принципах дистанционного зондирования, принятых Генеральной Ассамблеей ООН в 1986 гду¹, закреплено только, что деятельность по ДЗЗ должна осуществляться на основе уважения принципа полного и постоянного суверенитета всех государств и народов над своими богатствами и природными ресурсами с должным учетом признаваемых по международному праву прав и интересов других государств и организаций, находящихся под их юрисдикцией.

Весной 2023 года Научно-технический подкомитет в своем докладе отметил, что политика в области обмена данными дистанционного зондирования и расширение международного сотрудничества в целях недискриминационного использования спутниковых данных являются важными факторами, которые необходимо учитывать, для того чтобы такие данные приносили пользу обществу².

2. Проблемы с использованием спутников связи. Спутниковая связь в настоящее время покрывает всю планету и стала необходимым элементом всех человеческих связей. Она начала развиваться в виде отдельных региональных организаций, таких как ИНТЕЛСАТ, ИНМАРСАТ, ИНТЕРСПУТНИК и др. Регулирование в них было довольно сложным: на основе межгосударственных соглашений заключались так называемые эксплуатационные соглашения, которые можно квалифицировать как межведомственные договоры [5, с. 111].

Затем организации спутниковой связи стали чисто коммерческими, что соответствовало общемировой тенденции коммерциализации космической деятельности [6, с. 6].

Еще с появлением телеграфа в середине XIX века стала очевидной необходимость всемирной координации связи, и был создан Всемирный телеграфный союз, который существует до наших дней, будучи преобразован в Международный союз электросвязи (МСЭ). Он

осуществляет распределение спутниковых орбит, разрабатывает технические стандарты, которые обеспечивают беспрепятственное взаимодействие сетей и технологий, и направляет усилия на расширение доступа к ИКТ в обслуживаемых в недостаточной степени сообществах во всем мире³. Нужно отметить, что некоторые решения МСЭ имеют обязательный характер: в национальном законодательстве государств относительно искусственных спутников должны приниматься во внимание правила, устанавливаемые МСЭ.

К сожалению, МСЭ не удается принять правила о снятии с орбит и с регистрации отработавших спутников⁴.

3. Проблемы с использованием навигационных спутников. Использование спутников для целей навигации — это такой же наглядный пример прикладной космической деятельности, как связь. Современная навигация практически работает в автомобиле или просто в кармане каждого из нас. Технически навигация — это примерно тот же процесс, что и связь. Хотя навигационные спутники начали разрабатываться в военных целях, почти одновременно с этим стали разрабатываться глобальные системы связи между судами в Мировом океане, прежде всего, в целях обеспечения безопасности мореплавания и для незамедлительного принятия мер в аварийных ситуациях [4]. Центральной фигурой в морской навигации стала Международная морская организация (ИМО); ею образована Международная организация морской спутниковой связи (ИНМАРСАТ), которая обслуживает и морское движение, и воздушное⁵. Спутниковая навигация — один из примеров эффективного международного сотрудничества.

4. Ядерные источники энергии на космических объектах. В проблеме использования ядерных источников энергии на космических объектах скрыто противоречие: с одной стороны, эти источники компактны и могут работать длительное время. С другой стороны, они несут огромный потенциальный вред. Поэтому в регулировании эксплуатации этих источников вопросы технического оборудования важны не меньше, чем юридические.

¹ Принципы, касающиеся дистанционного зондирования Земли из космического пространства : приняты резолюцией 41/65 Генеральной Ассамблеи ООН от 03.12.1986 // Организация Объединенных Наций : [сайт] — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/earth_remote_sensing.shtml (дата обращения: 04.01.2023).

² Доклад Научно-технического подкомитета о работе его пятьдесят девятой сессии (Вена, 7–18 февраля 2022 г.). Документ ООН A/АС.105/1258 // Управление ООН по вопросам космического пространства : [сайт] — URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/V22/011/69/PDF/V2201169.pdf?OpenElement> (дата обращения: 04.01.2023).

³ Сайт МСЭ. — URL: <https://www.itu.int/ru/about/Pages/default.aspx> (дата обращения: 19.12.22).

⁴ Резолюция Всемирной конференции радиосвязи: WRC-03 Resolution [Com4=9] (WRC-03) on “Backlog in Satellite Filings” // Сайт МСЭ. — URL: <https://search.itu.int/history/HistoryDigitalCollectionDocLibrary/4.127.43.en.100.pdf> (дата обращения 19.04.2022).

⁵ International Civil Aviation Organization : [Официальный сайт]. — URL: <https://www.icao.int/Pages/default.aspx> (дата обращения 10.11.2022).

Эти вопросы начали обсуждаться в Комитете ООН по космосу еще в 1978 году, и только в 1992 году был принят рекомендательный документ Принципы, касающихся использования ядерных источников энергии в космическом пространстве¹. К сожалению, Принципы действуют ограниченно и не распространяются на транспортные операции в космосе [7]. Принципы нацелены на обеспечение наиболее возможно эффективной защиты от ядерной угрозы. Значение Принципов состоит в том, что в них прямо сказано, что они составляют часть системы космического права и должны рассматриваться в качестве *lex specialis*, дополняющего общее международное право с целью надлежащего регулирования деятельности по использованию космического пространства в мирных целях. Это значит, что при осуществлении деятельности, связанной с использованием ядерных источников энергии в космическом пространстве, необходимо соблюдать положения соответствующих международных конвенций, в том числе тех, проекты которых разрабатывались под эгидой Международного агентства по атомной энергии.

Нужно отметить значительную роль МАГАТЭ в сотрудничестве с Комитетом ООН по космосу, результатом которого стал документ Рамки обеспечения безопасного использования ядерных источников энергии в космическом пространстве². В этом документе сказано, что при его разработке должным образом учитывались соответствующие принципы и договоры. «Ни для одного из этих принципов или договоров Рамки не являются добавлением, изменением или толкованием»³. Кроме того, в нем сказано, что Рамки представляют собой технический консенсус между Комитетом ООН по космосу и МАГАТЭ и что они предназначены для применения в качестве руководства для национальных целей и не являются юридически обязательными согласно международному праву.

В настоящее время решено сделать упор на обмене накопленными знаниями и практическим опытом с целью их возможного использования для доработки технического содержания и расширения сферы охвата Принципов, касающихся использования ядерных источников энергии в космическом пространстве, на основе докладов государств и международных организаций.

Несмотря на всю недостаточность Принципов, их базовые условия безопасности служат руководством общего характера.

Заключение. В правовом регулировании прикладных видов космической деятельности сложилась своеобразная картина: мы наблюдаем бурное развитие этой деятельности на фоне довольно скудного международно-правового регулирования. В космическую деятельность включаются все новые государства, а также многочисленные частные компании. Несмотря на весьма высокую затратность космической деятельности, она приносит высокие прибыли, и потому мы видим создание множества консорциумов и транснациональных компаний. Этот процесс получил название коммерциализации космоса.

С юридической точки зрения картина регулирования отнюдь не проста. Принятые много лет назад договоры служат принципиальной базой, более конкретные вопросы включаются не в договоры, а в рекомендательные документы. Эти документы служат основой для национального законодательства, и таким образом происходит его унификация. Государства, принимая внутренние нормативные акты для своих физических и юридических лиц, поневоле имплементируют международные нормы.

Список литературы

1. Дистанционное зондирование Земли из космоса. Обзор законодательства и правоприменительной практики / под общ. ред. А.А. Балагурова. М., 2009 [Электронная версия] — URL: <http://www.readybiz.ru> (дата обращения 07.04.2022).
2. Жаркова О.В. Космический мусор: проблемы правового регулирования / О.В. Жаркова, Н.А. Развейкина // XV Королевские чтения. 2019. Т. 2. С. 1006.
3. Ковалев Ф.Н. На пути к космическому праву / Ф.Н. Ковалев, И.И. Чепров. М., 1962. 178 с.
4. Лукьянова, А.В. Международно-правовые проблемы использования космоса в целях мореплавания : дис. ... канд. юрид. наук / А.В. Лукьянова. М., 2008.
5. Международное космическое право : учебник / [Вещунов В.С., Жуков Г.П., Жукова Э.Г. и др.] ; отв.ред. Г.П. Жуков, Ю.М. Колосов. М. : Международные отношения, 1999. 356 с.
6. Стовбун, В.Д. Международно-правовой статус международной организации космической связи «интерспутник» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.Д. Стовбун. М., 2010. 25 с.

¹ Принципы, касающиеся использования ядерных источников энергии в космическом пространстве : приняты резолюцией 47/68 Генеральной Ассамблеи ООН от 14.12.1992 // Организация Объединенных Наций : [сайт] — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/outerspace_nucpower.shtml (дата обращения: 04.01.2023).

² Комитет по использованию космического пространства в мирных целях Рамки обеспечения безопасного использования ядерных источников энергии в космическом пространстве. Документ ООН А/АС.105/934 от 19.05.2009 // Управление ООН по вопросам космического пространства : [сайт] — URL: https://www.unoosa.org/pdf/reports/ac105/AC105_934R.pdf (дата обращения: 05.01.2023).

³ Там же. С. 2.

7. Солнцев, А.М. Международно-правовые рамки обеспечения безопасного использования ядерных источников энергии в космическом пространстве / А.М. Солнцев // Вестник РУДН. Серия : Юридические науки. 2011. № 2. С. 107—112.

8. Шустов, Б.М. О фундаментальных исследованиях по проблеме космического мусора / Б.М. Шустров // Космический мусор: фундаментальные и практические аспекты угрозы : Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Москва, ИКИ РАН, 17—19 апреля 2019 г. М., 2019. 237 с.

9. Allot Ph. The Health of Nations: Society and the Law beyond States, 2002, p. 404.

10. Christol A. Remote Sensing and International Law // Annals of Air and Space Law. Vol. V (1980), p. 375.

11. DeSaussure H. Remote Sensing by Satellite: What Future for an International Regime? // American Journal of International Law. Vol. 71, 1987, pp. 708—709.

References

1. Remote sensing of the Earth from space. Review of legislation and law enforcement practice / edited by. ed. A.A. Balagurova. M., 2009 [Electronic version] — URL: <http://www.readybiz.ru> (access date 07.04.2022).

2. Zharkova O.V. Space debris: problems of legal regulation / O.V. Zharkova, N.A. Razveikina // XV Royal Readings. 2019. Vol. 2. P. 1006.

3. Kovalev F.N. On the way to space law / F.N. Kovalev, I.I. Cheprov. M., 1962. 178 p.

4. Lukyanova, A.V. International legal problems of using space for navigation purposes: dis. ... cand. legal sciences / A.V. Lukyanova. M., 2008.

5. International space law: textbook / [Veschunov V.S., Zhukov G.P., Zhukova E.G. etc.]; ed. G.P. Zhukov, Yu.M. Kolosov. M.: International relations, 1999. 356 p.

6. Stovbun, V.D. International legal status of the international organization of space communications "intersputnik": abstract of thesis... candidate of legal sciences / V.D. Stovbun. M., 2010. 25 p.

7. Solntsev, A.M. International legal framework for ensuring the safe use of nuclear energy sources in outer space / A.M. Solntsev // Bulletin of RUDN University. Series: Legal sciences. 2011. No. 2, pp. 107-112.

8. Shustov, B.M. On fundamental research on the problem of space debris / B.M. Shustrov // Space debris: fundamental and practical aspects of the threat: All-Russian scientific conf. with international participation. Moscow, IKI RAS, April 17–19, 2019. M., 2019. 237 p.

9. Allot Ph. The Health of Nations: Society and the Law beyond States, 2002, p. 404.

10. Christol A. Remote Sensing and International Law // Annals of Air and Space Law. Vol. V (1980), p. 375.

11. DeSaussure H. Remote Sensing by Satellite: What Future for an International Regime? // American Journal of International Law. Vol. 71, 1987, pp. 708-709.

Applied Types of Space Activities: Problems of International Legal Regulation

Shinkaretskaia G.G.,

Doct. in Law, Chief Research Fellow
at Institute of State and Law
of Russian Academy of Sciences
Russia, Moscow
gshink@yandex.ru

The purpose of the article is a comparative legal study of methods of international legal regulation of various types of space activities suitable for use on Earth.

Activities in the field of exploration and use of outer space and celestial bodies began exclusively as activities of States aimed mainly at obtaining fundamental knowledge or ensuring military security. In the 1960s and 1970s, treaties were adopted that laid the foundation for space activities. However, after 1980, the legal regulation of space activities has not developed. Despite the active and hard-working UN Committee on Outer Space, the only thing that can be achieved is the adoption by the UN General Assembly of recommendatory resolutions that serve as the basis for the adoption of national legislation.

Over time and with the development of technology, it turned out that Space can be used to provide the most urgent needs on Earth, such as telephone communication, navigation for all types of transport, foreseeing natural disasters, etc. It also turned out that this applied activity is extremely profitable. Legal entities and individuals from different countries, as well as multinational corporations, have become involved in space activities. The members of the UN Committee on Outer Space occupy very different positions on different types of applied activities. The analysis of these positions and relevant recommendations are useful for assisting Russian authorities engaged in practical space activities.

Keywords: outer space; celestial bodies; satellites; space activities; telephone communication; space navigation; prevention of natural disasters.

К вопросу о деятельности судебно-экспертных учреждений и аналогичных структур в некоторых зарубежных странах

Р.В. Мамедов,

преподаватель Департамента правового регулирования
экономической деятельности юридического факультета
Финансового университета при Правительстве РФ
Россия, Москва
rvmamedov@fa.ru

Статья посвящена рассмотрению судебно-экспертных учреждений в отдельных зарубежных странах (Федеративной Республике Германия, Франции, Португалии и др.) с целью выявления наиболее эффективных и отвечающих последним требованиям общества механизмов функционирования и инструментов осуществления судебно-экспертной деятельности. Основными методами данного исследования являются логический анализ, синтез, обобщение (общенаучные методы), а также формально-юридический и сравнительно-правовой (специальные методы). Автор делает вывод, что большинство европейских государств относит судебно-экспертную деятельность к разновидности государственной службы, находящейся в прямом подчинении у различных правоохранительных ведомств; повышенное внимание со стороны судебно-экспертных учреждений зарубежных стран уделяется развитию высокотехнологичных инструментов, способствующих улучшению качественных и количественных показателей при производстве судебных экспертиз.

Ключевые слова: судебная экспертиза, судебно-экспертная деятельность, судебно-экспертные учреждения, зарубежные страны, судебные эксперты, специалисты, правоохранительные органы.

Чтобы повысить эффективность судебно-экспертной деятельности, которая в первую очередь зависит от того, насколько она (эта деятельность) соответствует последним современным мировым требованиям научно-технического прогресса, способствующего удовлетворению потребностей общества и государства, видится необходимым обратиться к опыту зарубежного законодателя в части вопроса, направленного на изучение деятельности судебно-экспертных учреждений и аналогичных структур в некоторых зарубежных странах.

Предлагаем рассмотреть опыт отдельных европейских государств. Сразу стоит отметить, что в преобладающем большинстве стран Европы судебно-экспертная (экспертно-криминалистическая) деятельность регламентирована нормами уголовно-процессуального законодательства. При этом посредством ведомственных нормативных положений, в большинстве случаев, происходит определение порядка, в соответствии с которым реализуется внутрисистемная деятельность по организации различных видов экспертиз, включающая в себя:

- формы объединения лиц, осуществляющих судебно-экспертную деятельность (экспертов);
- систему судебно-экспертных учреждений;
- установленный регламент работы в данных учреждениях.

При раскрытии организационных вопросов, связанных с реализацией экспертными учреждениями европейских государств своей деятельности, которая основывается на объединении усилий для борьбы с преступлениями, а

также повышении эффективности раскрываемости и расследовании преступлений, стоит отметить факт необходимости наличия у правоохранительных органов стран Европы близких (схожих) по своей сути организационных принципов и практики оперативной деятельности. При этом, как справедливо отмечал в своем диссертационном исследовании А.В. Быков, для любой модели правоохранительной системы какой-либо страны характерной особенностью будет являться ее индивидуальное устройство в совокупности с имеющимися достоинствами и недостатками, так как ее возникновение и развитие происходит посредством влияния значительного числа исторических факторов отдельно взятого государства [1, с. 51].

Так, полицейскую систему **Федеративной Республики Германия** относят к полуцентрализованному организационному типу. Этому способствовало административно-территориальное устройство страны, обусловленное федеративной формой. Полицейская система здесь включает в себя:

- федеральный уровень;
- региональный уровень;
- органы, осуществляющие общественную безопасность на муниципальном уровне.

Организационно-управленческая структура полицейской системы **ФРГ** включает в себя:

- органы, осуществляющие свои полномочия на федеральном уровне;
- органы, осуществляющие свои полномочия на региональном уровне (органы земель);
- ведомственные полицейские структуры.

Во всех землях ФРГ (Bundesland) функционируют свои независимые судебно-экспертные лаборатории. Федеральные полицейские подразделения (das Bundeskriminalamt) в своей структуре имеют службы, которые специализируются на деятельности по производству различного рода специальных судебных экспертиз и исследований. В их распоряжении находятся собственные хранилища информации, содержащие важные для криминалистов сведения.

Так, 15 марта 1951 г. в ФРГ вступил в силу законодательный акт, посредством которого было образовано Федеральное ведомство по уголовным делам¹ (далее — ВКА ФРГ). В рамках выполняемой деятельности ВКА ФРГ первоочередно реализует задачу, направленную на то, чтобы эффективно обеспечить безопасность как внутри страны, так и в рамках границ Европейского союза. Для этого ведомству оказывают поддержку полиция федеральных земель, полиция федерального подчинения и правоохранительные органы других стран, входящих в ЕС.

ВКА ФРГ находится в структурном подчинении у Федерального министерства внутренних дел. Базируется ведомство в городе Висбаден, а в городах Меккенхайм и Берлин расположены его территориальные подразделения. Полномочия по общему руководству закреплены за президентом и тремя вице-президентами (до 2020 года их было двое). Состав ВКА ФРГ обладает довольно обширной структурой, в которую входят главные управления, подразделяемые на управления и их отделы. Следует подчеркнуть, что сформированная структура ведомства время от времени подвергается определенным изменениям, вызванным необходимостью противостоять новым видам преступлений, совершаемых в эпоху глобализации и цифровизации с использованием высокотехнологичного инструментария.

Главное управление центральных служб уголовной полиции (Zentrale kriminalpolizeiliche Dienste) выполняет роль дежурного подразделения ВКА ФРГ, а также центра по криминалистической технике. Здесь же расположено такое оперативное подразделение, как Мобильная оперативная группа (МЕК), представляющая собой аналог оперативной поисковой группы. В данном управлении, помимо прочего, могут собираться и храниться вещественные доказательства и улики, полученные на этапе предварительного расследования.

Главное управление — Институт криминалистической техники (Kriminaltechnisches

Institut) имеет в своем распоряжении «современные научно-технические приспособления, технику и применяемые передовые криминалистические средства и методы по раскрытию преступлений. Все это помогает идентифицировать следы, оставленные преступником на месте совершенного преступления. Ресурсы института способствуют удовлетворению запросов правоохранительных органов (полиции, прокуратуры) и суда посредством предоставления заключений по проведенным криминалистическим и техническим экспертизам» [2, с. 303]. Их результаты будут использованы в рамках проводимых судебных процессов. Нельзя не отметить тот факт, что данное управление выделяет значительный и уникальный научный коллектив, который состоит более чем из 300 экспертов по 60 различным профессиональным направлениям. Все они осуществляют свою деятельность на рубеже различных областей науки (химия, биология, математика и др.) [4, с. 203].

Главное управление — Криминалистический институт (Kriminalistisches Institut) проводит криминалистические и криминологические исследования на основе имеющихся в его распоряжении современных технических достижений и инновационных технологий, которые помогают эффективно противодействовать преступности таким полицейским структурам, как полиция земель и Федеральная полиция.

Первостепенной задачей для института является подготовка обоснованных научных концепций, формулируемых при тесном сотрудничестве с полицейскими сотрудниками-практиками и направленных на эффективное увеличение положительных показателей полицейской борьбы с преступлениями. Эта работа не может быть реализована без должного уровня внедрения новых знаний в процессы, непосредственно отвечающие за уровень подготовки и повышения квалификации полицейских кадров. Для внедрения положительного опыта в свою деятельность институт тесным образом взаимодействует (сотрудничает) с другими подобными научными учреждениями, как ведомственными, так и гражданскими, на государственном и международном уровне. Работа ученых криминалистов и ученых-криминологов фокусируется на изучении преступлений определенного характера и направленности. Полученные в ходе изучения результаты исследований подлежат опубликованию в различных научных изданиях, которые впоследствии используются для обучения студен-

¹ Официальный сайт Федерального ведомства по уголовным делам Германии : [Электронный ресурс] — URL: https://www.bka.de/DE/DasBKA/GesetzlicherAuftrag/gesetzlicherauftrag_node.html#doc20666bodyText1 (дата обращения: 15.08.2023).

тов в высших учебных заведениях, а также в практической деятельности.

Главное управление информационной техники (Informationstechnik) внедряет современные информационные технологии, способствующие обеспечению должной работы всех информационно-технических сервисов, применяемых полицией в своей деятельности. Оно, можно сказать, выполняет роль накопителя служебной информации и является внутренним информационно-технологическим подразделением ВКА, а также выполняет данные функции в качестве единого централизованного органа применительно к федеральной и земельной полиции ФРГ.

Получается, что в исключительном ведении ВКА находится главная информационно-технологическая инфраструктура в виде единой базы, предназначенной для совместного эксплуатирования информационно-технологических модулей. Так, ДНК-профили граждан наряду с отпечатками пальцев хранятся в биометрическом хранилище данных, функционально взаимодействующим с постоянно модернизирующейся информационной системой полиции под названием INPOL-neu, способной в автоматическом режиме устанавливать взаимосвязи между людьми, находящимися в розыске, а также местом и орудиями совершения преступления. Следовательно, главное управление информационной техники представляет собой высшее звено в государственной полицейской информационной сети, имеющее возможность подключаться к какой-либо международной базе данных, а также предоставлять доступ к содержанию служебной информации для всех заинтересованных полицейских служб ФРГ, что положительно сказывается на скорости раскрытия совершаемых противоправных деяний.

Следующим важным подразделением ВКА ФРГ является Главное управление по координации международного сотрудничества — Internationale Koordinierung. В условиях нарастающего международного терроризма, а также ввиду отрицательной тенденции, связанной с непрерывным ростом интернационализированной организованной преступности, данное подразделение осуществляет функции, посредством которых происходит межгосударственное взаимодействие стран по вопросам эффективной борьбы с совершаемыми преступлениями. Для того, чтобы обнаружить готовящееся преступление на максимально раннем этапе, подразделение оценивает и анализирует различную разрозненную информацию, которая содержится во множестве источников. Это позволяет распознать индикаторы, свидетельствующие об осложнении криминогенной обста-

новки либо связанные с изменением уровня безопасности в государстве [3, с. 15—24].

Региональные судебно-экспертные учреждения **Французской Республики** представлены в виде судебно-экспертных лабораторий (их несколько на всю страну) с головной лабораторией в городе Лион. Стоит отметить, что в Нидерландах, например, функционирует всего лишь одна такая лаборатория.

На сегодняшний день актуальными остаются вопросы, связанные с организацией судебно-экспертной деятельности путем создания судебно-экспертных учреждений, наделяемых специальным статусом, проявляющимся в усиленном контроле за их деятельностью и деятельностью входящих в них структурных подразделений, ведомственной принадлежностью и характерными особенностями централизации и децентрализации данных учреждений. Под централизованным характером следует понимать процесс соединения всех действующих судебно-экспертных учреждений в один общий институт по производству судебных экспертиз, имеющий единое руководство в рамках какого-либо одного ведомства. Децентрализация означает разделение всех судебно-экспертных учреждений по определенным ведомствам.

Португалия и Нидерланды входят в группу тех государств, в которых судебно-экспертные учреждения входят в состав Минюста.

Судебно-экспертная деятельность во Франции характерна тем, что ее осуществляют два отдельных и независимых полицейских формирования: Национальная полиция (Police nationale), деятельность которой непосредственно направлена на поддержание должного уровня общественного порядка в населенных пунктах государства, в которых проживают более 20 тыс. человек, и Национальная жандармерия (Gendarmerie nationale), осуществляющая свои полномочия в небольших населенных пунктах с численностью до 20 тыс. жителей.

Необходимо отметить, что в состав Национальной жандармерии входит уникальное судебно-экспертное учреждение Институт криминальных исследований национальной жандармерии (IRCGN), начавший свою деятельность в 1987 году в качестве объединенного судебно-медицинского института в коммуне Сержи, находящейся в 28 километрах от Парижа. В настоящее время данное судебно-экспертное учреждение тесным образом взаимодействует с органами прокуратуры, судом и следствием.

Специализированные полицейские подразделения характеризуются тем, что в их штате состоят на службе лица, должностные обязан-

ности которых непосредственным образом связаны с осуществлением уголовного преследования. Сеть таких подразделений покрыта практически вся территория Французской Республики, что способствует быстрому и эффективному раскрытию совершаемых противоправных деяний уголовной направленности. Существует два уровня специализации таких подразделений:

— подразделения первого уровня занимаются расследованием опасных региональных преступлений; в этой работе задействованы 20 полицейских подразделений;

— подразделения второго уровня расследуют преступления, совершаемые на местном уровне; в них задействованы 90 полицейских подразделений.

Специалист, осматривающий место совершения преступления, должен входить в состав подразделения и регионального, и местного уровня [5, с. 58].

Стоит отметить, что допустимо существование другой структуры и подчиненности. В отдельных государствах судебно-экспертные лаборатории подчиняются Минюсту в добавок к тем судебно-экспертным лабораториям, которые подчиняются МВД. Такую модель можно наблюдать в таких странах, как Испания и Польша.

Испанская модель осуществления судебно-экспертной деятельности предполагает наличие у двух отдельных ведомств своих судебно-экспертных лабораторий, подчиненных как Минюсту, так и МВД [5, с. 131].

Национальная полиция и Гражданская гвардия относятся к тем ведомственным подразделениям, которые обладают самостоятельными судебно-экспертными подразделениями. Каталония и Страна Басков в своих подразделениях автономных полиций также имеют такие судебно-экспертные подразделения. За последние десятилетия значительным образом усилилась тенденция, направленная на укрепление координационной деятельности органов правопорядка по вопросу криминалистического взаимодействия Национальной полиции и Гражданской гвардии. В середине нулевых годов текущего столетия испанские судебно-экспертные подразделения претерпели ряд определенных преобразований:

— произошли техническое усиление и модернизация судебно-экспертных учреждений таких городов, как Мадрид, Барселона, Севилья, проводящих ДНК-анализ и различные химические исследования;

— открыты два судебно-экспертных учреждения в городах Валенсия и Ла-Корунья;

— в городе Малага произошло открытие химико-токсикологической лаборатории;

— запущена для всех полицейских подразделений передовая дактилоскопическая система;

— появилась группа судебных экспертов, способных проводить почерковедческую экспертизу документов, составленных на арабском языке;

— приступило к работе подразделение, отвечающее за инфографию (с его помощью возможно воссоздать трехмерное компьютерное изображение мест, в которых были совершены противоправные деяния);

— заработал автоматический механизм, способный осуществлять сравнительный анализ сигналов акустики.

Позднее произошло открытие передового судебно-экспертного учреждения под названием «Главный комиссариат научной полиции», структурно входящего в Корпус Национальной полиции страны. При помощи имеющегося в арсенале новейшего оборудования данное учреждение оказалась полностью готова к проведению сложнейших химических, баллистических и иных экспертиз.

В Турецкой и Славачской республиках существуют судебные биомедицинские лаборатории, входящие в состав ведущих отраслевых университетов.

Таким образом, анализ судебно-экспертных учреждений стран, входящих в Европейский союз, позволяет сделать следующие выводы:

1) подавляющее большинство стран Европы относит судебно-экспертную деятельность к разновидности государственной службы, которая находится в непосредственном подчинении у различных правоохранительных ведомств: Министерства внутренних дел, Министерства юстиции, а также Министерства обороны, что можно считать вполне оправданным ввиду эффективного использования криминалистического инструментария, позволяющего должным образом раскрывать и расследовать преступления;

2) для европейских государств характерным признаком является существование двух организационных форм осуществления судебно-экспертной деятельности. В рамках первой организационной формы центральное место занимают специальные судебно-экспертные учреждения. Вторую форму отличает главенствующее положение конкретных специалистов, попавших в соответствующие списки в качестве судебных экспертов;

3) все большее внимание в судебно-экспертных учреждениях уделяется развитию новых и модернизации существующих высокотехнологичных инструментов, позволяющих значительным образом повысить эффективность судебно-экспертной деятельности.

Список литературы

1. Быков, А.В. Теоретические и прикладные проблемы функционирования национальных полицейских систем : дис. ... д-ра юрид. наук / А.В. Быков. М., 2008. 384 с.
2. Никитина, И.Э. Судебная экспертиза в международном измерении / И.Э. Никитина, А.Г. Воеводз, В.А. Ализате. М. : Прометей, 2022. 620 с. ISBN 978-5-00172-260-1.
3. Роль правоохранительных систем Российской Федерации и государств — членов Европейского союза в обеспечении внутренней безопасности : монография / В.В. Князев, Г.П. Лозовицкая, И.Э. Никитина. М. : ВНИИ МВД России, 2015. 190 с.
4. Судебная экспертиза в международном правоприменении / С.А. Смирнова, И.Э. Никитина, Ш.Н. Хазиев [и др.]. М. : Российский Федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, 2019. 402 с.
5. Kopp I. Organization and History of the member laboratories, 14th Meeting Linkoping 2002, The European Network of Forensic Science Institutes, 2002.

References

1. Bykov, A.V. Theoretical and applied problems of the functioning of national police systems: dis. ... doctor of Law. Sciences / A.V. Bykov. M., 2008. 384 p.
2. Nikitina, I.E. Forensic examination in the international dimension / I.E. Nikitina, A.G. Volevodz, V.A. Alizade. M.: Prometheus, 2022. 620 p. ISBN 978-5-00172-260-1.
3. The role of law enforcement systems of the Russian Federation and member states of the European Union in ensuring internal security: monograph / V.V. Knyazev, G.P. Lozovitskaya, I.E. Nikitina. M.: All-Russian Scientific Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2015. 190 p.
4. Forensic examination in international law enforcement / S.A. Smirnova, I.E. Nikitina, Sh.N. Khaziev [and others]. M.: Russian Federal Center for Forensic Expertise under the Ministry of Justice of the Russian Federation, 2019. 402 p.
5. Kopp I. Organization and History of the member laboratories, 14th Meeting Linkoping 2002, The European Network of Forensic Science Institutes, 2002.

On the Issue of the Activities of Forensic Institutions and Similar Structures in Some Foreign Countries

Mamedov R.V.,

Lecturer of Dept. of Legal Regulation of Economic Activity,
Faculty of Law, Financial University
under the Government of Russian Federation
Russia, Moscow
rvmamedov@fa.ru

This work is devoted to the consideration of existing forensic institutions in certain foreign countries (the Federal Republic of Germany, France, Portugal, etc.) in order to identify the most effective and meeting the latest requirements of the society mechanisms of functioning and tools for the implementation of forensic activities. The main methods of this study are: logical analysis, synthesis, generalization (general scientific methods), as well as formal legal and comparative legal (special methods). The conclusions of the article indicate that most European states classify forensic activities as a type of public service, which is directly subordinate to various law enforcement agencies; increased attention from the forensic institutions of these countries is paid to the development of high-tech tools that help improve the qualitative and quantitative indicators in the production of forensic examinations.

Keywords: forensic examination, forensic activities, forensic institutions, foreign countries, forensic experts, specialists, law enforcement agencies.

DOI 10.25799/NI.2023.35.95.026
УДК 346(075.8)

**Основополагающие принципы государственного регулирования экономики России в современных условиях:
рецензия на учебник «Экономическое право» под научной редакцией профессора Н.С. Бондаря. М.: Проспект, 2023**

Д.И. Дедов,

доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права МГУ им. М.В. Ломоносова
Россия, Москва
dmitrydedov939@gmail.com

Рецензируемый учебник подготовлен коллективом авторов, представляющих разные организации страны, что свидетельствует о тенденции к кооперации и широкому научному сотрудничеству. Учебник определяет экономическое право как комплексную отрасль законодательства, которая включает в свое содержание конституционные и конкретные отраслевые предписания, направленные на регулирование экономических отношений. Каждый раздел содержит основополагающие принципы и подходы государственного регулирования экономики в соответствующих значимых сферах социальной жизни. В целом учебник заслуживает широкого использования для подготовки юристов во всех сферах экономики, государственных служащих, а также экономистов.

Ключевые слова: экономическое право, учебник, взаимодействие права и экономики, предмет, метод.

Учебник «Экономическое право» под редакцией профессора Н.С. Бондаря не нуждается в представлении: он уже получил свое признание и с успехом используется в учебных дисциплинах для профессиональной подготовки юристов во многих отечественных высших учебных заведениях. В текущем году вышло второе его издание, дополненное и переработанное.

Необходимо отметить следующие особенности данного издания, которые стали характерными для современного этапа развития правовой науки в России. Во-первых, коллектив авторов включает отечественных ученых из разных организаций различных регионов страны, что свидетельствует о закрепившейся тенденции к кооперации и научному сотрудничеству, создает основу для объединения усилий в научной и образовательной сфере, преодолевает разрозненность и изолированность научной мысли, поощряет обмен научными идеями и результатами научных исследований. В подготовке учебника принимали участие ученые из Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Пензенского государственного университета, Южного федерального университета, Поволжского института управления имени П.А. Столыпина, Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева, Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Казанского (Приволжского) федерального университета, МГИМО, ВШЭ. Приятно видеть такую широкую географию научных ресурсов, представленную в рецензируемом издании. Хочется даже воскликнуть: «Широка страна моя родная! Много в ней юридических школ, хороших и разных!» В данном случае объединение усилий носило не временный характер, как это случается после проведения научной конференции и публикации сборника выступлений по актуальным проблемам. Перед нами научное сотрудничество, имеющее постоянную основу (учебник) и далеко идущие цели для воспитания подрастающих поколений на огромной территории нашего государства. Равное гендерное представительство авторов также обеспечено. Все это соответствует современным требованиям инклюзивности при создании коллективных произведений интеллектуального труда.

Экономическое право : учебник. - 2-е изд., перераб. и доп. / [колл. авторов] ; науч. ред. проф. Н.С. Бондарь. М. : Проспект, 2023. 352 с.

Вторая особенность данного издания заключается в ее научном потенциале, который можно оценить достаточно высоко. Авторы подчеркивают, что экономическое право носит комплексный характер. Отмечено, что в нем собраны самые актуальные вопросы правового регулирования экономики, такие как экономическая интеграция, централизация и децентрализация, устойчивое развитие, цифровая среда, глобализация, охрана окружающей среды, экономика регионов и муниципальных образований, инновации и противодействие коррупции. Это сигнал и другим ученым, которые занимаются схожей тематикой: данные темы являются актуальными для нашей страны. Отрадно отметить, что эти темы — самые востребованные во всем цивилизованном мире, и мы в этом смысле не находимся в изоляции.

Что касается нашей собственной истории развития отечественной правовой науки, то данное издание представляет собой, как уже отмечено, комплексное исследование правовых отношений в сфере экономики, отражающее результат эволюции представлений о взаимоотношении систем частного и публичного права, начиная с соперничества между отраслями гражданского и предпринимательского права в начале 1990-х годов. Тогда молодая отрасль предпринимательского права отстаивала свою самостоятельность в традиционных формах: через автономию предмета и метода данной отрасли права. Хотя цивилисты ссылались на то, что в сфере гражданского права входит правовое регулирование хозяйственного оборота, они не находили возражений против публично-правового аспекта предпринимательских отношений, на котором настаивала другая сторона. Действительно, гражданское право традиционно регулирует отношения между частными субъектами права, даже если в качестве такого субъекта выступают публичные образования, органы публичной власти или подконтрольные государству предприятия. Отношения по государственной регистрации прав, как выяснилось, также не относятся к сфере осуществления публичной власти, а являются частью инфраструктуры обеспечения выполнения позитивных обязательств государства по защите права собственности частных лиц.

Предпринимательское право (или хозяйственное право), в свою очередь, сосредоточило свое внимание на различных видах предпринимательской деятельности, и в определении своего предмета ведения отталкивалось от видов рыночной инфраструктуры (фондовый, страховой, банковский рынок; антимонопольное регулирование, банкротство и корпоративные отношения). Собственно вопросам эконо-

мического регулирования различных сфер социальной жизни обычно посвящена одна глава учебника, которая касается общих методов регулирования. В этом смысле рецензируемый учебник экономического права отличается более подробным освещением и анализом экономической стратегии государства в различных сферах социальной жизни. Собственно, этому посвящен весь учебник, что является хорошим дополнением к вышеназванным классическим курсам и представляет собой более углубленное изучение этих вопросов.

Помимо этого, все эти годы развивалось научное представление о правовом регулировании в сфере экономики с точки зрения конституционных основ и принципов. Это было связано с положениями Конституции РФ о новом экономическом укладе современной России по сравнению с советским периодом: командную экономику сменила новая парадигма рыночной экономики, что требовало новых подходов в научном исследовании. Появились конституционная экономика (пионерами в этой области являлись П.Д. Баренбойм и Г.А. Гаджиев, их имена наряду с другими учеными справедливо упомянуты в учебнике на с. 39) и экономическая конституция, или экономический конституционализм (проблемам конституционализма в самом широком смысле и конкретно экономического конституционализма много работ посвятил Н.С. Бондарь, который по праву является соавтором учебника и его научным редактором).

Если классический учебник по предпринимательскому праву содержит общие положения об основах конституционной экономики, изложенные в одной главе, то в данном учебнике вопросы конституционализма не упускаются из виду на протяжении всего учебника. Он, по сути, полностью посвящен проблемам вмешательства государства в экономику и исследует их в различных контекстах современной жизни. Хотелось бы, чтобы в учебнике был сделан больший акцент на защиту свободы предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности. Тогда гарантии этой защиты в виде остальных положений Конституции РФ становятся более понятными. В параграфе 3 главы 2 учебника эти гарантии указаны в виде основ экономической конституции: это защита частной собственности, равенство всех форм собственности, защита конкуренции, соразмерность вмешательства государства исключительно на основании закона и для защиты публичных интересов. Среди них конституционные гарантии предпринимательства указаны лишь в общем виде со ссылкой на ст. 34 Конституции РФ или на основные экономические права и свободы. Вносит путаницу

указание на разделение полномочий между центром и субъектами федерации, хотя это тоже имеет значение. Историческая ценность Конституции РФ 1993 года заключается не только в том, что она закрепила основы рыночной экономики и примат международного права, изменив основы конституционного строя, но и в том, что она впервые, по сравнению с другими странами, в перечне основных прав и свобод закрепила и провозгласила свободу предпринимательской деятельности, что во многом определило развитие конституционной экономики и появление в 2006 году первого учебника, вышедшего под идейным руководством П.Д. Баренбойма, который также был плодом коллектива авторов. Это подняло молодую отрасль, которая тогда только начала свой путь, на новый уровень. Решение и исследование проблем вмешательства государства в экономику именно в 1990-х годах получило новый импульс, и мы видим в результате признание необходимости более углубленного изучения этого предмета и, наконец, появление учебника по экономическому праву.

Краткий анализ соотношения экономического права с другими традиционными отраслями права делается в первой главе учебника. Это сравнение коснулось не только гражданского и предпринимательского права, но и конституционного права, финансового права, административного права, налогового права, муниципального права, международного права и экологического права. Такое сравнение всегда необходимо для уяснения особенностей данного предмета, которые становятся отчетливее при сравнении с другими отраслями права. Тем более, что экономическое право, как явствует из его определения, не претендует на звание самостоятельной отрасли права, как это случалось в раннюю постсоветскую эпоху с гражданским и предпринимательским правом, поэтому возникает вопрос: нужно ли это в современном мире? Не будем здесь отвечать на этот очень сложный вопрос, однако заметим, что советское право при всей его системности и непротиворечивости недостаточно эффективно защищало индивидуальные права и свободы, а рыночная экономика была под запретом. Поэтому все отрасли права, связанные с экономикой, получили свое новое развитие после признания нового экономического уклада на государственном уровне.

Современное экономическое право может теперь не заботиться о формировании и признании самостоятельного предмета, метода и системы норм. Экономическое право — это любые нормы, так или иначе связанные с вмешательством государства в экономику.

Учебник определяет экономическое право как комплексную отрасль законодательства, которая включает в свое содержание конституционные и конкретные отраслевые предписания, направленные на регулирование экономических отношений. Это общее определение требует уточнения, которое дается через иные (научные и образовательные) задачи этой отрасли: интегративное научное направление, исследование закономерностей и фундаментальных проблем взаимодействия права и экономики. Данный инновационный подход сулит перспективные научные результаты, но и предъявляет повышенные требования.

Например, обращает на себя внимание отсутствие в учебнике экономического анализа норм права как такового. Он не принят во внимание при описании модели экономической конституции в начале издания, но получил подробное освещение в главе 6, посвященной устойчивому развитию. Параграф «Эволюция методологии экономического анализа права» мог бы достойно смотреться в книге по философии права, представляя сведения об основных направлениях развития американской экономической науки о соотношении права и экономики, заменяя критику более взвешенным подходом в изложении, основанном на развитии идей в этой области. Точнее говоря, учебник относит феномен экономического анализа к социологии права (право в действии), а не к философии права, но учебников по социологии права не существует. В то же время данный учебник весь посвящен праву в действии, т. е. конкретному правовому воздействию государства на экономику, поэтому его можно назвать вкладом в развитие отечественной социологии права. Однако хотелось бы увидеть конкретный опыт экономического анализа на примерах из практики, но это, оказывается, не тот подход, который согласованно преследуют авторы учебника. Он посвящен общим вопросам взаимодействия права (политики государства) и экономики.

Надо признать, что учебник отмечает важность экономического анализа и его восприятие российскими властями в части требований к рассмотрению законодательных инициатив, оценке их влияния на социально-экономическое развитие общества, оценке рисков, издержек и преимуществ. Конкретные примеры обеспечили бы неоспоримую новизну в подходах к изучению экономического права в качестве учебной дисциплины. Достижение экономического равновесия заслуживает того, чтобы отдать должное практике общественного выбора с использованием экономического анализа права, учитывая его широкое распространение и в преподавании во многих странах, в том

числе и в нашей стране, и в практике многих правительств и муниципальных властей. Возможно, это сознательный выбор, если учесть, что экономия издержек по важным, поворотным моментам принятия государственных решений не является осознанным стратегическим выбором, да и сам экономический анализ как научная дисциплина отличается неясностью и противоречивостью. Но и без этого учебник дает комплексное представление о многочисленных методах, критериях и подходах в области экономического анализа.

В то же время есть первые признаки обозначения нового подхода, свидетельствующего о принятии во внимание влияния политики на экономику. Например, можно признать интересным вывод об усилении влияния исполнительной власти на экономику, поскольку правительство осуществляет текущую экономическую политику. Этот вывод сделан на основании того, что законодательная инициатива в области регулирования экономических отношений полностью принадлежит Правительству РФ.

Такой вывод можно сделать о любом современном государстве. Например, в США отмечают то же самое, но при этом проводят большее количество исследований о том, как на это реагирует Конгресс и Верховный Суд. Было бы интересно посмотреть, как на это реагирует Государственная Дума РФ. В этом смысле особую ценность имеет наблюдение Михаила Барцевского, сделанное на прошедшем ежегодном юридическом форуме: он отметил, что нормы, признанные Конституционным Судом РФ неконституционными, в подавляющем большинстве представляют собой поправки депутатов на этапе второго чтения.

Метод оценки влияния политики на экономику можно назвать традиционным для конституционного права, но он проявляется и в других главах учебника, поэтому его можно признать структурным методом для данного учебника, хотя он, как и другие методы, не обозначен прямо в качестве метода изложения материала. Этот недостаток простителен, поскольку мы имеем дело не с коллективной монографией, а с учебником, и нас должен волновать не метод исследования, а метод изложения материала, хотя хорошо известно, что учебники лучших учебных заведений — и у нас, и за рубежом — содержат научный анализ проблем. Это важно для того, чтобы привить студентам умения, навыки профессионального юридического мышления, а не приучать их запоминать классификации. Например, студенты хорошо запоминают, что роль юриста в защите экономических интересов заключается в том, чтобы знать, какие риски могут возни-

кать в процессе экономической деятельности, и уметь управлять ими правовыми средствами. Причем это характерно для классических курсов по гражданскому и предпринимательскому праву, не говоря уже об экономическом праве, которое может гордиться своим комплексным подходом. Теперь такие риски будут оценивать и юристы в государственных учреждениях, давая свои заключения по разным проектам и инициативам. Это умение необходимо развивать. В начале 1990-х годов мне довелось участвовать в работе одной рабочей группы по развитию экономики, на одном из заседаний которой мы обсуждали перспективы развития электрического автомобиля в нашей стране. Мы заслушали доклад экспертов в этой области, которые нам сообщили о том, что эта область экономики не является перспективной в связи с дороговизной аккумуляторных батарей и коротким пробегом таких автомобилей. Вот такой, крайне низкий, уровень оценки рисков нам достался от советского прошлого, когда высокая теория диалектического материализма была абсолютно оторвана от практики.

Уже на самом общем уровне, посвященном конституционным основам экономики, учебник упоминает важные вопросы, которые необходимо знать каждому студенту, делая определенные наблюдения без предложений по использованию правовых инструментов в таких случаях. Понимая, что общий характер вопросов в рамках конституционных основ экономики является неизбежным, хотелось бы заметить, что они могли быть раскрыты в других главах. Например, на страницах 45—46 содержится много интересных положений. Отмечено, что прогресс экономики отражается на регулировании и защите экономических прав, которые неразделимы с социальными правами и носят название «социально-экономических». Социальные права, включая право на получение пенсий и социальных льгот, действительно, в практике высших национальных и международных судов получают защиту наряду с правом собственности, поскольку содержат определенные ожидания и притязания материального характера, но их подробное изложение требует отдельной главы. Также наблюдается усиление экономической роли государства в связи с разрушительными экономическими кризисами и тяжелыми социальными потрясениями (к последним можно отнести пандемию коронавируса), что вполне заслуживает отдельного подробного рассказа о различных подходах законодателя в борьбе с кризисными явлениями. В конституционных основах экономики заложено множество важных вопросов, требующих более подробного изложения.

Вообще следует отметить, что к любой коллективной публикации большого объема можно предъявить похожие претензии: недостаточно подробно раскрыты отдельные социальные явления; допускаются повторения отдельных социальных явлений в разных главах издания. Однако благодаря высокому уровню организации при подготовке рассматриваемого учебника такие повторы не наблюдаются. Более того, там, где это касается описания схожих явлений (например, бюджетные отношения), в одном случае (к вопросу о соотношении централизации и децентрализации государственной политики) речь идет об общем значении бюджета и общей экономической функции налогов (глава 5), а в другом — более подробно рассказывается о межбюджетных отношениях, связанных с финансовым обеспечением муниципальных образований (глава 10), что подразумевает объяснение значения таких инструментов бюджетной политики, как дотации, субсидии, субвенции.

Еще одна особенность учебника заключается в том, что в нем отсутствует описание или анализ конкретных норм законодательства. Этот учебник называет свой объект экономическим правом, но его можно в той же мере отнести и к экономической политике государства. Даже в главе 3, посвященной позициям Конституционного Суда РФ, речь идет о влиянии этого важного органа на государственную политику через право, через толкование федеральных законов и норм Конституции РФ, поэтому правовые позиции Конституционного Суда РФ выглядят как политические установки по гармоничному и эффективному использованию различных правовых механизмов в организации жизни общества. Это касается, например, использования третейских судов в спорах, связанных с государственной регистрацией прав на недвижимое имущество. Такая позиция могла бы показаться неожиданной, учитывая масштабы злоупотреблений в этой области в прошлом, но политика в данном случае заключается в том, чтобы не запрещать, а в том, чтобы, не отказываясь от гарантий против злоупотреблений, не отказываться и от развития института третейского суда.

Особое внимание уделяется роли судебной власти в обеспечении экономической стабильности через эффективный судебный контроль, который необходим в демократическом обществе для гарантирования правовой определенности и пресечения произвола и злоупотреблений чрезмерно широкими дискреционными полномочиями контрольно-надзорных органов. Глава 3 учебника структурирована таким образом, чтобы осветить все грани той важной роли, которую выполняет судебная система

как гарант свободы предпринимательства, экономического суверенитета, здорового инвестиционного климата. Эта глава — что естественно — содержит многочисленные и очень уместные ссылки на судебную практику, что хотелось бы пожелать и другим главам. Эти примеры свидетельствуют о большой силе юридической мысли, неожиданных решениях в случаях глубокого исследования рассматриваемых экономических отношений, как это видно в формировании отношения к «серому импорту» или раскрытию информации о конфиденциальных решениях органов управления акционерного общества. В таких случаях Конституционный Суд РФ делает открытия в области права через внедрение новых методологических критериев оценки, таких как наличие или отсутствие законного интереса, или через развенчание формализма в применении принципа исчерпания прав в целях защиты прав доступа потребителей к товарам как конституционно значимой ценности.

Неудивительно, что один из параграфов главы 3 носит очень амбициозное название «Решения КС РФ — специфический межотраслевой источник экономического права». В ситуации непрекращающейся дискуссии о том, являются ли судебные решения вообще источниками права, значение данного учебника в том, что он подтверждает всеобщую тенденцию признания их таковыми. Что касается роли Конституционного Суда РФ, то обоснование тезиса делается через признание его решений источниками конституционного права и признание в них нормативных и доктринальных начал через их «нормативную энергию». Согласимся с общим тезисом, но он нуждается в дополнительном обосновании. Особенность кельзенской системы конституционного контроля заключается в том, что Конституционный Суд РФ занимается не толкованием Конституции РФ, в отличие от Верховного Суда США, а толкованием законов, вкладывая в них содержание, которое соответствовало бы конституционным принципам. Таким образом, в самой функции Конституционного Суда РФ заложен нормативный характер. Этим роль Конституционного Суда РФ существенно отличается от роли Верховного Суда РФ, решения которого связаны не с толкованием положений закона, а с восполнением его пробелов. Причем эта функция проявляется не системно, т. е. не благодаря, а вопреки своему предназначению. Этот вопрос вызывает наибольшие трудности, и можно пожелать авторам раскрыть его подробно в будущих изданиях, тем более что глава 3 посвящена соотношению правосудия и экономики, и в этом смысле правосудие необходимо толковать шире, не ограничиваясь решениями

Конституционного Суда РФ, какими бы значимыми они не были.

В общем, учебник дает возможность будущим юристам получить необходимые знания в области экономической политики государства. Этим он выгодно отличается от классических курсов, связанных с экономической деятельностью, позволяя будущим специалистам более широко смотреть на социальные явления, понимать конкретные нормы с точки зрения их общественной значимости. В этом смысле было бы целесообразно провести черту между экономическим правом и экономикой как учебной дисциплиной: ведь во многих смыслах они пересекаются. Экономическая политика государства заботит экономистов на таком уровне, что они сосредотачивают свое внимание на самых важных инструментах этой политики, не вдаваясь, а иногда и вдаваясь в отдельные частности и детали. Экономическая дисциплина наполнена сведениями и знаниями из экономической теории, но такое случается и с экономическим правом, например, когда это касается изложения принципов и подходов в области кредитно-финансовой политики. Отдельные сведения из экономической теории не умаляют правового значения этого учебника: здесь все к месту, понемногу обо всем, не перегружая студента, но приучая его или ее мыслить как государственный деятель.

В конституционно-правовом смысле можно сказать, что данное издание рассказывает о

легитимных общественно значимых целях и о том, какие правовые механизмы инфраструктурного характера задействованы государством для достижения этих целей. Издание приучает к пониманию необходимости баланса частных, общественных и государственных интересов; обеспечения экономической безопасности, экономической независимости и экономического суверенитета государства; повышения благосостояния народа; устойчивого развития; сохранения качественной окружающей среды; открытости и транспарентности государственной политики; доступа общественности к информации и правосудию; экономической интеграции; хорошего администрирования (управления) на основе верховенства права, финансовой стабильности, борьбы с экономическим неравенством (отдельных граждан, групп населения и целых регионов), конфликтом интересов и коррупцией; наконец, необходимости отдавать предпочтение косвенным, а не прямым методам воздействия на рынки и экономическую активность, отдавать предпочтение стимулам, а не запретам.

Таким образом, можно с удовлетворением признать, что каждый раздел содержит основополагающие принципы и подходы государственного регулирования экономики в соответствующих значимых сферах социальной жизни, а учебник в целом заслуживает широкого использования для подготовки юристов во всех сферах экономики, государственных служащих, а также экономистов.

**Fundamental Principles of State Regulation of the Russian Economy
in Modern Conditions: Review of the Textbook “Economic Law”
Scientifically edited by Professor N.S. Bondar. M.: Prospekt, 2023**

Dedov D.I.,

Doct. in Law, Prof. of Dept.
of Constitutional and Municipal Law,
Lomonosov Moscow State University
Russia, Moscow
dmitrydedov939@gmail.com

The textbook under review was prepared by a team of authors representing different organizations in the country, which indicates a tendency towards cooperation and broad scientific collaboration. The textbook defines economic law as a complex branch of legislation, which includes in its content constitutional and specific sectoral regulations aimed at regulating economic relations. Each section contains the fundamental principles and approaches of state regulation of the economy in relevant significant areas of social life. In general, the textbook deserves wide use for training lawyers in all spheres of economics, civil servants, and economists.

Keywords: economic law, textbook, interaction between law and economics, subject, method.